

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «АРМИЯ»

№ 2, 2017

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «АРМИЯ»

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

№ 2(27), 2017

Издается с апреля 2008 года

Начальник
государственного учреждения
«Военное информационное
агентство Вооруженных Сил
Республики Беларусь
«Ваяр»

Андрей СОБОЛЕВСКИЙ

Заместитель
начальника агентства –
главный редактор печатных СМИ

Игорь КАНДРАЛЬ

Выпускающий редактор
Лариса КУЧЕРОВА

Литературный редактор
Василий АРОН

Верстальщик
Евгений ДОВГАЛЬ

Адрес:
220029, г. Минск-29,
ул. М. Богдановича, 29
Телефон: 297-16-26, 297-18-68
Факс: 293-44-92
E-mail: army@mod.mil.by

Адрес
редакционной коллегии:
220034, г. Минск-34 (Ф-2),
ул. Коммунистическая, 1
Главное управление
идеологической работы
Министерства обороны
Республики Беларусь
Телефон: 297-19-57
Факс: 297-16-51
E-mail: iavb@mod.mil.by

Печать:
Государственное предприятие
«СтройМедиаПроект»
ЛП № 02330/71
от 23.01.2014 г.
Адрес:
220123, г. Минск-123,
ул. В. Хоружей, 13/61

Формат 60x90/8
Печать офсетная
Подписано к печати
30.01.2018 г.
Заказ №
Тираж 299 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гура А. Н. — председатель редакционного совета
Макаров В. М. — заместитель председателя
редакционного совета
Тицкий А. Г.
Ксенофонтов В. А.
Чернобай А. И.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дикселис В. П. — доктор философских наук, профессор
(председатель редакционной коллегии)
Макаров В. М. — кандидат педагогических наук
(заместитель председателя
редакционной коллегии)
Чернобай А. И. — заместитель председателя редакционной
коллегии — ответственный секретарь
Воронова Е. В. — кандидат культурологии, доцент
(секретарь редакционной коллегии)
Бузин Н. Е. — доктор военных наук, профессор
Войтеховский А. В. — кандидат философских наук, доцент
Евелькин Г. М. — доктор социологических наук, профессор
Земляков Л. Е. — доктор политических наук, профессор
Коваленя А. А. — доктор исторических наук, профессор
Колодяжный В. В. — доктор военных наук, профессор
Котляров И. В. — доктор социологических наук, профессор
Кривонос О. К. — кандидат военных наук
Ксенофонтов В. А. — кандидат философских наук, доцент
Литвин А. М. — доктор исторических наук, профессор
Мельник В. А. — доктор политических наук, профессор
Наумчик В. Н. — доктор педагогических наук, профессор
Павловский А. А. — доктор военных наук
Решетников С. В. — доктор политических наук, профессор
Фурманов И. А. — доктор психологических наук, профессор
Чуешов В. И. — доктор философских наук, профессор
Шавель С. А. — доктор социологических наук, профессор
Шадурский В. Г. — доктор исторических наук, профессор
Шарков А. В. — доктор исторических наук, профессор
Яковчук В. И. — доктор исторических наук, доцент
Янчук В. А. — доктор психологических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. Н. Гура
Идеологические факторы в спектре источников военных угроз: особенности трансформации и направления противодействия 3
- Е. О. Васильчук
Политико-правовая квалификация незаконных военизированных и вооружённых формирований в Украине 6
- С. А. Вершилов
Противоречия процесса глобализации и военная безопасность ведущих стран мира 13
- В. М. Макаров
Культурная десоверенизация как направление разрушения государственности: способы противодействия 19
- С. М. Алейникова
Политический маркетинг и национальная безопасность: факторы и предпосылки 24
- А. И. Чернобай
Вопросы информационной безопасности в Военной доктрине Республики Казахстан 2017 года 28
- А. В. Макаров
Модель государственного регулирования межэтнических отношений в современных условиях информационного противоборства 33
- А. С. Писарчик
Внешнеполитические вызовы национальной безопасности Республики Беларусь в официальном дискурсе страны 37

2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Д. С. Лавринович
Всероссийский земский союз в общественно-политической жизни России и Беларуси (июль 1914 – февраль 1917 гг.) 43
- Т. Т. Кручковский
Польско-литовское противостояние с Москвой в XIV—XV веках в оценке Н.М. Карамзина 48

3

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- Л. А. Гащенко, О. В. Валько
Физическое образование – важная составляющая гражданско-патриотической социализации учащейся молодёжи 57

В соответствии с приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь научно-практическое приложение «Идеологические аспекты военной безопасности» к журналу «Армия» включено в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по исторической (отечественная история; история международных отношений и внешней политики) и политической (политические институты, процессы и технологии; политическая культура и идеология; политические проблемы международных отношений глобального и регионального развития) отраслям науки.

Генерал-майор А.Н. ГУРА,
помощник министра обороны по идеологической работе
в Вооруженных Силах – начальник главного управления
идеологической работы Министерства обороны
Республики Беларусь,
кандидат психологических наук

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В СПЕКТРЕ ИСТОЧНИКОВ ВОЕННЫХ УГРОЗ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

УДК 351.86

В статье на основе анализа социально-политической и информационной обстановки рассматриваются идеологические факторы, являющиеся источниками военных угроз, особенности их трансформации и основные направления противодействия.

Based on the analysis of the socio-political and information environment, the article considers ideological factors that are sources of military threats, as well as the features of their transformation and the main directions of counteraction.

В соответствии с Военной доктриной Беларуси организация противодействия деструктивной идеологии и пропаганде является важнейшей мерой обеспечения военной безопасности [1, ст. 22].

Приоритетность данного направления обусловлена изменением сущности войны. Подобно тому, как создание ядерного оружия в прошлом веке изменило содержание войн, сегодня систематическое использование насильственных методов в финансовой, экономической, информационной и иных сферах человеческой деятельности радикально меняет сущность войны нового века.

Ныне все войны демонстрируют такую свою особенность, как реализацию внешних угроз через внутренние дестабилизирующие источники, в том числе посредством «цветных революций», чему способствует реализация на практике концепций и механизмов смены действующей государственной власти [1, ст. 8, 28].

Соответственно из генезиса данных войн и конфликтов уместно сформулировать два важных вывода относительно идеологического сегмента обеспечения военной безопасности.

1. Современная война — всегда война идеологическая, за людей, за их взгляды и убеждения. Для ведения войны потребуются мобилизация во многих областях, что невозможно без идеологического влияния на население.

2. В современных войнах стирается грань между гражданским и собственно военным компонентами. Активными участниками войны становятся все слои населения.

Поэтому у нас на первом месте в подготовке страны к обороне стоит развитие в обществе патриотизма, воспитание у граждан чувства ответственности за защиту Отечества. Это закономерно отражено в Концепции национальной безопасности и Военной доктрине Беларуси [2, ст. 15].

Важным условием успешного решения задач обеспечения военной безопасности является триада Клаузевица — это союз «власть — армия — народ» [3].

Именно по этой органично слитой в Беларуси триаде наносятся сегодня главные удары с целью подорвать стабильность государства и достичь победы в ходе современной войны, что осуществляется на практике по следующим основным направлениям.

Во-первых, ценностная делегитимизация властных структур и институтов. Здесь задача заключается в разведении, противопоставлении народа и государственной власти в своих групповых интересах.

Во-вторых, ценностная делегитимизация силовых структур, прежде всего армии, как наиболее мощных факторов поддержания стабильности и мира.

В-третьих, разрушение идентичностей, сужение идентификационных масштабов. Социальная идентичность представляет собой осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям. Применительно к Беларуси речь идет о попытках поставить под сомнение ценность и важность стратегических национальных интересов страны, которыми являются суверенитет и независимость, то есть ценность самого государства.

С одной стороны, под лозунгом «Беларусь — в Европу» имеет место попытка растворения национально-культурных идентичностей путем пропаганды якобы европейских ценностей.

С другой, синхронно осуществляются вбросы провокационной информации наиболее деструктивными псевдопатриотическими силами в России, в частности об искусственности белорусского государства. Примечательно, что соответствующие маргинальные информационные ресурсы, например сайт «Спутник и погром» или сайт «Русской православной церкви за границей», в качестве объекта дискредитации рассматривают не только руководство Республики Беларусь, но и самой России, включая президента Российской Федерации.

В-четвертых, особое значение имеет разрушение исторического сознания, что тесно связано с идентификационной трансформацией. Здесь удары наносятся по самым важным, ярким, судьбоносным точкам истории государств на постсоветском пространстве, в частности по истории Великой Отечественной войны.

Особенности современного этапа идеологического противостояния.

1. Имеет место активное противодействие интеграционным процессам с участием Беларуси. Главная особенность заключается в дифференцированном воздействии на различные социальные группы с целью формирования общественного мнения:

у белорусских граждан — о якобы существующей угрозе суверенитету Беларуси со стороны России;

у населения Российской Федерации — о якобы геополитическом развороте Беларуси в сторону Запада.

2. Эскалация протестных действий непосредственно в Беларуси — стремление реализовать проект под условным названием «Площадь» как реванш за проигрыш в 2006 и 2010 годах, когда попытки осуществить в Беларуси государственный переворот были пресечены.

Все эти воздействия успеха не достигли. В Беларуси поддерживаются согласие, мир и стабильность.

Но, тем не менее, перечисленные выше акции и кампании лишь вершина айсберга. Имеют место глубинные, наиболее опасные вызовы в информационной, социальной (социокультурной) и иных смысловых сферах, обусловленные идеологическими источниками военных угроз.

Во-первых, глобальными вызовами, касающимися как Беларуси, так и многих государств ближнего и дальнего зарубежья, являются ряд современных философских теорий и идеологических направлений, которые объективно способствуют разрушению традиционных ценностей. На данном этапе наибольшую опасность представляет широкое проникновение идей постмодернизма как философского направления. Постмодернизм характеризуется следующими двумя основными идеями. Первое — это исключение объективной правды. Второе — право на индивидуальность и ничем не ограниченную свободу, что ведет к исключению постоянных нравственных принципов и норм поведения. Идеи постмодерна проникают в общество посредством массовой культуры и СМИ, а также так называемого либерального воспитания, опасность которого, кстати, уже четко уловили иерархи церкви [4]. Именно это направление трансформирует сознание людей, которое не позволяет адекватно оценить опасность как самой либеральной (правильно сказать — псевдолиберальной) идеологии, так и радикальных идеологических систем, включая неонацизм и экстремизм.

Во-вторых, первое направление тесно связано с технологиями формирования новых идентичностей, разрушающих традиционные существующие, что активно осуществляется с использованием новейших средств массовой информации.

Раскол психического мира происходит за счет вторжения в область сознания и душевных процессов со стороны новейших СМИ, которые не обязательно предполагают интеллектуализацию, а часто — наоборот (речь прежде всего идет о социальных сетях).

Многие ученые, например доктор психологических наук Ю. Громыко, утверждают, что увлечение социальными сетями ведет к перегрузке примитивными формами анализа информации и является признаком «кризиса идентичности» личности. Этим термином в психологии обозначается утрата человеком или социальной группой представления о своем месте в обществе и о своей самоценности [5].

Опасность сетевых акций заключается в объективных процессах примитивизации сознания больших групп людей, которое подготовлено к некритическому восприятию информации, а также в способности деструктивных сил осуществлять на них массированное сетевое воздействие.

В-третьих, вышеперечисленные направления объективно создают повышенную опасность реализации концепций государственных переворотов — проектов «цветных революций», основой которых является активизация протестных настроений вплоть до реализации сценариев типа «Площадь».

Здесь необходимо знание и понимание технологий управления стихийными массовыми процессами, начиная с изучения работ известных ученых-психологов З. Фрейда и Г. Лебона, раскрывающих сущность психологии толпы: «Сознательная личность в толпе исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление» [6; 7].

Толпа — неперенный атрибут эскалации внутренних вооруженных конфликтов.

Отсюда вытекает одна из главных задач, которая должна решаться в рамках поведенческих наук, прежде всего психологии. Чем больше люди знают о механизмах собственного поведения, особенно иррационального, и о приемах манипуляции, тем труднее ими манипулировать. Но тем и большего профессионального мастерства требуется от тех, кто занимается воспитанием, идеологической работой в целом.

Для эффективного противодействия вышеперечисленным вызовам также необходимо изучать и использовать в практической деятельности удачный опыт противостояния «цветным революциям».

В мире немного стран, которые сумели подавить попытки реализации планов государственных переворотов эпохи постмодерна. Не удалось организовать «цветные революции» в Узбекистане, Казахстане, не привели к революции так называемые белоленточные выступления в России. Но, как отмечают ученые, авторы книги «Западня: Новые технологии борьбы с российской государственностью», есть две страны, которые выдержали всю совокупность применяемых против них технологий дестабилизации. Это Беларусь и Китай [8, с. 21].

Кстати, по прошествии 20 лет после событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине весной 1989 года в то время (в 2009 году) председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул, что оценка руководством КНР тех событий неизмен-

на. Не подави тогда «цветную революцию», современное положение Китая как претендента на мировое лидерство никогда не было бы достигнуто [9].

Обобщая вышесказанное, уместно сделать следующие выводы.

Во-первых, система организации противодействия деструктивным идеологии и пропаганде в Беларуси и ее Вооруженных Силах создана. Во многом результатом ее функционирования является поддержание стабильности и безопасности в стране.

Разумеется, данная система нуждается в постоянном совершенствовании, в основе которого должна быть методология, базирующаяся на междисциплинарных подходах, включающая новейшие разработки таких наук, как социальная, политическая, военная психология, социология, политология, а также семиотика, лингвистика и другие науки коммуникативного цикла.

Во-вторых, важнейшей задачей противодействия деструктивной пропаганде является изучение механизмов, закономерностей и специфических особенностей политической мотивации.

Знание этих особенностей способствует не только совершенствованию анализа ситуаций, но и пониманию причин уже произошедших событий, извлечению необходимых уроков, прогнозированию грядущих событий и оценке их вероятности, разработке инструментария для активного влияния на мышление и поведение людей, а главное — воспитанию у граждан способности и готовности к сознательному сопротивлению политическим манипуляциям. Важнейший принцип, реализуемый в данном случае, заключается в следующем: «предупрежден — значит вооружен».

В-третьих, необходима неуклонная реализация на практике государственного социального заказа на широкое внедрение в образовательные стандарты, программы и курсы высокие идейно-духовных ориентиров, способствующих формированию патриотического сознания граждан.

В этом отношении в качестве приоритетной меры необходима постоянная комплексная оценка содержания программ, учебников, пособий предметов социально-гуманитарного цикла в контексте их соответствия идеологии обеспечения военной безопасности государства. Причем данная экспертная оценка необходима не только для военных учебных заведений, но и для всех учреждений образования, обеспечивающих получение как среднего, так и высшего образования.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 20 июля 2016 г. № 412-З // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26.07.2016, 2/2410 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=10521&p0=20.07.2016&p1=26.07.2016>. — Дата доступа: 02.03.2017.

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г. № 575 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2010. — № 276. — С. 6.

3. Клаузевиц, К. О войне: в 2 т. / К. Клаузевиц. — М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1936. — Т. 2. — С. 356—358.

4. Кондрусевич, Т. Христианство перед лицом вызовов постмодернистской идеологии. / Т. Кондрусевич // Кафоликия. Сборник материалов конференций, посвященных межконфес-

Цель данной оценки — ответ на вопрос: «В какой степени содержание и преподавание соответствующих дисциплин способствует формированию (в т. ч. в перспективе) понимания сущности национальных интересов, готовности их защищать и участвовать непосредственно в обеспечении национальной безопасности государства.

В-четвертых, вполне закономерно, что в обеспечении как военной, так и национальной безопасности в целом ключевую роль играет офицерский корпус. Здесь особо важная роль принадлежит системе военного образования.

Идеологические требования как имеющие стратегическое значение к данной системе основаны на классическом принципе военной школы, военного обучения: «Учить тому, что необходимо на войне» (речь идет о современной войне, где необходимо быть не только высочайшим профессионалом в области классической военной проблематики, но и в иных сферах, которые в современных условиях могут иметь определяющее значение, в частности, в области психологии, философии, культуры и других областях социально-гуманитарных знаний).

Идеологические факторы в спектре источников военных угроз подвергаются трансформации. Противодействие деструктивным идеологическим тенденциям осуществляется в системе идеологической работы.

В Вооруженных Силах Республики Беларусь такая система создана. Она показывает свою эффективность и позволяет поддерживать высокий моральный дух личного состава, адекватно реагировать на изменения обстановки, в т. ч. в условиях кризисных коммуникаций. Данная система находится в постоянном развитии по направлениям, которые позволяют адекватно реагировать на перечисленные выше идеологические тенденции. Это, несомненно, позволит и впредь осуществлять эффективное противодействие экспансии деструктивных идеологии и пропаганде, характер которых (для достижения своих целей) постоянно трансформируется.

Важно это понимать и заниматься развитием системы адекватно условиям обстановки, а не стоять на месте, тем более свертывать социальные знания — иначе эти условия идеологической трансформации опередят нас в определении смысла происходящих процессов и явлений. К противостоянию идеологий мы должны относиться, как к настоящему сражению, в котором необходимо победить.

сиональному диалогу. — 2013. — № 5. — С. 10—12.

5. Громыко, Ю. Почему развалился мультикультурализм? / Ю. Громыко [Электронный ресурс]. — <http://www.park.future-russia.ru/extranet/about/life/2500/>. — Дата доступа: 02.03.2017.

6. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон // Психология толпы: Социальные и политические механизмы воздействия на массы. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastika, 2003. — С. 160.

7. Фрейд, З. Психология масс и анализ «я» / З. Фрейд // Психология толпы: Социальные и политические механизмы воздействия на массы. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastika, 2003. — С. 374.

8. Якунин, В. И. Западная: Новые технологии борьбы с российской государственностью / В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. — М.: Эксмо, 2010. — 432 с.

9. Багдасарян, В. Э. События на площади Тяньаньмэнь в Пекине весной 1989 года / В. Э. Багдасарян. — СПб.: Питер, 2017. — С. 178.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.04.2017.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ НЕЗАКОННЫХ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ И ВООРУЖЁННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ В УКРАИНЕ

УДК 32.001:329.7(477)

Раскрываются особенности политико-правовой квалификации незаконных военизированных и вооруженных формирований в Украине. Сделан вывод о том, что государство должно безотлагательно принимать меры по контролю за деятельностью таких формирований и порядком использования ими огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Это позволит исключить втягивание отдельных представителей данных формирований в преступную деятельность и избежать дискредитации вооруженных сил, правоохранительных органов и органов государственной безопасности.

The article reveals the peculiarities of politico-legal qualification of illegal paramilitary and armed units in Ukraine. It is concluded that the state should take immediate measures to control the activities of such units and the use of firearms, ammunition and explosives by such units. This will make it possible to exclude the involvement of certain representatives of these units in criminal activity and to avoid discrediting the armed forces, law enforcement agencies and state security bodies.

Актуальный период социальной нестабильности в Украине отмечен созданием и развертыванием деятельности различных не предусмотренных законодательством военизированных и вооруженных формирований, к которым в украинском обществе и политикуме сложилось неоднозначное, противоречивое отношение.

Некоторые из них, выступая источником общественно-политической напряженности, усиления экстремистских и террористических вызовов и угроз национальной безопасности Украины, способствуют эскалации вооруженного насилия, тогда как другие, в условиях частичной дезорганизации и деморализации личного состава вооруженных сил, правоохранительных органов и органов государственной безопасности, становятся на защиту интересов Родины.

Поэтому политико-правовая квалификация этих формирований пребывает в состоянии ситуативного дуализма, где одни объединения отличаются явно преступными целями, направляемыми на насильственное изменение или свержение конституционного строя, силовой захват государственной власти, изменение территории или государственных границ Украины, а другие, несмотря на свою положительную направленность, приобретают признаки не предусмотренных законами военизированных и вооруженных формирований вследствие временной или вынуж-

денной формальной неурегулированности своего правового статуса.

Особое значение в современных непростых внутривнутриполитических и международных условиях, в которых находится Украина, приобретает необходимость усиления системы юридической защиты прав и свобод человека, интересов общества и государства от преступных посягательств. Анализ статистики правоохранительных органов за последние годы свидетельствует о наличии ряда негативных тенденций, которые вызывают особое беспокойство в украинском обществе.

Существенное увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений, в частности бандитизма, вооруженных ограблений, террористических актов, непосредственно связывается с использованием оружия и взрывчатых веществ. Резонансными стали умышленные убийства известного журналиста и общественного деятеля П. Шеремета, бывшего депутата Государственной Думы Российской Федерации Д. Вороненкова. Эти и другие преступления, совершенные с исключительным цинизмом и особой жестокостью, указывают на неконтролируемость оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, недостаточное осознание отдельными лицами моральной и юридической ответственности за нецелевое использование оружия, неэффективность упреждающе-профилактической и опе-

ративно-агентурной деятельности правоохранительных органов и органов государственной безопасности. В свою очередь, это снижает уровень доверия к ним со стороны населения и предопределяет распространение алармистских настроений в обществе.

В связи с этим эскалация насилия и рост преступности в современном украинском обществе являются реальными угрозами для жизни и здоровья граждан. Использование оружия и взрывчатых веществ при совершении преступлений с участием непредусмотренных законами парамилитарных структур требует принятия неотложных мер по локализации и нейтрализации их деятельности.

Учитывая это, перед украинским научно-экспертным сообществом стоит задача по объективному, беспристрастному и неангажированному анализу сущности и деятельности различных военизированных и вооруженных формирований для безусловного соблюдения принципов законности и верховенства права в украинском обществе. Результатами этой аналитической работы должны стать формирование нетерпимого отношения населения к вооруженной и насильственной практике решения социальных противоречий, неукоснительное соблюдение в украинском обществе законности и правопорядка, осознание гражданами неотвратимости наказания за совершение преступлений. Актуальным также является совершенствование разъяснительной и профилактической деятельности, которая поможет наладить конструктивный диалог и сотрудничество населения с правоохранительными органами для своевременного предупреждения и раскрытия преступных посягательств на жизнь и здоровье, безопасность и собственность граждан.

Сегодня деятельность различных незаконных военизированных и вооруженных формирований является весомой угрозой для общественной и, шире, национальной безопасности Украины, поскольку они выступают источником преступлений террористической и общеуголовной направленности. Функционирование этих структур неуклонно приводит к существенному осложнению криминальной ситуации. Соучастие в их деятельности с правовой точки зрения является явно преступным способом адаптации индивидов к неустойчивым и меняющимся социальным условиям существования. Это негативно влияет на общую морально-психологическую атмосферу в обществе, способствует стремительной девальвации ценности социального компромисса и консенсуса и их постепенной замене экстремистскими антиценностями, насильственными идеями и практиками. Таким образом, происходит ослабление положительного регулятивного и управленческого воздействия государства на процессы, происходящие в сфере политики, экономики и культуры.

Исторически необходимость квалификации непредусмотренных законом военизированных и вооруженных формирований возникла из-за стремительной политизации и усиления организованности различных преступных группировок и национал-сепаратистских движений, которые развернули свою деятельность в бывшем Советском Союзе в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Распространение центробежных тенденций, сопровождавшихся вспышками этнически обусловленного вооруженного насилия, привело к возникновению различных подпольных военизированных формирований, которые отличались от обычных банд не только наличием оружия, но и своей непримиримо оппозиционной политической направленностью.

Этнический конфликт в Нагорном Карабахе, погромы и вооруженное противостояние между Северной Осетией и Ингушетией, приход к власти в Чеченской Республике ультрарадикальных националистических лидеров продемонстрировали процесс перехода отдельных политических сил от парламентских к силовым формам обретения и удержания власти.

Распространение неконвенциональных, насильственных форм политической борьбы привело к появлению в отдельных политических движениях и партиях латентных боевых структур или преобразованию этих субъектов политики в военизированные формирования. Характерным признаком этих формирований стало появление различных видов вооружения, которое они получали через различные нелегальные каналы поставки оружия или захватывали его в местах дислокации воинских частей, оружейных комнатах территориальных управлений и отделов правоохранительных органов и органов государственной безопасности.

Коррозия правоохранительной системы в первой половине 1990-х гг. и значительное сокращение численности вооруженных сил обусловили отток высокопрофессиональных кадров, владеющих знаниями и навыками конспирации, негласного сбора информации, обращения с оружием и взрывоопасными материалами, планирования и реализации силовых мероприятий. Именно эти лица пополняли ряды организованных преступных группировок и становились кадровой основой для различных экстремистских сообществ, в структуре которых существовали латентные боевые подразделения или военизированные (парамилитарные) ответвления. По определению украинского ученого Э. Андрищенко, они имели форму «...негосударственных объединений, использующих или тех, которые могут использовать, оружие для достижения собственных целей (как правило, политических)» [1, с. 42]. Иногда организационная модель построения некоторых экстремистских группировок копировалась с военной, а потому отличалась жесткой дисциплиной, наличием уставов и других документов, регламентирующих внутреннюю иерархию и субординацию. Также о военизированном характере деятельности этих структур свидетельствует ряд следующих обстоятельств.

Квазивоенские звания и система знаков различия. Иерархия различных непредусмотренных законами военизированных и вооруженных формирований формально основывается на системе званий, которые заимствуются из общевоинских (среди них наиболее распространены майор, полковник, реже генерал с разнообразными приставками-вариациями «полковник», «хорунжий» и т.п.) или исторически сложившихся (в частности, встречаются заимствованные казацкие звания хорунжий, сотник или звания, которые использовались украинскими сечевыми стрельцами или бойцами Украинской повстанческой армии — взводный, роевой и проч.). Средствами визуального различия являются наличие и конфигурация фурнитурных элементов — погон, звездочек и т.д. Соответственно, дисциплинарные и иерархические принципы в этих объединениях вытекают из безусловного подчинения младших старшему по званию.

Паравоенная структура и система наград. Организационное построение незаконных военизированных и вооруженных формирований обычно унифицируется с общевоинской или заимствуется из определенных исторических аналогов. Руководящими и координационными органами этих структур выступают проводы или штабы,

а структурными звеньями являются сотня, полк, бригада, батальон, чета, рой, кош, курень и т. п.

Также характерным признаком военизированности этих формирований является использование ими форменной одежды, в роли которой обычно выступает армейский камуфляж и военные головные уборы, как правило, береты. Эти головные уборы используются в основном различными специальными подразделениями вооруженных сил, правоохранительных органов и органов государственной безопасности. Право на их ношение приобретает в результате сдачи сложных нормативов по военно-прикладным видам спорта, а потому наличие берета свидетельствует о значительном авторитете и высоком уровне профессиональной подготовки бойца. Учитывая то, что романтизация деятельности незаконных военизированных и вооруженных формирований для привлечения в свои ряды новых активистов и удержания уже имеющих, в частности, выстраивается вокруг системы мифов, поэтому использование беретов в качестве головных уборов предусматривает и определенный пропагандистский эффект. Это иллюзорно соотносит боевиков с профессионально подготовленными спецназовцами и искусственно создает вокруг них эрзац-героический ореол, который занимает видное место в идейно-политических конструкциях парамилитарных структур.

Весомым внешнестилистическим элементом военизованности является наличие собственной символики с идеологической шокирующе-эпатажной нагрузкой, которая удостоверяет принадлежность к конкретному формированию или его структурному подразделению. Она komponуется из различных стилизованных вариантов сочетания флага, эмблем и названий этих формирований и используется как нарукавный шеврон на форменной одежде.

Например, эмблемой УНА-УНСО является «иерусалимский крест» с трезубцем и аббревиатурой «УНСО». Характерными цветами являются белый, черный и красный. В официальных документах подчеркивалось: «Цвета и символы на флагах УНА-УНСО являются знаменем, которые предвещают Украине большое будущее» [2, с. 76]. Эмблемой Всеукраинского объединения «Тризуб» имени Степана Бандеры является крестомеч, предназначение которого следует из девиза организации: «На дьявола — крест, на врага — меч» [3]. «Стража» Всеукраинского политического объединения «Государственная самостоятельность Украины», по утверждению Э. Андриющенко, в качестве эмблемы использовала вписанный в фигуру сокола трезубец на малиновом фоне [1, с. 44]. В «Народных отрядах» Социал-национальной партии Украины, «Обществе содействия вооруженным силам и военно-морскому флоту Украины «Патриот Украины» и «Социал-национальной ассамблее» символикой была эмблема «Идея Нации», представляющая собой монограмму из латинских букв *I* и *N* черного цвета на желтом фоне [1, с. 44; 4]. По мнению идеологов этих организаций, символика «Идея Нации» «...имеет мистическую сущность, которая следует из Веры в вечную жизнь нации, как неразрывной кровнодуховной общности «мертвых, живых и не рожденных». В ней отражены основополагающие принципы нашего национального мировоззрения, героические свершения и победы нашего народа. Знак «Идея Нации» является указателем в нашем стремлении обеспечить Украинской Нации величественное будущее» [5]. Цветовая гамма эмблемы Добровольческого украинского корпуса «Правый сектор» состоит из белого, черного и красного цветов.

Символикой является стилизованный трезубец, сформированный из автоматов Калашникова и меча с надписью «Правый сектор. Добровольческий украинский корпус».

Различные военизированные группировки из т. н. ДНР и ЛНР используют российский триколор или георгиевскую ленту в сочетании с эмблемами своих формирований «Степь», «Восток», «Оплот», «Сомали», «Троя», «Республиканская гвардия», «Спарта», «Кальмиус», «Русская православная армия» и др.

В отдельных парамилитарных формированиях утверждены аналоги военных наград для активистов, участвовавших в боевых действиях. Например, в УНА-УНСО существует награда «Пустынный крест УНСО» для награждения лиц, принимавших участие в боевых действиях в Чечне на стороне незаконных вооруженных формирований. Также «боевые» квазинаграды, такие как «Золотая звезда Героя ДНР», «Георгиевский крест ДНР», «Орден доблести ЛНР», медали «За боевые заслуги» и «За оборону Славянска», существуют для поощрения участников незаконных военизированных и вооруженных формирований, действующих в неподконтрольных районах Донецкой и Луганской областей.

Военная, строевая и идеологическая подготовка. Навыки обращения с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами активисты незаконных военизированных и вооруженных формирований приобретают во время тренировочных мероприятий с элементами военно-спортивных игр. Программа таких мероприятий разрабатывается, как правило, на основе консультаций и рекомендаций инструкторов из числа бывших военнослужащих и правоохранителей. Она может включать упражнения по общей физической и строевой подготовке, идеологические занятия, основы медицинских знаний. Важное место в военно-спортивной подготовке занимает отработка различных тактик по захвату административных зданий, участия в массовых беспорядках и столкновениях с правоохранительными органами. Целью этих мероприятий является отomobilization активистов незаконных военизированных и вооруженных формирований для участия в акциях гражданского неповиновения, предусматривающих силовой сценарий развития событий, и славивания коллективных действий активистов во время массовых беспорядков в городских условиях.

После распада СССР в постсоветских республиках вследствие указанных выше причин незаконные военизированные и вооруженные формирования становились своеобразной альтернативой вооруженным силам и правоохранительным органам. Так, в 1990 г. в Российской Федерации возникло национал-шовинистическое военизированное движение «Русское национальное единство», социальной базой которого в подавляющем большинстве стали бывшие военнослужащие и представители правоохранительных органов. Несколько позже появляются маргинальные «Национал-республиканская партия России» и «Русская партия», которые также имели отчетливые признаки парамилитарности. В среде наиболее радикально настроенных белорусских политических сил возникают группировки «Белый легион» и «Край», которые активно вели подготовку боевиков, обеспечивали охрану акций белорусской оппозиции и участвовали в столкновениях с милицией. В Украине в начале 1990-х гг. наиболее известными парамилитарными формированиями стали уже упоминавшиеся УНА-УНСО, «Стража» ГСУ, Общественная спортивно-патриотическая организация «Тризуб» имени Степана Бандеры.

Незаконные военизированные и вооруженные формирования как спутниковые структуры радикальных политических сил возникли вследствие таких причин:

— из-за принципиальной ориентации и использования подавляющим большинством радикально настроенных политических сил экстремистских форм политического участия;

— для обеспечения охраны массовых мероприятий, инициированных или спланированных с участием радикально настроенных политических сил;

— из-за необходимости создания силового противодействия репрессивно-правовому влиянию со стороны уполномоченных органов государства;

— с целью создания романтизированного ореола вокруг существования, усиления единства и сплоченности радикально настроенных политических сил, которое достигается через военную подготовку собственных представителей;

— для сбора и накопления конфиденциальной информации о лицах, чья деятельность препятствует функционированию радикально настроенных политических сил или может привести к их дезинтеграции и распаду. Поэтому распространенным явлением стало создание и функционирование различных «служб внутренней безопасности», «контрразведок» и проч., которые должны были упреждать негативные последствия деятельности таких лиц для политических радикалов;

— для камуфлирования уголовно наказуемой деятельности радикально настроенных политических сил, осуществляемой с целью получения средств для существования (рейдерство, бандитизм, рэкет, наемничество и др.).

Учитывая это, руководители и неформальные лидеры радикально настроенных политических сил сосредоточили значительные усилия на спортивной, строевой и военной подготовке своих активистов. В короткое время была налажена деятельность учебно-тренировочных лагерей, в которых активисты под руководством инструкторов — бывших военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов — приобретали навыки обращения с оружием и взрывчатыми веществами, отрабатывали различные тактики участия в акциях гражданского неповиновения и массовых беспорядках.

Фактически руководство этих объединений рассматривало свои формирования как аналог военных диверсионно-разведывательных групп или подразделений специального назначения правоохранительных органов. Однако, в отличие от легальных военизированных формирований, задачами этих структур было участие в силовых сценариях по захвату власти.

Пытаясь переключить на себя функции и полномочия подразделений вооруженных сил и правоохранительных органов, члены незаконных военизированных и вооруженных формирований неоднократно принимали участие в массовых беспорядках, групповых нарушениях общественного порядка и совершении хулиганских действий во время проведения массовых политических или религиозных мероприятий. Такие инциденты иногда сопровождались блокированием деятельности административных и государственных учреждений и, как правило, имели значительный общественный резонанс. Это, в свою очередь, обуславливало существенное осложнение общественно-политической ситуации в государстве или его отдельных регионах. Активисты отдельных парамилитарных организаций участвовали в региональных вооруженных конфликтах, что приводило к обострению отношений между

Украиной и некоторыми государствами постсоветского пространства.

Учитывая противоправный характер деятельности, руководители незаконных военизированных и вооруженных формирований, спекулируя идеологией «Родина в опасности», пытались камуфлировать их под спортивные общества, обеспечивающие национально-патриотическое воспитание молодежи или осуществляющие подготовку молодых людей к службе в вооруженных силах. Функционирование латентных боевых структур обосновывалось необходимостью защитить независимость или национальные интересы государства [см. 6, с. 2; 7, с. 1]. Другим способом легализации существования этих структур стало создание частных охранных фирм, работники которых на законных основаниях имели возможности использовать оружие, носить форменную одежду и проводить боевую подготовку.

Учитывая приведенные обстоятельства, деятельность незаконных военизированных и вооруженных формирований начала приобретать характер устойчивой угрозы для общественной безопасности. Это вызвало необходимость разработки механизмов, которые бы делали невозможными создание и функционирование данных объединений.

Впервые предостережение о недопустимости деятельности незаконных военизированных и вооруженных формирований появляется в Указе Президента СССР от 25 июля 1990 г. № 373 «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случае его незаконного хранения». Согласно этому нормативному акту запрещались любые действия других органов и организаций, кроме высших органов государственной власти СССР, по созданию таких объединений независимо от их цели деятельности [8].

После распада Советского Союза деструктивная роль незаконных военизированных и вооруженных формирований в общественной жизни постсоветских государств, включая Украину, значительно усиливается. Активизация их деятельности крайне негативно сказывалась на защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства. Учитывая это, 18 сентября 1991 г. Верховной Радой Украины был принят Закон «Об ответственности за создание не предусмотренных законодательством военных или других вооруженных формирований или групп» [9], который стал основанием для внесения изменений в действующий на то время Уголовный кодекс УССР, утвержденный 28 декабря 1960 г. В 1993 г. этот нормативно-правовой акт был дополнен ст. 187-6, предусматривающей уголовную ответственность за создание не предусмотренных законодательством военизированных формирований или групп. Военизированными считались объединения, имеющие организационную структуру военного типа, а именно: единоначалие и подчиненность, дисциплину, а также в которых проводится военная или строевая, или физическая подготовка [10]. Кроме того, с целью предупреждения участия боевиков из незаконных военизированных и вооруженных формирований в локальных военных конфликтах в Уголовный кодекс была внесена ст. 187-7, которая устанавливала уголовную ответственность за участие без разрешения соответствующих органов государственной власти в вооруженных конфликтах других государств без цели получения материального вознаграждения или иной личной выгоды [10].

В утвержденном в 2001 г. Уголовном кодексе Украины в ст. 260 также определялась уголовная ответственность

за создание не предусмотренных законом военизированных или вооруженных формирований. В этом нормативно-правовом акте сохранено определение незаконных военизированных формирований, представленное в предыдущем кодексе. Но эта статья дополнена определением понятия «незаконные вооруженные формирования», под которыми понимаются военизированные группы, незаконно имеющие на вооружении пригодное для использования огнестрельное, взрывное или другое оружие [11]. Учитывая особую опасность незаконных военизированных и вооруженных формирований, Законом Украины «Об основах национальной безопасности Украины» их существование определено как одна из наиболее серьезных угроз национальной безопасности государства [12]. Поэтому в ст. 37 Конституции Украины, законами Украины «О политических партиях в Украине» и «Об общественных объединениях» установлено, что политические партии и общественные организации не могут иметь военизированных формирований [13–15].

Направленность незаконных военизированных и вооруженных формирований на дестабилизацию общественно-политической ситуации в стране актуализировали масштабную дискуссию в научно-экспертной среде. Ее предметом стали сущность и криминологические признаки непредусмотренных законами военизированных и вооруженных формирований, их принципиальные отличия от банд и других субъектов организованной преступности. Среди них важное место занимает ряд специфических проблем относительно установления уголовной ответственности за организацию, руководство и соучастие в деятельности этих формирований, их количественный состав, признаки незаконности, предметы, определяющие признаки военизированности и вооруженности.

В ст. 260 Уголовного кодекса Украины не определены цели, которые преследуют члены незаконных военизированных и вооруженных формирований. Однако, как показывает практика, их деятельность может нацеливаться на участие в массовых беспорядках, групповых нарушениях общественного порядка, совершение террористических актов, захват административных и государственных учреждений, осуществление попыток насильственного изменения конституционного строя, нарушение территориальной целостности Украины или другие явно преступные цели.

Вместе с тем активисты отдельных незаконных военизированных и вооруженных формирований могут осуществлять и общественно полезную деятельность, например, обеспечивать охрану общественного порядка, а в некоторых случаях и принимать непосредственное участие в организации отпора агрессору. Однако по своим формально-юридическим признакам существование таких формирований находится вне действующих правовых норм.

Актуальным в этом контексте представляется мнение украинского ученого С. Гавриша, который считает, что «...какими бы ни были причины создания отдельного военизированного формирования вне правового поля государства и на совершение каких деяний не был бы направлен их замысел, они представляют потенциальную угрозу для общественной безопасности и должны признаваться незаконными» [16, с. 40].

На общественную опасность этих формирований указывает и другой украинский исследователь — В. Робак, который считает, что их деятельность обуславливается стремлением отдельных политических, этнических, соци-

альных, религиозных или иных групп навязать свою волю обществу, используя при этом в качестве инструмента реализации своих требований насилие [17, с. 39–40].

Формальная незаконность существования таких парамилитарных структур заключается в том, что их создание и деятельность происходит без соблюдения процедур, предусмотренных Конституцией Украины и законами Украины «О вооруженных силах Украины», «О государственной пограничной службе Украины», «О национальной гвардии Украины», «О службе безопасности Украины» и др. Это, в свою очередь, приводит к дублированию функций законодательно созданных вооруженных формирований (вооруженных сил, правоохранительных органов и органов государственной безопасности), а в отдельных случаях приводит к незаконному присвоению полномочий этих структур.

Учитывая это, в современной научной литературе незаконные военизированные и вооруженные формирования рассматриваются как устойчивые объединения, имеющие собственную структуру, распределение обязанностей, в частности, управление и подчиненность, места базирования, опознавательные знаки и форменную одежду. Они способны выполнять задачи, присущие законным вооруженным формированиям, например, по обеспечению обороны, охраны, реализации мер принуждения [18, с. 642]. Другими отличительными особенностями незаконных военизированных и вооруженных формирований является сходство по количеству участников, вооруженностью, подготовкой, дисциплиной с воинскими частями и способностью к выполнению боевых или иных задач [19, с. 116].

Общественная опасность отдельных незаконных военизированных и вооруженных формирований побуждает отдельных ученых, ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 23 декабря 2005 г. № 13 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях, совершенных устойчивыми преступными объединениями», признавать их отдельным типом преступных сообществ, которым присущи как общие признаки, характерные для организованных групп и преступных организаций, так и специфические признаки, на основании которых эти формирования отграничиваются от указанных объединений [17, с. 52–53; 20, с. 21]. Несмотря на определенное организационное родство, принципиальными различиями между незаконными военизированными и вооруженными формированиями и другими субъектами организованной преступности, в частности бандами, являются следующие критерии.

Наличие цели. Согласно ст. 257 Уголовного кодекса Украины целью деятельности банды является совершение нападений на предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц [11], тогда как члены не предусмотренных законами военизированных и вооруженных формирований обычно преследуют политические цели, в частности, осуществление незаконного воздействия на органы государственной власти и управления для расширения полномочий определенных субъектов политики, в частности экстремистского и террористического толка.

Количественный состав. Диспозицией ст. 260 Уголовного кодекса Украины не определен количественный состав не предусмотренных законами военизированных и вооруженных формирований. Учитывая это, для квалификации определенной группировки как незаконного военизированного или вооруженного формирования необходимым условием является ее соответствие количественному составу численности отделения, то есть наименьшего военного

формирования или тактического подразделения, имеющего штатного командира. В зависимости от рода войск количественный состав отделения насчитывает 9—13 человек. В то же время ст. 28 УК Украины численность организованной преступной группы определяется в три и более лица, а организованной преступной организации — пять и более человек [см. 11].

Наличие вооружения. П. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 23 декабря 2005 г. № 13 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях, совершенных устойчивыми преступными объединениями» обязательным признаком банды определено вооруженность ее участников или хотя бы одного из них (в последнем случае другие участники должны знать об этом и осознавать возможность применения оружия во время совершения преступлений) [21]. В отличие от банд не предусмотренные законами военизированные формирования могут не иметь оружия вообще, а диспозицией ст. 260 УК Украины не предусмотрено количество единиц и разновидности оружия, которое может находиться в распоряжении незаконного вооруженного формирования. Целесообразным представляется обращение к структуре и штатному расписанию военных единиц. Очевидно, что в незаконном вооруженном формировании признак вооруженности должен быть присущим всему формированию. Его вооруженность должна позволять проведение операции, по своему характеру приближающейся к войсковой, а не совершение нападения на организацию, учреждение, предприятие или отдельного гражданина, как это характерно для банды.

Развернувшиеся военные действия на востоке страны в апреле 2014 г. показали неготовность вооруженных сил должным образом отреагировать на угрозу суверенитету и территориальной целостности Украины. Данное обстоятельство обусловило возникновение добровольческого движения, представители которого инициативно отбывали на восток Украины для непосредственного участия в боях. Проблема формальной неурегулированности правового статуса ряда добровольческих батальонов («Азов», «Айдар», «Донбасс» и др.) была решена после их инкорпорации в вооруженные силы и МВД Украины. Эта ситуация совпала с позицией Совета Европы. В 2015 г. его уполномоченный по правам человека в докладе «Восточная Украина: насущная необходимость гарантировать свободу передвижения и доступ к гуманитарной помощи» отметил: «...другие военные формирования, которые не были полностью интегрированы в состав регулярных вооруженных сил или полиции и продолжают действовать за пределами обычной субординации, должны быть разоружены и распущены без дальнейших задержек. Лакмусовой бумажкой для успеха реформ в правоохранительной системе будет ее способность бороться с безнаказанностью и преступлениями, совершенными сотрудниками правоохранительных органов» [22].

Вместе с тем отдельные формирования (ДУК «Правый сектор», батальон «ОУН») по определенным причинам избегают вливания в состав вооруженных сил или МВД Украины, что формально накладывает на них статус незаконных военизированных и вооруженных формирований. Для разрешения этой ситуации в мае 2015 г. народным депутатом Украины Д. Ярошем на рассмотрение и утверждение Верховной Радой Украины был представлен законопроект «О Добровольческом Украинском Корпусе», который должен был нормировать проблемы взаимодействия добровольческих подразделений с вооруженными силами Украины, правоохранительными органами и органами

государственной безопасности. Однако этот законопроект был отклонен как противоречащий положениям Конституции Украины [23]. В дальнейшем адвокатом М. Кондрой со ссылкой на нормы международных нормативно-правовых актов, Конституции Украины и Уголовного кодекса Украины была предпринята попытка доказать, что указанные формирования действуют в рамках правового поля [24].

Кроме того, отдельные уголовные эксцессы с участием представителей добровольческих формирований (чрезвычайное происшествие в г. Мукачево Закарпатской области 11 июля 2015 г., которое сопровождалось перестрелкой между сотрудниками МВД Украины и бойцами «Правого сектора»; обвинения работников батальона патрульной службы милиции особого назначения «Шахтерск» и роты патрульной службы милиции особого назначения «Торнадо» в мародерстве и преступлениях против гражданского населения, участие отдельных представителей добровольческих формирований в рейдерских атаках на объекты собственности и т. п.) показали, что илlegalный способ создания не предусмотренных законами военизированных и вооруженных формирований для участия в защите суверенитета и территориальной целостности Украины вызвал частичную комплектацию этих подразделений ранее судимыми лицами или лицами, стремящимися избежать наказания за совершенные ранее тяжкие преступления или присоединившимися к добровольческим подразделениям, руководствуясь исключительно личными корыстными мотивами. В дальнейшем это привело к совершению преступлений, которые приобрели значительный резонанс в обществе, что обусловило снижение авторитета добровольческих формирований среди украинского населения. В свою очередь, эти события побудили руководство государства к принятию неотложных мер по усилению контроля за деятельностью добровольческих подразделений, использованию ими оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Исходя из выше изложенного, политико-правовая квалификация не предусмотренных законами военизированных и вооруженных формирований вытекает из таких специфических признаков:

- сходство по визуальным признакам (форменная одежда, знаки различия, военная, строевая и спортивная подготовка) с легальными военными формированиями Украины;
- внутренняя структура, которая уподобляется военной и характеризуется наличием единоначалия, подчиненности и дисциплины;
- военизированный характер задач и методов деятельности таких формирований, способность к выполнению операций, схожих с войсковыми;
- наличие признаков вооруженности, предусматривающих незаконное приобретение и использование огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Несмотря на декларирование отдельными не предусмотренными законами военизированными и вооруженными формированиями своей патриотической настроенности, государство должно безотлагательно принимать меры по контролю за деятельностью таких формирований и порядком использования ими огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Это позволит исключить втягивание отдельных представителей этих формирований в преступную деятельность и избежать дискредитации вооруженных сил, правоохранительных органов и органов государственной безопасности.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Андрищенко, Е. С.* Парамілітарні структури українського націоналістичного руху 90-х рр. ХХ ст. / Е. С. Андрищенко // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету: збірник / гол. ред. Ф. Г. Турченко. – Запоріжжя, 2011. – Вип. XXX. – С. 42–51.
2. УНА-УНСО: «Хай ненавидять, аби любили». Програмова збірка. – К.: Вид-во «ЕВРАЗІЯ», 1996. – 78 с.
3. Декларація наших принципів [Електронний ресурс] // «Бандерівець» – офіційний сайт Всеукраїнської організації «Тризуб» імені С. Бандери. – Режим доступу: <http://banderivets.org.ua/deklaratsiya-nashyh-pryncypiv.html>. – Дата доступу: 18.04.2017.
4. ВО «Свобода» – 20 років боротьби за Національну Ідею [Електронний ресурс] // Офіційний сайт громадської організації «Воля ХХІ». – Режим доступу: <http://volya.cz.ua/culture.html?start=260>. – Дата доступу: 10.04.2017.
5. Ідея Нації: символіка і традиція [Електронний ресурс] // Офіційний сайт політичної організації «Соціал-національна асамблея». – Режим доступу: <http://sna.in.ua/archives/319>. – Дата доступу: 16.03.2017.
6. *Коваль, Р.* Підстави націократії / Р. Коваль; передм. В. Рубана. – К., 1994. – 56 с.
7. Вороги кажуть, що в УНА-УНСО є якісь бойовики. А насправді там нема ніяких бойовиків. УНА-УНСО – це суцільні економісти, політологи, мистецтвознавці та літератори // Українські обрії. – 1995. – № 4(50). – С. 1.
8. О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случае его незаконного хранения: Указ Президента СССР от 25.07.1990 г. № 373 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 31. – Ст. 559.
9. Про відповідальність за створення не передбачених законодавством військових або інших збройних формувань чи груп: закон України від 18.09.1991 р. № 1564-ХІІ (редакція від 19.11.2012 р., підстава 4651-17) [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1564-12>. – Дата доступу: 18.04.2017.
10. Кримінальний кодекс України від 28.12.1960 р. (втрата чинності 01.09.2001) [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2002-05/page2>. – Дата доступу: 10.04.2017.
11. Кримінальний кодекс України від 05.04.2001 р. № 2341-ІІІ (редакція від 05.01.2017 р., підстава 1798-19) [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>. – Дата доступу: 10.04.2017.
12. Про основи національної безпеки України: закон України від 19.06.2003 р. № 964-ІV (редакція від 18.05.2013 р., підстава 221-18) [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/964-15>. – Дата доступу: 18.04.2017.
13. Конституція України (редакція від 30.09.2016 р., підстава 1401-19) [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>. – Дата доступу: 16.02.2017.
14. Про політичні партії в Україні: закон України від 05.04.2001 р. № 2365-ІІІ (редакція від 26.11.2016 р., підстава 1540-19) [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2365-14>. – Дата доступу: 18.04.2017.
15. Про громадські об'єднання: закон України від 22.03.2012 р. № 4572-VI (за станом на 01.03.2017 р.) [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4572-17>. – Дата доступу: 10.04.2017.
16. *Гавриш, С. Б.* Проблема застосування кримінальної відповідальності за співучасть у воєнізованих або збройних формуваннях, терористичних групах та інших злочинних організаціях / С. Б. Гавриш // Новий кримінальний кодекс України: Питання застосування і вивчення: Матер. міжнар. наук.-практ. конф. [Харків] 25 – 26 жовт. 2001 р. / Редкол.: Сташис В. В. (голов. ред.) та ін. – К.–Х.: «Юрінком Інтер», 2002. – С. 38–42.
17. *Робак, В. А.* Кримінальна відповідальність за створення не передбачених законом воєнізованих або збройних формувань: дис. канд. юр. наук: 12.00.08 / В. А. Робак. – Харків, 2008. – 259 с.
18. Коментарій к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. К. Дуюнова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 1104 с.
19. *Агапов, П. В.* Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: политико-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ / П. В. Агапов, А. Г. Хлебушкин. – М.: АНО «Юридические программы», 2005. – 136 с.
20. *Савченко, А. В.* Порівняльний аналіз кримінального законодавства України та федерального кримінального законодавства Сполучених Штатів Америки: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / А. В. Савченко / Київський національний університет внутрішніх справ. – К., 2007. – 39 с.
21. Про практику розгляду судами кримінальних справ про злочини, вчинені стійкими злочинними об'єднаннями: Постанова Пленуму Верховного Суду України від 23.12.2005 р. № 13 [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v0013700-05>. – Дата доступу: 18.04.2017.
22. Council of Europe. Eastern Ukraine: urgent need to guarantee freedom of movement and humanitarian access / Directorate of Communications Council of Europe [Електронний ресурс] // Press release – CommDH033(2015). – 2015. – Режим доступу: [https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&Ref=CommDH-PR033\(2015\)&Language=lanEnglish&Ver=original&Site=DC&BackColorInternet=F5CA75&BackColorIntranet=F5CA75&BackColorLogged=A9BACE&direct=true](https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&Ref=CommDH-PR033(2015)&Language=lanEnglish&Ver=original&Site=DC&BackColorInternet=F5CA75&BackColorIntranet=F5CA75&BackColorLogged=A9BACE&direct=true). – Дата доступу: 18.04.2017.
23. Про Добровольчий Український Корпус: проект Закону України від 14.05.2015 р. № 2851 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=55129. – Дата доступу: 18.04.2017.
24. *Кондра, М.* Кримінально-правова оцінка добровольчих формувань ДУК ПС та батальйон «ОУН» / М. Кондра [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://pravuysektor.info/news/otherdoc/63/kriminalnopravovaocinka-dobrovolchih-formuvan-duk-ps-ta-bataljon-oun.html>. – Дата доступу: 10.04.2017.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.04.2017.

С. А. ВЕРШИЛОВ,
старший преподаватель
кафедры боевой подготовки и безопасности полетов
Краснодарского высшего военного авиационного училища
летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова (Россия),
кандидат философских наук, доцент

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА

УДК 101.1:116

Статья посвящена анализу противоречий процесса глобализации: существования, развития и функционирования. Новизна научного сочинения состоит в формулировании основного противоречия военной безопасности ведущих стран мира. Практическое значение работы заключается в вооружении творческого меньшинства военной безопасности сведениями о противоположных сторонах процесса глобализации, оказывающих влияние на их идеологическую, этическую и деятельностную упорядоченность.

The article analyses the contradictions of the globalisation process: existence, development and functioning. The novelty of the scientific paper consists in formulating the basic contradiction of military security of the world's leading countries. The practical significance of the article lies in arming the creative minority of military security with information about the opposite sides of the globalisation process, which influence their ideological, ethical and activity order.

Военная безопасность государства в качестве репрезентативной практики ее субъектов объективно предназначена для накопления мобилизационных запасов. Вследствие этого обеспечивается ее динамика без нарушения «обмена веществ», хотя она и связана со всевозможными — внутренними и внешними — коллизиями. Правомерно нахождение ответа на вопрос: что в данном случае оказывается источником подобного «движения»? Причина тому — сочетание политико-экономических противоречий процесса глобализации, предопределяющих военную безопасность ведущих стран мира. Они существуют, развиваются и функционируют в постоянном столкновении/взаимодействии идей военной безопасности и опасности. Сообразно принципам диалектики, итогом борьбы указанных противоположностей оказывается некий «скачок» военной безопасности в новое качество.

Поскольку любое развитие включено в пределы «диалектической спирали», постольку функционирование военной безопасности является процессом непрерывного пространственно-временного перемещения в ней. Действительно: становление и развитие локального социума — это, с одной стороны, история трагедий и катастроф, борьбы за свое самосохранение, а с другой — его эволюционное, но непреложное стремление к расширению благоприятной среды существования. Применительно к теме статьи — это диахрония мобилизации разнообразного

качества сил и средств военной безопасности, выступающих инструментом воспроизводства, стабилизации и конструирования бытия государств в их соразмерности с социокультурным ландшафтом. Это поспособствует выявлению основных политико-экономических и идеологических противоречий процесса глобализации, обуславливающих военную безопасность ведущих стран мира.

Военная безопасность подчиняется действию всеобщих законов диалектики исторического развития и детерминруется определенными противоречиями, которые необходимо выявлять и своевременно разрешать. Достижение ее продуктивного качества осуществляется в условиях глобализации на этапе модернизации и реформирования всех сфер жизнедеятельности государств и санкционного воздействия на ряд из них со стороны Запада. Это усугубляет выбор типовой предрасположенности репрезентативной практики творческого меньшинства военной безопасности и затрудняет процесс разрешения ее противоречий, порождая проблемы субъектно-объектного характера.

Есть специальные работы ученых, в частности М. Я. Сафара, посвященные системным противоречиям культурного пространства [1; 2]. Интересно изыскание Е. А. Балябкина, отражающее противоречия формирования духовной культуры офицера [3]. Не менее значимыми являются труды, авторы которых рассмотрели противоречия формирования и функционирования военной без-

опасности Российской Федерации — В. Н. Смирнов [4], культуры безопасности — Ю. В. Фетисова [5] и культуры национальной безопасности — Вл. В. Чебан [6]. Поучительны рефлексии противоречий тайных войн мировой закулисы, представленные Т. В. Грачевой [7] и М. М. Курочко [8]. Примечателен также опыт зарубежных исследователей, объяснивших противоречия войны и антивоенности: М. Ван Кревельда [9], Э. Тоффлера и Ж. Тоффлера [10], Д. Беста [11].

Однако в названных научных сочинениях разрешаются такие вопросы, которые лишь отчасти касаются противоречивых сторон военной безопасности государства. Тем не менее важно подчеркнуть, что анализ исследователями указанных противоречий послужил отправным пунктом для решения поставленной автором статьи задачи. Подход к рассмотрению значительной совокупности противоположных сторон процесса глобализации позволяет вместить его основные политико-экономические и идеологические противоречия, обуславливающие военную безопасность ведущих стран мира, в следующие группы. Это такие группы: а) противоречия существования; б) противоречия функционирования; в) противоречия развития. При этом будет отражаться контекст репрезентативной — деятельностной, идеологической и этической — практики движущих сил военной безопасности государств. Указанные группы противоречий важно объяснить более подробно.

Противоречия существования процесса глобализации и военная безопасность ведущих стран мира.

Первая группа противоречий военной безопасности обусловлена проблемами развития основных сфер жизнедеятельности государства. По оценке Вл. В. Чебана: «Динамика внешних и внутренних условий может выдвигать одно из них в качестве главного» [6, с. 27]. Суть противоречий существования — в диалектическом единстве прошлого и настоящего. Репрезентативная практика выступает в данном случае способом взаимодействия и формой объединения субъектов по реализации предыдущего опыта для воспроизводства ручательств военной безопасности. В то же время динамично меняющийся — за счет процессов глобализации — социальный ландшафт предъявляет повышенные требования к ее качественным и количественным характеристикам.

При этом противоречия указанной группы влияют на деятельность, идеологию и поведение носителей полномочий военной безопасности в основном опосредованно, через механизмы функционирования органов и институтов. Вот почему общественное воздействие на военную безопасность осуществляется преимущественно по политическим каналам, поскольку последние локализуются во властной сфере жизни государства. Это значит, что противоречия первой группы имеют политическую природу и характер. С учетом нынешней ситуации представляется необходимым выделить следующие *противоречия существования военной безопасности государства*.

Во-первых, *противоречие между потребностями в модернизации всех сторон социальной жизни локального социума и необходимостью сохранения устойчивых и продуктивных органов и институтов, чья деятельность, идеология и этика способствуют предотвращению нанесения ущерба военной безопасности страны*.

Связи между подобными органами и институтами являются далеко не прямыми и линейными. Так, политическая роль армии не всегда определяется уровнем ее культурности, поскольку многое здесь зависит от характера движущих

сил правящего режима, выбора власти и отношения — легитимного/нелегитимного — к этому большинства населения страны, вообще, и людей в погонах, в частности. В то же время социальные процессы в государстве — позитивные и/или негативные — отражаются на репрезентативной практике субъектов военной безопасности. Важно также заметить, что на обеспечении последней сказывается влияние экономических, политических и идеологических процессов, разворачивающихся в глобализирующемся мире.

Непонимание или отсутствие внимания к нарочитому приводит к роковой ошибке, связанной с мнимыми признаками хронологического существования войн и армий. Так, не в полной мере оказывается понятной формулировка этой «причины», изложенная израильским философом Мартином Ван Кревельдом в одной из своих работ. По мысли исследователя, она состоит в том, что «мужчины любят воевать, а женщинам нравятся мужчины, которые готовы за них сражаться» [9, с. 329].

Следует заметить, вывод в значительной степени поверхностный (надуманный) и, очевидно, М. Ван Кревельд не может претендовать на фундаментальное осмысление репрезентативной практики носителей военной безопасности. Если гипотетически следовать его позиции, то властная элита государства, в распоряжении которой окажется такая «паноплия (вооруженность, оснащенность) войны» [8, с. 197–198] — лишенная идеологической причины и этического измерения — не в состоянии будет уяснить уязвимость от военной опасности, а, следовательно, и сформировать на нее адекватный, причем своевременный, ответ. В такой ситуации сложно предотвратить нанесение ущерба интересам политической организации страны, и афишированное противоречие останется неразрешенным, сохранив пагубную тенденцию своего дальнейшего углубления.

Органы и силы военной безопасности, формирующие и реализующие стратегию насильственных действий, проводимую политику о превосходстве маскируют под глобализацию как объективный процесс интеграции мирового социума. Что касается остального человечества, то приоритеты фиксируются иначе. Не везде армия рассматривается как часть государственной структуры, а жаль. Следует согласиться с утверждением М. Я. Сафара: «Ряд общностей (Сомали, Афганистан и др.), которые с большим трудом можно назвать государствами, или же движений (Хамас, Исламское государство и др.), представляя явную угрозу мировому сообществу, даже внутри себя не делают различий между мирным населением и армией» [1, с. 86]. В этой связи обеспечение военной безопасности предполагает наличие у государства не только физического оружия, но и нефизического (например, информационного, психологического и т. п.), чтобы оградить себя во всех сферах от потенциальных опасностей.

Во-вторых, *противоречие между углубляющейся нестабильностью в мире и настоятельной потребностью применения политических репрезентативных — деятельностных, идеологических, этических — практик субъектов военной безопасности государства при разрешении конфликтов*.

В условиях напряженности отношений между государствами неправомерно допускать втягивание военных структур в активную политическую жизнь и превращать их в самостоятельный субъект управления частично или полностью. Попытки решить существующие проблемы при опоре на вооруженные силы способствуют утрате

эффективных форм жизнеустройства локального социума. Это чревато тем, что страна, как правило, вступает на гибельный для нее путь тоталитаризма и получает статус «военно-полицейского государства», понимаемого как высший тип никем и ничем неограниченной диктатуры, опирающейся на штыки. Подобное предполагает утверждение защитного типа военной безопасности в маркерах деятельности ее субъективных сил; популяризацию экстерналистского облика — в знаках их идеологии; реализацию этатистского контекста — в этической упорядоченности.

Следует подчеркнуть, что для военной безопасности государства фактор нестабильности приобретает особое значение, так как на ее внутреннее развитие накладываются динамичные процессы, происходящие в мире и регионах. За кажущейся стихийностью событий, вызывающих хаос, оказываются вполне осознанные цели и мотивы поведения, обусловленные интересами наций, народов и отдельных личностей. США не «видят» этого, проявляя стремление к единоличному доминированию в военно-политических отношениях начала XXI в., зачастую даже не вуалируя свои действия. Это «расшатывает», а порой «ломает» деятельностную, идеологическую и этическую практики творческого меньшинства военной безопасности политической организации конкретной страны.

На первый взгляд, следует признать правомерным суждение Э. Тоффлера и Х. Тоффлера о том, что «способ создания богатств и способ ведения войны связаны неразрывно» [10, с. 105]. Данная мысль углубленно не анализируется авторами книги, а констатируется рядом рассуждений о связи экономики и технических средств ведения войны. Но при этом не замечается, что стремление к получению прибыли и всеобъемлющему лидерству присуще прежде всего ведущим странам мира, и в первую очередь — США. Благополучие же остального мирового сообщества для них носит второстепенный смысл, а порой необязательный характер.

По оценке В. В. Серебрянникова, «именно это привело к тому, что западные государства, особенно входящие в НАТО, стали пренебрегать нормами международного права, применять силу и развязывать войны по своему усмотрению, не считаясь с ООН, интересами других народов» [12, с. 103]. Поэтому для субъектов государства на их деятельностном уровне должен императивно преобладать предупредительный тип военной безопасности, на идеологическом — интернационалистский образ, а на этическом — антропоцентристский лик. К сожалению, сегодня для россиян сущее в деятельностном контексте проявляется в защитном типе военной безопасности, в идеологическом аспекте ее доминантой выступает экстерналистский подход, в этической подоплеке — этатистская тенденция.

Военно-политические, экономические и ментальные интенции ряда субъектов власти сами по себе являются теми скрытыми пружинами, которые раскачивают сегодня мир, регионы, отдельные страны и Россию, в частности. Все зависит от того, насколько кто-либо предъявляет свой интерес кому-либо. Такая ситуация ведет к тому, что онтологическая сторона военной безопасности с необходимостью подвергается воздействию внешних негативных раздражителей. В этом резоне государство, испытывающее серьезные трудности внутреннего характера, неизбежно становится объектом повышенного внимания со стороны других, более успешных, сообществ.

В зависимости от условий подобное может трансформироваться в попытку решить свои проблемы за счет ослабевшего соперника любыми средствами, военными или невоенными, что, собственно, и происходит в различных частях планеты: например, Афганистане, Ливии, Сирии, Ираке и Украине. Репрезентативная практика носителей полномочий военной безопасности российского государства также оказалась втянутой в воронку конфликта. Это и деятельность с использованием трибуны ООН, и информационная война за предоставление правдивого ресурса о происходящих — в том числе военных — событиях в Сирии и Украине, и этический порядок противоборствующих сторон при урегулировании острых ситуаций. Для срабатывания сублиминального преобразования важно, чтобы энергия эмоциональных влечений носителей военной безопасности России не затмевала заданные цели их деятельности, поведения и мышления.

Необходимо согласиться с утверждением М. М. Курочки: «В контексте неклассической войны постмодернизм следует рассматривать как средство в руках субъекта проективности, стремящегося установить свое глобальное господство путем уничтожения самой субъектности и проектности конкурирующих социальных систем» [13, с. 57]. В такой ситуации военная безопасность государства находит свое проявление в случае возникновения опасности, выраженной «образом врага». Смыслополагание последнего актуализируется при мотивационном воздействии поведения и адресном влиянии идеологии ее субъектов. Следствием подобного оказывается мобилизация сил и средств на дистанцирование, что, в свою очередь, обеспечивается противоборством с противником через самосбережение.

В современных реалиях, когда ситуация в мире напряжена и нестабильна, продолжается борьба за обладание властью в глобальном масштабе — втягивание силовых структур в эти процессы губительно для военной безопасности государства. Представляется логичным, что важно разработать и ввести в действие четкие правовые нормы применения силовых структур внутри страны и за рубежом. Кроме того, следует положить в основу практики императивный принцип ненасильственного, политико-компромиссного и легитимного разрешения возникающих вооруженных конфликтов. В таком случае агрегированное превращение последних не приведет к провалам в интересующей сфере жизнедеятельности и не проявится в наступлении новых негативных обстоятельств.

К сожалению, идеологическая подоплека репрезентативной практики носителей полномочий военной безопасности нередко предстает сочетанием, в котором сущее бытие фактов переиначивается идеальностью целей. Тем самым гарантируется, с одной стороны, устойчивость власти их толкователей, а с другой — поражение за поражением в информационных войнах и малопродуктивное прогнозирование вооруженных конфликтов. Так, Россией было проиграно медиапротивоборство в августе 2008 г. в Южной Осетии, в определенной степени подобное фиаско продолжилось в 2014 — 2017 гг. в связи с событиями на юго-востоке Украины. Согласно О. М. Манжуевой, «западным специалистам удалось умело выдавать черное за белое, а белое за черное» [14, с. 32]. Но информационная война — существенное обстоятельство идеологического элемента содержания военной безопасности, которое, очевидно, недооценивается российским социумом, хотя, по-видимому,

как раз в этом корень многих нерешенных проблем России в интересующей сфере приложения усилий.

В-третьих, *противоречие между идеологией, поведением и деятельностью субъектов военной безопасности и необходимостью в создании военно-политической, экономической и социально-нравственной модели государства, которая привлекала бы к себе другие локальные общности.*

Разрешение данного противоречия видится в воплощении такого содержания военной безопасности, результатом которого явилось бы получение продукции, не нуждающейся в особой системе защиты, так как она уже своим существованием нивелировала бы потенциальные опасности во всех их формах. Разумеется, многое зависит от современных правил международной жизни и положения внутри страны. Если в основе организации военной безопасности будет лежать соперничество, то производство «конкурентоспособной продукции» не приведет к отрицанию динамического характера развития всей системы государства.

Это в полной мере относится и к идеологии, и к поведению, и к деятельности агентов полномочий по интересующему вопросу. Ведь притягательные образцы политического устройства и социальной организации общества, духовные ценности, к которым тянутся люди, не нуждаются на стадии своего совершенства в полномасштабной системе военной безопасности. Их иммунитет к возможным трагедиям и катастрофам заложен уже в генетическом коде и закреплен в результате длительного процесса становления, развития и функционирования военной безопасности на приемлемом уровне.

Например, современные модели устрашения потенциального врага построены на внушительной военной мощи, применение которой маловероятно, поскольку сама мысль о нападении на сильного противника представляется абсурдной. Между тем в истории имели место случаи, когда действия захватчиков, в конечном счете, заканчивались плачевно именно для них. В частности, Китай многократно был объектом военного нападения извне. Однако со временем ряд агрессоров, имея более низкий уровень культуры по сравнению с культурой этой страны, медленно и необратимо «окитаивались».

Словом, одним из способов организации военной безопасности российского государства является создание такой его экономической, социально-политической и нравственной модели, к которой бы тянулись другие. В полной мере это касается и Вооруженных сил модернизирующейся России: для них сохранение собственной субъектности и проективности — не исключение из указанной установки. Прав М. Н. Шахов, который утверждает: «Вооруженные силы России, как и общество в целом, нуждаются в формировании <...> престижного облика на путях инновационного развития» [15, с. 117].

Анализ противоречий существования процесса глобализации позволяет сделать промежуточный вывод о необходимости привнесения продуктивного качества в деятельность, идеологическую и этическую упорядоченность субъектов военной безопасности. Важно, чтобы она отвечала потребностям обеспечения социального заказа по поддержанию гарантий безопасного существования государства в реальных и прогнозируемых пространственно-временных координатах. Значимым также является уяснение и воспроизводство смыслов содержания военной безопасности в виде идеально-ценностных целей с последующим их достижением репрезентативной практикой субъектов российского государства.

Противоречия функционирования процесса глобализации и военная безопасность ведущих стран мира.

Представляется обоснованным во второй группе противоречий выделить следующие.

Во-первых, *противоречие между устаревшими стандартами обеспечения военной безопасности и актуальной потребностью установления и регулирования всего многообразия военно-политических и экономических целей субъектов современного исторического процесса.*

Среди причин этой данности одной из главных необходимо признать правовой нигилизм, усиливающийся серьезными издержками и пробелами законотворческой деятельности в причиненной сфере. Незрелость правовых основ практики военной безопасности существует не из-за отсутствия передовых научных идей, а из-за жесткого сопротивления, которое встречается со стороны бюрократического аппарата на пути их реализации. Длительный период времени функционирование исследуемого социального явления, по мысли Д. Беста, «происходило по пути сращивания <...> власти с элитой силовых структур <...> не только армейского истеблишмента, но и других военизированных ведомств, а также специальных служб» [11, с. 192]. При этом наблюдается явное доминирование решения интересующих проблем в пользу правящих режимов. Словом, в конце XX — начале XXI вв. ведущие страны мира узурпировали возможность быть единоличным субъектом репрезентативной практики военной безопасности.

Во-вторых, *противоречие между необходимостью соблюдения единства интересов личности, общества, государства и позицией ключевых персоналий власти в определении и реализации стратегии военной безопасности, адекватной бытию современной жизни локального социума.*

На переживаемом этапе это противоречие угрожает существенным понижением, вплоть до переломного, уровня военной безопасности. Неспособность некоторых руководителей государств определить приемлемую национальным условиям концепцию развития военной безопасности по своей сути означает воссоздание таких форм жизнедеятельности, которые рано или поздно способны привести к подрыву основ функционирования локального образования. Исторический опыт показывает, что такого рода противоречия ликвидируются, как правило, двумя способами: либо «сверху», за счет корректировки курса — генерализованного вмешательства со стороны государства, либо «снизу», через известные формы массового гражданского протеста — спонтанных изменений.

Противоречия развития процесса глобализации и военная безопасность ведущих стран мира.

Одним из них выступает *противоречие между содержанием, характером, динамикой военной безопасности и способностью ее субъектов обеспечить своевременный и адекватный ответ на всевозможные деструктивные процессы и явления с целью недопущения или минимизации причинения ущерба ценностям объекта регулирования.* Демонстрация указанного противоречия в такой формулировке обусловлена обстоятельствами как объективного, так и субъективного характера.

К объективным факторам можно отнести кардинальные изменения международной обстановки. С точки зрения опасности во всех ее формах для военной безопасности государства, необходимо отметить непрекращающееся стремление Запада изолировать многие государства, в том числе и Россию, от участия в решении важных мировых проблем, навязать им статус зависимых от иностранного

влияния сообществ. Кроме того, не пропадает стремление США удовлетворить за счет других стран свои честолюбивые планы. Поскольку попытки внешнего управления носят пролонгированный характер, постольку это требует от мыслящих политиков, военных, ученых адекватных шагов и принципиально иных подходов к развитию международных отношений.

Среди субъективных факторов необходимо выделить следующие:

выбор и реализацию рядом государств ошибочной типологической предрасположенности военной безопасности;

гносеологические трудности, связанные с недостатком знаний локального социума о механизме возможных военных потрясений и их предотвращения;

неадекватную оценку полноправными субъектами власти масштаба и последствий опасных процессов;

внутреннее состояние полномочных носителей, не позволяющее им в полной мере реализовать свой конструктивный потенциал для достижения приемлемого уровня военной безопасности.

Атмосфера всеобщих разногласий накладывает отпечаток на действие «субъективного фактора» в решении жизненно важных проблем многих стран. Распространенной ошибкой ряда государственных деятелей является прямое механическое заимствование зарубежного опыта (особенно США) без проведения собственного всестороннего анализа интересующего вопроса и условий его решения. В этом резоне нельзя оставить без внимания мысль Э. Ш. Бестаевой о том, что «постепенная утрата этнических ценностных приоритетов неизбежно приводит к культурному распаду самого народа» [16, с. 17]. Есть чему учиться и у американцев, и у немцев, и у французов. Но их армии созданы, исходя из геополитического положения, типа государства, национально-культурных и, собственно, военных традиций. Поэтому прямое бездумное копирование чуждой пробы, кроме ущерба, ничего не принесет деятельности, идеологической и этической упорядоченности носителей полномочий военной безопасности других государств.

Военная безопасность рядом своих свойств взаимосвязана с явлениями ближайшего окружения, к которому она принадлежит. Отнесение рассматриваемого феномена к конкретному виду или роду выражается категорией «особенное». Анализ предложений и советов в объясняемой сфере убеждает в том, что именно «особенное» забывается «крупными специалистами», начиная с оценки характера будущих войн и заканчивая необходимым численным составом вооруженных сил.

В частности, в упоминавшейся работе американских исследователей Э. Тоффлера и Х. Тоффлера «Война и антивоенность...» будущее мирового сообщества усматривается в дифференциации культуры народов и государств по уровням «трех волн»: доиндустриальной, индустриальной

и сверхиндустриальной. В книге выдвигается положение о том, что для обществ «первой волны» исходной формой мира было «щадящее насилие», якобы сводящее к минимуму сам факт принуждения. По суждению ученых, «щадящее насилие имело место по отношению к гражданскому населению, детям и военнопленным» [10, с. 325].

Но истории известны войны и другие факты вооруженного воздействия, в которых армии и силовые государственные формирования истребляли население побежденных городов и поселков. По оценке Т. В. Грачевой, «расплачиваться за ошибки правящей элиты приходится многострадальному народу» [7, с. 349]. Именно это и происходит в настоящее время в Ливии, Сирии, Ираке, Афганистане и на юго-востоке Украины. Отсюда вытекает еще одно противоречие развития военной безопасности: *между сущей репрезентативной практикой носителей военной безопасности, генерирующей опасность гарантиям выживания и благополучия нации и их должной способностью/стремлением к уяснению уязвимости и формированию адекватного ответа на возникающие негативные процессы для достижения искомой цели (предотвращения возможного ущерба).*

Таким образом, рассмотренные группы противоречий помогли обнаружить *основной источник* развития военной безопасности, суть которого заключается в противоречивом единстве старого и нового. Именно в нем идеологическая, этическая и деятельностная упорядоченность ее субъектов предстает формой реализации предшествующего опыта по предотвращению/пресечению попыток внешних и внутренних деструктивных сил нанести ущерб локальному образованию — в данном случае повествуется о традиции. Однако меняющиеся политико-экономический и идеологический ландшафты предъявляют более высокие требования к качественным характеристикам военной безопасности государства — это не что иное, как инновация.

Обнаруживая себя как порознь, так и в непосредственном взаимодействии, доминируя на разных исторических отрезках времени социокультурной жизни, старое и новое занимают существенное место в анализе военной безопасности и ее противоречивого характера. С одной стороны, становится актуальным диалектическое отрицание «неработающих» свойств военной безопасности. С другой — важно усиление ее целевых параметров, которые способствовали бы гарантированному предотвращению ущерба материальным и духовным ценностям государства.

Основное противоречие военной безопасности ведущих стран мира состоит между необходимостью сбережения объективных условий их устойчивого существования, динамичного развития, продуктивного функционирования и стремлением ее творческого меньшинства применить разработанные им деятельностный, идеологический и этический порядки на заданную цель.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сафар, М. Я. Системные противоречия культурного пространства, перспективы и опасности трансформаций / М. Я. Сафар // Пространство и время. — 2013. — № 2(12). — С. 82–88.

2. Сафар, М. Я. Системные противоречия культурного пространства, перспективы и опасности трансформаций (продолжение) / М. Я. Сафар // Пространство и время. — 2013. — № 3(13). — С. 31–35.

3. Балябкин, Е. А. Противоречия формирования духов-

ной культуры офицера в современной Российской армии: дис. ... канд. философ. наук / Е. А. Балябкин. — М., 2006. — 159 с.

4. Смирнов, В. Н. Противоречия формирования и функционирования военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. философ. наук / В. Н. Смирнов. — М., 1996. — 20 с.

5. Фетисова, Ю. В. Культура безопасности: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю. В. Фетисова. — Омск, 2009. — 21 с.

6. *Чебан, В. В.* Культура национальной безопасности России: история и современность (социально-философский анализ): монография / В. В. Чебан. – М.: Академия ФПС РФ, 1996. – 144 с.

7. *Грачева, Т. В.* Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы: монография / Т. В. Грачева. – Рязань: Зерна, 2009. – 400 с.

8. *Курочко, М. М.* Паноплия войны: готова ли Россия к современным войнам / М. М. Курочко // Гуманитарный вестник. – 2014. – № 2(29). – С. 196–199.

9. *Кревельд, М. Ван.* Трансформация войны / М. Ван Кревельд. – М., 2005. – 549 с.

10. *Тоффлер, Э.* Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ. Транзиткнига, 2005. – 412 с.

11. *Бест, Д.* Право и война после 1945 года / Д. Бест. – М.: ИРИСЭН, 2010. – 676 с.

12. *Серебрянников, В. В.* Армия: новый смысл и содержание деятельности / В. В. Серебрянников // Военно-философский вестник. – 2008. – № 2. – С. 100–109.

13. *Курочко, М. М.* Война и армия как средства реализации онтологий социальной проективности в условиях глобализации / М. М. Курочко // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2010. – № 2. – Выпуск в серии № 19. – С. 53–58.

14. *Манжуева, О. М.* Философская парадигма информационной безопасности: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук / О. М. Манжуева. – М., 2016. – 46 с.

15. *Шахов, М. Н.* Трансформация Вооруженных Сил России в условиях социальной модернизации / М. Н. Шахов // Военно-философский вестник. – 2008. – № 2. – С. 110–117.

16. *Бестаева, Э. Ш.* Проблемы идентификации личности в этнокультуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Э. Ш. Бестаева. – Ростов н/Д., 2009. – 32 с.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.06.2017.

В. М. МАКАРОВ,
начальник управления информации – пресс-секретарь
главного управления идеологической работы
Министерства обороны Республики Беларусь,
кандидат педагогических наук

КУЛЬТУРНАЯ ДЕСУВЕРЕНИЗАЦИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

УДК 351.86

В статье рассматривается понятие «культурная десуверенизация» как важнейшее условие достижения целей в современных военных конфликтах, сущностной особенностью которых является реализация внешних угроз через внутренние источники.

The article deals with the concept of “cultural desovereignisation” as the most important condition for achieving goals in modern military conflicts, the essential feature of which is the implementation of external threats through internal sources.

Войны и военные конфликты нового века демонстрируют такую их особенность, как реализацию внешних угроз через внутренние источники дестабилизации — разрушения государственности. Соответствующий феномен характерен для всех типов войн, включая так называемые многомерные [1], диффузные или гибридные войны, непременным атрибутом которых являются «цветные революции» [2].

В данной работе представлено лишь одно направление дестабилизации, являющееся непременным условием реализации целей современной войны, — культурная десуверенизация.

В самом общем плане суверенитет (от фр. верховная власть) — это верховенство власти внутри страны и ее независимость во внешней сфере, то есть полнота власти государства на ее территории, исключая подчинение властям иностранных государств. Соответственно десуверенизация — это процесс разрушения государственной власти, самого государства.

Доктор исторических наук, профессор В. Багдасарян приводит несколько метафор-рассуждений в связи с поиском ответов на вопрос «Что управляет миром?». Известна метафора Наполеона — «Миром правят батальоны», то есть военная сила. Другая классическая метафора дает иное понимание — «Миром правят деньги». Но есть и третья метафора — «Миром правят идеалы». Все они выражают разные уровни и механизмы управления. Для осуществления десуверенизации требовалось подавить каждый из обозначенных механизмов. На основании понимания,

что «миром правят идеалы», для подавления государства-противника применяется десуверенизация культурная [3].

Культурная десуверенизация представляет собой поражение сферы смыслов, разрушение социокультурного архетипа, менталитета больших социальных групп. На данном этапе исторического развития данный тип десуверенизации является ведущим в глобальном масштабе. Для того чтобы лишить соответствующий социум будущего, следует разрушить несиловое поле, традиционно выступающее под наименованием «связи времен».

Еще в середине 90-х годов прошлого века в работе Ю. Громько «Консциентальное оружие — как оно действует» [4] предложено рассматривать субъектность того или иного этноса, народа, государства как предмет поражения в подобной войне. Реальность сознания не является индивидуальной: она принадлежит более крупным единствам — общностям, этносам. Причем механизм разрушения сознания в данном случае заключается в создании специальных «симуляционных машин», воссоздающих ложную среду существования сознания, в которых снижается уровень энергийного существования личности. Данные симуляционные машины есть не что иное, как отщепленные среды сознания, способные лишь имитировать его работу.

Именно эти среды способны опосредованно формировать так называемые группы участия — химерические общности, которые и имитируют существование сред сознания. Дальше остается только эти общности объективировать и как-то назвать, а ее членов превратить в образцы для массового подражания.

Как это делается на практике, показывают трагические события последних десятилетий, когда народы целых государств, отказавшись от своей истории, самых ярких, героических ее страниц, сами же погружают собственные страны в хаос и небытие.

В свою очередь, в основе разрушения несилового поля лежит ценностная инверсия, трансформация ценностей, являющихся сущностной характеристикой социальных общностей. Среди основных направлений разрушения, изменения ценностных парадигм приоритетное значение в современных условиях имеют следующие: ценностная делегитимизация государственной власти; ценностная делегитимизация силовых структур, прежде всего армии, как основных факторов поддержания стабильности и мира; разрушение идентичностей, сужение идентификационных масштабов; разрушение исторического сознания.

В самом общем плане под идентичностью понимается тождественность, сходство, совпадение. Социальная идентичность представляет собой осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям.

Вполне можно согласиться с авторами, представляющими следующим образом модель государственной интеграционной структуры идентичностей: в ее основе лежит цивилизационная идентичность, далее следует национальная, социально-профессиональная, мельчайшей опорной единицей общностей выступает семья — семейная идентичность [5, с. 188–192]. При разрушении семейных интеграционных связей человек окончательно десоциализируется.

Технология разрушений идентичностей была последовательно реализована при распаде СССР. Например, цивилизационная идентичность — «советский народ» как историческая общность представлялся в ходе перестройки в качестве искусственно сконструированного образования, и была окончательно дезавуирована. При этом актуализировался национально-религиозный идентификатор, который объективно является системообразующим компонентом государственности, но на том историческом этапе он был использован в дезинтеграционных целях.

В современных условиях продолжается процесс идентификационной дезинтеграции уже государств на постсоветском пространстве. С одной стороны, в игру включены региональные идентификаторы (на примере России — это идеи создания Уральской республики, так называемой Казаккии и др.). С другой — осуществляются попытки разрушения остатков естественных интеграционных образований путем создания химерических общностей в рамках глобализационных проектов по примеру Европы. В Европе тому немало примеров: ликвидация национальных государств, проводящих самостоятельную политику (например, Югославия), растворение национально-культурных идентичностей путем реализации идей мультикультурализма и др.

На примерах европейских стран можно видеть, как глобализация вступает в фазу планетарного универсализма с распадом по минимальным локальным рывкам идентификационным образованиям типа Евросоюза, где в перспективе места национальным государствам с их многовековыми традициями не остается.

Последней ценностной точкой опоры остается семья. Именно поэтому в глобальном масштабе наносятся удары по данной идентификационной основе, которая, собственно, и делает человека Человеком. (Примеров здесь более чем достаточно, включая навязывание химерических

семейных общностей типа системы однополых браков и т.д.).

Кроме того, необходимо учитывать, что на рубеже 90-х годов XX века в социальной психологии широко обсуждался вопрос о кризисе идентичности личности в двух его вариантах: магическом (погружение в мир псевдорелигиозных переживаний и метафизических идей) и апатичном (уход от активной социальной практики в связи с широким распространением алкоголизма, наркомании и контркультуры). К этому же времени относятся изощренные попытки опробовать на Беларуси оккультные проекты «Беларусь — экопарк планеты Земля», «Белая Русь — край мира, любви и согласия» и др. [6].

Особое значение имеет разрушение исторического сознания, что тесно связано с идентификационной трансформацией. Здесь удары наносятся по самым важным, ярким, судьбоносным точкам истории. Например, применительно к государствам на постсоветском пространстве — по истории Великой Отечественной войны. Направления здесь одинаковы как в России, Украине, Прибалтике, так и в Беларуси. Это обвинение СССР в развязывании войны, в том числе разделе Польши (для Беларуси данное направление означает национально-государственную делегитимизацию, так как только освободительный поход Красной Армии в 1939 году обеспечил воссоединение белорусского народа в едином государстве), оправдание коллаборации, фальсификация партизанского движения и др.

В Беларуси не удалось переписать историю Великой Отечественной войны, с избранием А. Г. Лукашенко Президентом возвращены символы и смыслы самого яркого события XX века. Тем не менее процесс попыток исторической трансформации продолжается. Причем на данном этапе основным направлением исторической трансформации является разжигание противоречий между Беларусью и Россией с трансформацией противоречий на два братских народа.

В концентрированном виде данное направление реализуется посредством следующих антинаучных концептов, представленных, в частности, так называемым «Институтом белорусской культуры, истории и ментальности», который по форме напоминает научную организацию и одновременно имеет статус общественного объединения, реализуя на практике идеи радикальной оппозиции. В концентрированном виде соответствующие взгляды изложены в так называемой «Концепции белорусской национальной идеи» в книге «Беларусь превыше всего!», изданной в Смоленске:

«...изменить концепцию происхождения белорусов со славянской на балтскую. Это вырвет белорусов из российского контекста, утвердит как самостоятельную нацию, имеющую собственную этническую основу;

изменить название страны и народа. Белорусы должны осознать, что названия «Белоруссия» и «белорусы» являются колониальными. Их придумали для наших предков в конце XVIII века власти царской России специально с целью замены терминов «Литва» и «литвины»;

названия «белорус» и «Белоруссия» семантически означают привязку к России. Белорус вроде как русский, но только белый — то ли «улучшенный», то ли «подпорченный», в любом случае — оторванный от «старшего брата». Такое название стирает национальное самосознание, подразумевает, что наша земля — часть России, которую следует обязательно воссоединить с «матерью-Родиной». Исходя из смысловой кодировки названия, «белорус» — это православный крестья-

нин, в современной интерпретации — советский колхозник, покорный трудяга, для которого главная ценность — алкоголь; белорусский язык желательнее перевести на латинский шрифт. Именно на латинице начиналось белорусское Возрождение. Его заменили кириллицей сначала царские власти, а затем и советские;

Союзное государство с Российской Федерацией надо ликвидировать...» [7].

Данные концепты соответствуют программным документам и заявлениям руководителей оппозиционных политических партий. Лидером партии БНФ заявлено, что Беларусь должна выйти из ОДКБ и Союзного государства.

Все представленные выше направления разрушения ценностных парадигм объединяют способы воздействия на сознание людей, где ключевую роль играет культурная трансформация, примитивизация, подмена высокой культуры реализма поп-искусством в самых извращенных деструктивных формах.

Для современного исторического этапа характерна мозаичность восприятия реальности и знаний как молодыми людьми, так и старшими поколениями. Отдельные элементы реальности молодежь уже воспринимает как саму реальность.

Данный феномен весьма образно характеризует доктор психологических наук Ю. Громыко: *«Реальностью становится известная русская сказка, когда перед Иваном-царевичем Кощей выстроил одну живую реальную царевну и девять ее стеклянных копий, требуя мечом уничтожить стеклянные фантомы. Если бы не мушка, севшая на щеку живой царевны, случилась бы трагедия»* [8].

Для белорусов это особенно актуально в силу толерантности и активного восприятия самых разных влияний. Все это усугубляется вузовской практикой, в которой совершенно разрушительны разные модули, курсы по выбору при четырехлетнем обучении. Как результат целостной картины мироздания гуманитарной наукой не формируется. Мы имеем клиповое мышление. Человек с таким мышлением к творчеству не способен, хотя на первый взгляд будет производить впечатление креативного [9, с. 82].

Данный феномен ярко проявляется на примерах навязывания населению абсолютно ложных, некритически воспринимаемых картин исторического прошлого, для чего в ход идут отработанные еще в первой половине XX века модели, используемые в сюрреализме, в частности, паранойя-критический метод в искусстве. Данный метод, в свое время разработавшийся в живописи Сальвадором Дали, представляет собой интерпретацию реальности как «спонтанный метод иррационального познания, основанный на критической и систематической объективации бредовых ассоциаций и интерпретаций» [10, с. 30–31, 344].

Примером его успешной реализации на практике уже в новом веке является творчество С. Алексиевич, которое де-юре легитимизировано присуждением ей Нобелевской премии. При этом сама автор и не считает необходимым скрывать подлинные цели собственного творчества, которое направлено, де-факто, против белорусской государственности путем полного выхолащивания из истории Беларуси советского периода. «Что такое литература сегодня?» — ставит вопрос Алексиевич и отвечает на него следующим образом: *«Мы живем быстрее, чем раньше. Содержания рвет форму. Ломает и меняет ее. Все выходит из своих берегов: и музыка, и живопись, и в документе слово вырывается за пределы документа. Нет границ между фактом и вымыслом, одно перетекает в другое». Здесь же содержит-*

ся и обоснование собственного направления в литературе: «Писать прозу о кошмарах XX века кощунственно. Тут нельзя выдумывать. Правду нужно давать, как она есть. Требуется «сверхлитература» [11].

«Сверхлитература» — это вполне соответствует понятию «сверхреализм» (дословное значение термина «сюрреализм»), тем более, что отдельные элементы тиражируемых ею взглядов укладываются в «диктовку мысли вне всякого контроля со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных соображений» («Манифест сюрреализма» А. Бретона) [12].

Более того, используя подмену понятий, нобелевский лауреат по существу рассматривает советскую историю с позиции троцкизма, ссылаясь при этом на троцкиста Варлама Шаламова, который свой первый срок получил за «возвращение к ленинским принципам», участвуя в неудачной первой «бархатной революции» в СССР в 1927 году, когда состоялась демонстрация сторонников Троцкого к 10-летию Октябрьской революции под лозунгом «Долой Сталина!» [13, с. 86]. При этом название нобелевской лекции самой Алексиевич «О проигранной битве» точно вписывается в концепт троцкизма (о чем и говорил Шаламов) — речь идет о «мировой революции», которую отметили именно в Советском Союзе.

Результатом же подобной интерпретации истории являются выводы, содержащиеся в нобелевской лекции, которые полностью соответствуют направлениям фальсификации советской истории и дискредитации политики Беларуси: *«Красный» человек так и не смог войти в то царство свободы, о которой мечтал на кухне. ...Он остался ни с чем. Униженный и обворованный. Агрессивный и опасный... Зло беспощадно, к нему нужно иметь прививку. Но мы выросли среди палачей и жертв... Так наша жизнь и болтается — между бардаком и бараком. Коммунизм не умер, труп жив... Время надежды сменило время страха. Время повернуло вспять... Время сэконд-хэнд...»* [11].

Данное направление культурной десуверенизации является ведущим на постсоветском пространстве. Главные удары наносились и наносятся по советской истории. Здесь и попытки героизации предателей-коллорационистов, постоянно поддерживаемая тема репрессий. Примечательно, что буквально синхронно, одновременно в России, Беларуси и Украине со стороны радикалов реанимируются данные вопросы. Разумеется, никто из политтехнологов ни при каких обстоятельствах не собирается вникать в проблему, пытаться разобраться в том, что это было в действительности. Представление соответствующих исторических явлений во всей глубине, сложности и противоречивости не входит в их задачи.

Как результат, посредством данных исторических манипуляций во взаимодействии с объективными процессами прагматизации ценностных ориентаций формируется ущербное сознание, основанное на комплексе исторической неполноценности и преклонения перед Западом, убежденности в тотальном отставании от Европы, где якобы все лучшее, жизнь комфортнее и свободнее.

Имеет место ценностная трансформация, индикатором которой могут служить данные о социокультурной статусности различных профессий. Примечательно, что в 1967 году в СССР на первом месте в иерархии ценностей молодежи — космонавт, на втором — военный, на третьем — актер. В 2002 году в России — на первом месте у юношей — предприниматель, на втором — юрист, на третьем — экономист [5, с. 178].

В Беларуси соответствующие результаты не намного отличаются от российских. Наше собственное исследование социокультурной статусности различных профессий в белорусском молодежном социуме, проведенное в январе — феврале 2016 года центром психологических и социологических исследований, показывает, что первое место по престижности занимает профессия программиста, второе — врача, третье — актера, четвертое — инженера и предпринимателя. Профессия военного находится на 11 месте из 27 и значима лишь для 3%.¹

Как пишет Т. Шамякина в статье «Инфляция классического образования» в журнале «Социология», «недобор студентов на некоторые специальности физики, скажем, атомную энергетику — очень тревожный симптом. Молодые люди не думают развивать отечественные ядерные технологии, так как не собираются оставаться в Беларуси» [9, с. 76].

Все это — те условия, в которых находится Республика Беларусь.

Соответственно, приоритетное внимание необходимо уделить комплексной работе по формированию сознания граждан, особенно будущей элиты, с учетом опасности проникновения в повседневную жизнь заимствованной с Запада псевдокультуры, примитивных моделей поведения, ведущих к нравственной деградации.

Основные пути решения соответствующих проблем в контексте задач военного ведомства:

в активизации развития методологических основ обеспечения защиты населения и войск от последствий глобальных социокультурных трансформаций, в дальнейшем развитии современной научно-теоретической базы наук социально-гуманитарного цикла, активизации фундаментальных и прикладных военно-социологических, психологических и педагогических исследований в интересах обеспечения национальной безопасности;

в усилении взаимодействия органов военного управления с республиканскими центрами, занимающимися исследованиями в социогуманитарной сфере, региональными научными и научно-исследовательскими учреждениями, соответствующими кафедрами с целью использования опыта белорусской социологической, психологической и педагогической школ в интересах решения задач обеспечения безопасности в информационной и социальной сферах;

в принятии мер по повышению психолого-педагогической культуры военных кадров, укреплению и усилению научного потенциала кафедр социальных наук, идеологической работы Военной академии.

Вполне закономерно, что в обеспечении как военной, так и национальной безопасности в целом ключевую роль играет офицерский корпус государственных органов системы обеспечения безопасности.

Работа с офицером (будущим офицером) начинается со школьной скамьи (когда идет процесс формирования преданности будущей профессии защитника Родины) и военных вузов (где вся система подготовки должна соответствовать реализации принципа «учить войска тому, что необходимо на войне») и продолжается в последующем в процессе всей службы с целью укрепления и развития профессионально значимых качеств личности офицера.

Здесь особо важная роль принадлежит системе военного образования, совершенствованию подготовки кадров.

Идеологические требования к системе военного образования основаны на главном, классическом принципе военной школы, военного обучения — «учить тому, что необходимо на войне». Следовательно, модели, навязываемые отдельными «специалистами» в рамках «болонской» системы, для военной организации абсолютно несостоятельны.

В этом отношении необходимо проведение комплексной оценки прежде всего содержания программ, учебников, пособий по предметам социально-гуманитарного цикла в контексте их соответствия главному принципу обучения войск и идеологии обеспечения военной безопасности государства. Цель данной оценки — ответ на вопрос: «В какой степени содержание и преподавание соответствующих дисциплин способствует формированию (в т. ч. в перспективе) понимания сущности национальных интересов, готовности их защищать и участвовать непосредственно в обеспечении национальной безопасности государства?».

Одновременно необходимо решительно изживать комплекс преклонения перед Западом, ложной уверенности в отставании от Европы среди отдельных категорий граждан.

Чтобы изживать этот комплекс, чтобы не потерять волю к подлинному развитию, надо познать сущность технологий обнуления потенциала реальности в современных условиях, в том числе сущность постмодернизма как тончайшего и опаснейшего оружия, с помощью которого новые господа могут использовать новые технические возможности виртуализации мира для окончательного порабощения человечества.

Это особенно важно, так как сегодня объективно разворачиваются два процесса в связи с прогрессирующим развитием новейших технологий.

Первое — это наращивание потенциала виртуальной реальности (именно ее стремится полностью подчинить и захватить постмодернизм).

Но есть и второй процесс — если в виртуальном мире начнут работать новые Эйнштейны, то именно они будут выстраивать более глубокие связи между виртуальностью и реальностью, обнаруживая новые богатства в окружающем мире и внутреннем мире человека [14, с. 121, 141–142].

Поэтому альтернатива здесь одна: или проект «Человек», или «нетократия» с наращиванием скудости, убожества реальности, убийство реальности как пространства для творчества и самореализации человека.

¹ С применением квотно-пропорциональной выборки опрошено 1068 человек в 10-х и 11-х классах 20 учреждений образования (средние школы, колледжи).

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гилев, А. О. Многомерная война и новая оборонная стратегия / А. О. Гилев // Россия в глобальной политике. — 2014. — № 5. — С. 47–56.
2. Владимирцов, А. И. Против всех — часть II / А. И. Владимирцов // Военно-промышленный курьер. — 2015. — № 7 (573). — 25 февраля.

3. Багдасарян, В. Э. В фокусе борьбы — культура / В. Э. Багдасарян [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusrand.ru/docconf/v-fokuse-borby--kultura>. — Дата доступа: 02.03.2017.

4. Громыко, Ю. Консциентальное оружие — как оно действует / Ю. Громыко // Российское аналитическое обозрение. — 1998. — № 7. — С. 78–79.

5. *Якунин, В. И.* Западня: Новые технологии борьбы с российской государственностью / В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. – М.: Эксмо, 2010. – 432 с.

6. *Макаров, В. М.* Консциентальная война: миф или реальность / В. М. Макаров // Наука и военная безопасность. – 2003. – № 2. – С. 18–22.

7. *Кравцов, О.* Концепция белорусской национальной идеи / О. Кравцов // Беларусь превыше всего! – Смоленск: Книжный клуб «Посох», 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inbelhist.org/?p=6468#more-6468>. – Дата доступа: 01.06.2014.

8. *Громыко, Ю.* Почему развалился мультикультурализм? К формированию новой цивилизационной идентичности / Ю. Громыко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.park.futuregerussia.ru/extranet/about/life/2500/>. – Дата доступа: 05.11.2016.

9. *Шамякина, Т. И.* Инфляция классического образования / Т. И. Шамякина // Социология. – 2014. – № 3. – С. 75–84.

10. *Шенье-Жандрон, Ж.* Сюрреализм / Пер. с франц. С. Дубина / Ж. Шенье-Жандрон. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 416 с.

11. *Алексиевич, С. А.* О проигранной битве. Нобелевская лекция. / С. А. Алексиевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ru.html. – Дата доступа: 15.12.2015.

12. *Бретон, А.* Манифест сюрреализма 1924 года / А. Бретон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.staratel.com/pictures/surreal/anifest.htm>. – Дата доступа: 15.12.2015.

13. *Есипов, В. В.* Шаламов / В. В. Есипов. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 346 с.

14. *Бялый, Ю. В.* Концептуальная война / Ю. В. Бялый. – М.: ЭТЦ, 2013. – 320 с.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.04.2017.

С.М. АЛЕЙНИКОВА,
начальник отдела технологий кадровой работы
Центра исследований государственной кадровой политики
НИИ теории и практики государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат социологических наук

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

УДК: [323.23+324]

Статья посвящена понятию политического маркетинга как одному из инструментов управления политическими процессами. Раскрываются факторы и предпосылки, обусловившие его рассмотрение в контексте обеспечения национальной безопасности государства.

The article deals with the concept of political marketing as one of the tools of managing political processes. The article reveals the factors and prerequisites that determined the consideration of political marketing in the context of ensuring the national security of the state.

Понятие политического маркетинга (далее — ПМ) введено в научный оборот американскими учеными в середине XX века. Несмотря на все многообразие существующих концепций, общим в них является то, что ПМ рассматривается как способ направленного воздействия на политический процесс и политическое сознание. Данное воздействие осуществляется через формирование, в первую очередь, побудительных мотивов (ценностей, интересов, электоральных предпочтений), изучение и удовлетворение политического спроса целевой аудитории (того или иного слоя общества или социальной группы).

Обращение современной политологии к ПМ обусловлено рядом факторов как сугубо военного и политического, так и более широкого социокультурного характера. В этой связи основное внимание в статье будет уделено раскрытию факторов и предпосылок, обусловивших распространение ПМ на постсоветском пространстве, и рассмотрению его в контексте обеспечения национальной безопасности государства.

Факторы и предпосылки ПМ

На постсоветском пространстве главным, основополагающим фактором развития ПМ стала политическая модернизация: кардинальная трансформация всей политической системы общества, ее демократизация, смена и релятивизация, «размывание» мировоззренческих ориентиров. Уход от жестких идеологических рамок и отказ от партийной монополии обусловили резкий рост динамики всех политических процессов: развития политического

рынка, острой межпартийной конкуренции и связанной с ней активизации избирательных кампаний и технологий. К негативным тенденциям 1990-х — начала 2000-х гг. следует указать многочисленные военные конфликты и террористические акты в различных точках бывшего СССР.

Отсутствие собственного значимого опыта в данной сфере послужило причиной заимствования и широкого распространения имеющихся и апробированных вековой европейской практикой инструментов и технологий ПМ. Последующие десятилетия в большей степени характеризовались не столько разработкой принципиально новых, сколько адаптацией уже существующих методов воздействия на общественное сознание к условиям и особенностям менталитета постсоветского общества.

Собственно, запрет в 1991 г. деятельности КПСС и распоряжение о национализации ее имущества можно рассматривать как первый в отечественной практике политический маркетинговый ход, обеспечивший, несмотря на последующую отмену Конституционным судом Российской Федерации (далее — РФ) ряда его положений, широкую общественную поддержку (легитимацию) новой политической власти. Так, достаточно обратиться к риторике самого текста указа президента РФ «О деятельности КПСС и КП РСФСР» [1], чтобы определить его реальное целевое назначение: непосредственно запрет деятельности КПСС или же обнародование документа, отвечающего социальным ожиданиям значительной части общества. Сама формулировка постановляющих пунктов — «*Признать несовершенной структуру (курсив А. С.)*» высших орга-

нов государственной власти и управления...» — свидетельствует в большей степени об их манипулятивном, нежели нормативном и правовом характере. Принятие указанного документа, тем не менее, имело большое политическое значение, так как стало отправной точкой глобальной политической модернизации и слома всей политической системы бывшего СССР.

Указанные процессы сопровождалось существенным изменением традиционной социальной иерархии, институциональной структуры и соответственно — степени управляемости и механизмов управления обществом. Поэтому политическая модернизация в постсоветских странах в значительной мере предшествовала модернизации экономической, а распространение ПМ — маркетингу экономическому. Кроме этого, если в советский период государственная и партийная власть с некоторыми оговорками, но все же представляли собой единый политический институт, то развитие многопартийной системы повлекло значительную дифференциацию функций, принципов функционирования партийных и государственных институтов и как следствие — их размежевание и конкуренцию. Данную закономерность политической модернизации отмечал в свое время еще С. Хантингтон [2, с. 12].

Вторым фактором можно обозначить переориентацию экономического развития большинства стран бывшего СССР с плановой экономики на политику свободной торговли. Формирование общества массового потребления с переизбытком товаров и услуг предопределило проникновение рыночных отношений и технологий во все сферы общественной жизни, включая даже такие неполитические институты, как культура и религия. Социальный запрос общества кризисных 1990-х гг. обусловил соответствующее предложение. В качестве примера, подтверждающего данный факт, можно привести лавинообразное распространение не только политических партий и общественных объединений, но также новых религиозных движений и культов, резкую активизацию деятельности традиционных конфессий.

Политическая сфера также стала рассматриваться как один из сегментов общего рынка с соответствующим набором составляющих его элементов: изучением и формированием политического спроса и предложения (товаров, продуктов, услуг), маркетинговых технологий по продвижению продукта (партий, движений, кандидатов в депутаты), ориентированного на массового потребителя (электорат).

В этой связи следует отметить, что основными особенностями ПМ в сравнении с иными видами маркетинга являются: а) сегментация рынка и б) целевая направленность: достижение, удержание и перераспределение властных полномочий, а не сбыт товаров или распространение услуг. Иными словами, основным отличием ПМ можно назвать различное понимание получаемой прибыли, измеряемой не в проценте получаемой денежной прибыли, а в проценте полученных той или иной партией голосов электората, степени легитимности политической власти. В то же время сведение политического процесса к категориям товара и потребления не учитывает генезиса — исторических и социокультурных предпосылок формирования той или иной политической системы, а также таких категорий и феноменов, как менталитет, идентичность, политическая культура и др.

Данные категории традиционно несут значительную ценностную нагрузку и, хотя и нуждаются в определенной

маркетинговой поддержке со стороны государства, однако не всегда могут быть подвержены процедуре формализованной оценки и вписаны в рамки товарных отношений. Поэтому отождествление политической сферы с рынком, а политического процесса с рыночными отношениями, а также экстраполяция соответствующих категорий и методов представляются не вполне корректным и в значительной степени упрощенческим, редукционистским подходом. Понятие ПМ распространяется на всю политическую систему общества и не ограничивается электоральным измерением, включая в себя всю совокупность различных видов социального взаимодействия.

Третьим существенным фактором актуализации ПМ является глобальная информатизация всего мирового сообщества, развитие социальных сетей, форумов, блогов, других интернет-ресурсов и средств массовой коммуникации. Являясь одним из ключевых инструментов ПМ, система массовых коммуникаций выполняет ряд функций по распространению, кодировке и передаче информации. Информация в данном случае понимается в максимально широком контексте, подразумевая под собой не только конкретное адресное сообщение (текст, символ, образ, мессендж и др.), но одновременно сочетая в себе качество функции, инструмента и цели. В роли последнего может выступать широкий спектр направлений от локальных до глобальных вплоть до формирования национальных архетипов и обеспечения национальной безопасности.

Подобное широкое понимание информации получило свое отражение в программных и нормативных правовых документах. Как отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Усиливаются роль и влияние средств массовой информации на общественную жизнь, активно распространяется практика целенаправленного, в том числе негативного, внешнего информационного воздействия [3]. Соответственно интернет-маркетинг, как уже сложившееся самостоятельное направление маркетинга, целесообразно рассматривать не только в качестве канала коммуникации и дистрибуции в сфере продвижения товаров и услуг, но и в более широком контексте работы с целевой аудиторией.

Это обусловлено, во-первых, общей методологической основой, поскольку любой вид маркетинга предполагает оказание целенаправленного воздействия на желаемое поведение субъектов отношений (в ПМ — политических акторов, электоральных групп и др.) через формирование побудительных мотивов. Практически все маркетинговые технологии направлены не на принуждение, а на внушение и убеждение, что позволяет свести к минимуму применение принудительной силы государства. Изменение характера подобного воздействия создает возможность (в некоторых случаях — иллюзию) мотивированного выбора. Примером может служить технология так называемого «вирусного маркетинга», когда запуск и массовое распространение нужной информации («информационной волны») осуществляется самими пользователями социальных сетей. Следует отметить, что инструментальный интернет-маркетинг является на сегодняшний день одним из наиболее эффективных и предусматривает широкое разнообразие форм и методов: флешмобы, мемы, хештеги, репосты и др.

Во-вторых, размещаемый в интернет-ресурсах контент характеризуется многофункциональностью, подразумевая

возможность своего применения как на прикладном, так и на стратегическом уровнях. Прикладной уровень предполагает решение сиюминутных, тактических политических задач (обеспечение легитимности принятия того или иного политического решения, формирование общественного мнения и т. п.). Стратегический уровень ориентирован на выработку и поддержку долгосрочных перспективных направлений (формирование идентичности, продвижение имиджа страны на международной арене, обеспечение национальной безопасности и др.). Оба уровня находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, так как, при условии наличия общих стратегических целей политического развития, решение тактических задач становится частью реализации общей политики государства.

В-третьих, функционирование интернет-ресурсов и других средств массовой коммуникации осуществляется вне политических, административно-территориальных, а также социокультурных или языковых границ. Это приближает виртуальную сферу к категориям социального пространства, отсылая к трудам П. Бурдьё, А. Шюца, Э. Гидденса и др. Создавая и поддерживая отдельные кластеры, траектории, модели идентификации и поведения, технологии ПМ позволяют конструировать не только виртуальное, но и политическое пространство.

Политическое пространство как часть социального пространства, помимо территории, способной вмещать в себя множество различных подпространств-слоев, включает в себя всю совокупность социальных институтов, формальных и неформальных отношений, взаимодействий, иерархий субъектов. Спецификой политического пространства в условиях множественности конкурирующих между собой «полей» является выстраивание соответствующих иерархий. Соответственно борьба за пространство и пространственное господство становится «одной из привилегированных форм осуществления господства» [4, с. 83].

По сути, именно пространственный подход постепенно становится доминирующим как в социологической и политической науке, так и непосредственно в политическом управлении при соотношении статусов и позиций субъектов отношений. Учитывая постепенное вытеснение символом (образом, мифом, мемом) цельного, системного восприятия социальной действительности, обращение именно к инструментам ПМ в контексте обеспечения национальной безопасности является наиболее целесообразным. Отмеченную тенденцию более точно было бы обозначить как общую реверсию (возвращение) соответствующего типа восприятия и мышления. На знаково-символическую природу как первооснову языка и зарождения любой идеи («причины мысли») указывал в своих «Основных идеологии» еще Дестют де Траси [5, с. 181].

Смещение политического влияния с военного и экономического в сферу информационного воздействия потребовало частичной адаптации уже существующих и разработки новых методов и технологий ПМ с учетом специфики управления информационными потоками. Получившие широкое распространение сетевые технологии стали в настоящее время наиболее эффективным инструментом влияния на социально значимое поведение и потенциальную политическую активность населения. В своем действии они ориентированы на подсознание, замещение реальных ориентиров символическими конструктами, во многом заимствовав методы психолингвистики, нейролингвистического программирования (НЛП), другие психосемантические методики.

Данную разновидность ПМ можно обозначить как информационный политический маркетинг (ИПМ). Основной задачей ИПМ в виртуальной среде становится операционализация понятий: определение целевых функций, задач, параметров измерения результатов возможного действия того или иного инструмента, других переменных. В настоящее время ИПМ становится одним из наиболее востребованных направлений в прикладной социологии, политологии и политической аналитике. В первую очередь, это относится к разработке и адаптации аналитических систем и методик измерения степени информационного воздействия как на микро- (управление агрессивностью интернет-среды, выстраивание связей «стимул-реакция» и др.), так и на макроуровнях (международные политические отношения, международный политический брендинг, методы ведения «гибридной» войны). К конкретным методам изучения относятся достаточно разноплановые: политическая медиаметрия, описания с помощью графов и матриц, «облаков слов», различных методов визуализации информации и мн. др.).

Помимо указанных, еще одним фактором, обусловившим активную разработку новых политических технологий и инструментов воздействия на коллективное сознание, стал общий кризис идентичности. Проблема идентичности и исторической памяти оказалась остро актуальной не только для постсоветского пространства, но и всего европейского региона. Данный фактор, на первый взгляд, имеет к ПМ опосредованное отношение, поскольку чувство причастности к той или иной общности традиционно рассматривается в большей степени в историческом и социокультурном, нежели политологическом ракурсе. Однако, как отмечал В. Хёсле, «первым результатом утраты идентичности является утрата предсказуемости поведения затронутых ими индивидов или институтов» [6], что делает проблемы идентичности еще одним из направлений ПМ.

Такие неполитические институты, как культура, религия, искусство, все чаще становятся инструментами «мягкой силы» во внешней политике. Создание привлекательного образа той или иной страны представляет собой не только инструмент конструирования идентичности, но и технологию политического брендинга. Поэтому под идентичностью в научной литературе все чаще понимают как сами традиционные понятия «самоопределения» и «самосознания», так непосредственно механизмы их формирования, т. е. ее функционального назначения.

Следует также учитывать, что объективно существующая множественность и конкуренция в рамках одной политической системы различных форм идентичностей (гражданской, этнической, религиозной и др.) приближает ее к политологическому ракурсу рассмотрения. В частности, традиционная религиозная или политическая идентичность, как правило, исключает идентичность национальную или этническую, поскольку, например, религиозное сознание исходит из вселенского характера христианства, идеи коммунизма подразумевают интернационализм, бесклассовость и т. п. К тому же сочетание различных видов идентичностей у одного субъекта, т. е. его ролевой набор, может привести к внутреннему ролевому конфликту («православный атеист», «верующий коммунист», «русский буддист» и т. п.).

Так, наиболее распространенным видом конфликтов, требующим политических инструментов урегулирования, на постсоветском пространстве принято считать этнический. Однако глубинные противоречия, обуславливаю-

щие тот или иной конфликт, оказывались, как правило, связаны именно с рассогласованием интересов различных групп и общностей (политической, этнической, религиозной и др.) в рамках одной политической системы. Потенциальная ролевая конфликтность различных видов идентичностей также обусловила активное изучение «спроса», поиска возможных инструментов координации целей и интеграции маргинальных групп в общее политическое пространство.

Делая выводы, в целом следует отметить, что первые три из основных перечисленных факторов-предпосылок распространения ПМ на постсоветском пространстве (глобальная трансформация политической и экономической систем и информатизация общества) имели своим след-

ствием развитие скорее прикладного уровня ПМ в части избирательных технологий, имиджевых акций, разработки систем оценки информационного воздействия и др.

Фактор идентичности носит концептуальный характер и существенно расширяет рамки понимания и рассмотрения ПМ не только в качестве прикладного, но и теоретико-методологического направления. Предметное поле ПМ включает в себя широкий круг вопросов от «коррекции поведенческих моделей» [7, с. 19] до «архетипического маркетинга» [8, с. 36], формирования сознания и способа мышления. Все это дает основание рассматривать ПМ как один из инструментов обеспечения национальной безопасности государства в гуманитарной и информационной сферах.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О деятельности КПСС и КП РСФСР: Указ президента РФ от 8 ноября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1991. – № 45. – С. 1537.

2. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция. – 408 с.

3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2010. – № 276. – С. 5 – 25.

4. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Социо-Логос, 1993. – 336 с.

5. Дестют де Траси, Антуан-Луи-Клод. Основы идеологии

// А. Дестют де Траси: пер. с франц. Д.А. Ланина. – М.: Академический Проект; Альма Матер. – 334 с.

6. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112 – 123.

7. Морозова, Е. Г. Политический маркетинг: концепции развития, модели функционирования (компаративный анализ): автореф. дис. ...докт. пол. наук: 23.00.02 / Е.Г. Морозова; РАГС при президенте Российской Федерации. – М., 2000. – 46 с.

8. Щербинина, Н. Г. Героический миф в конструировании политической реальности России: автореф. дис. ...докт. пол. наук: 23.00.01 / Н.Г. Щербинина; МГУ им. М. Ломоносова. – М., 2008. – 38 с.

Дата поступления статьи в редакцию: 30.03.2017.

ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 2017 ГОДА

УДК 355.45+32.019.5

В статье рассматриваются основные положения Военной доктрины Казахстана, принятой в сентябре 2017 г. Анализируются информационные аспекты обеспечения военной безопасности государства, отраженные в документе. Делается вывод о повышении внимания военно-политического руководства Казахстана к информационному фактору в современных военных конфликтах.

The article examines the main provisions of the Military Doctrine of Kazakhstan, adopted in September 2017. The author analyses information aspects of ensuring military security of the state, reflected in the document. It is concluded that the attention of the military and political leadership of Kazakhstan to the information factor in modern military conflicts has increased.

Республика Казахстан (далее — Казахстан) является одним из немногих государств на постсоветском пространстве, в котором с периодичностью раз в несколько лет пересматриваются официально принятые взгляды на обеспечение военной безопасности и оборону страны, обновляются отражающие их военные доктрины.

Первая военная доктрина Казахстана была принята 11 февраля 1993 г., вторая — 10 февраля 2000 г., третья — 21 марта 2007 г., четвертая — 11 октября 2011 г. [1]. Указом президента Казахстана от 29 сентября 2017 г. утверждена очередная Военная доктрина государства (далее — Военная доктрина) [2].

Разработка новой редакции доктринального документа была обусловлена необходимостью определения основных направлений деятельности Казахстана в сфере обеспечения военной безопасности и обороны государства с учетом влияния современных условий и факторов.

Положения принятой в 2017 г. Военной доктрины основываются на результатах оценок и прогнозов развития военно-политической обстановки в мире, изменениях характера военных конфликтов и содержания вооруженной борьбы.

Предполагается, что реализация указанной доктрины позволит поддерживать боевую готовность Вооруженных сил, других войск и воинских формирований и мобилиза-

ционную готовность государства на уровне, необходимом для адекватного реагирования на военные угрозы, расширить участие Казахстана в обеспечении международной безопасности.

Общие положения

В новой Военной доктрине с учетом возможных военных угроз Казахстану определены основные направления государственной деятельности в военно-политической, военно-стратегической и военно-экономической сферах, по мобилизационной подготовке государства, а также основные меры по развитию военной организации страны.

Военная доктрина носит оборонительный характер и отражает *приверженность Казахстана к приоритетному использованию для защиты национальных интересов дипломатических, политических, правовых, экономических и других невоенных средств*. Применение военной силы предусматривается при исчерпании возможностей невоенными средствами обеспечить военную безопасность государства.

Документ состоит из четырех разделов: введения, анализа текущей ситуации, основных положений и заключения.

Во введении представлены 14 основных понятий, используемых в документе.

В частности, военная организация государства определяется как совокупность вооруженных сил, других войск

Основные условия, которые могут привести к военным угрозам Казахстану
Усиление противостояния между мировыми и региональными державами в стремлении изменить существующий мировой порядок и расширить сферы влияния в мире или отдельных регионах
Снижение эффективности международного права и возможностей международных организаций безопасности в недопущении и пресечении применения военной силы в межгосударственных отношениях
Нарушение договоренностей в вопросах запрещения, ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений в мире и регионах
Наращивание объемов оружия массового поражения в мире, а также создание оружия массового воздействия, построенного на новых физических принципах (психотропного, электромагнитного, акустического и другого)
Глобализация терроризма и экстремизма, расширение географии их действий и сфер деятельности
Сохранение тенденций роста активности сепаратизма, использование сепаратистских движений внешними силами для достижения интересов на территории других государств
Снижение эффективности проводимых мер по ограничению доступа деструктивных сил к оружию массового поражения, обычным вооружениям, боеприпасам, взрывчатым и другим средствам, технологиям их производства

Рисунок 1. — Основные условия, которые могут привести к военным угрозам Казахстану

и воинских формирований, государственных органов и организаций, оборонно-промышленного комплекса, совместная деятельность которых направлена на обеспечение военной безопасности и оборону государства.

Военная сила трактуется как способность государств, народов, социальных групп прямо или косвенно воздействовать на противостоящую сторону военными, а также невоенными средствами и вести вооруженную борьбу.

Военный конфликт рассматривается в качестве формы разрешения противоречий между государствами, народами, социальными группами с применением военной силы, при которой в государстве вводится военное положение (на части или всей территории).

Интерес представляет классификация военных конфликтов в зависимости от степени их интенсивности (низкой, средней и высокой).

При этом военным конфликтом низкой интенсивности определяется такой, для разрешения которого достаточно боевого потенциала войск (сил), содержащихся в постоянной готовности в государстве, средней интенсивности — для разрешения которого достаточно располагаемого военного потенциала государства, а высокой интенсивности — тот, для разрешения которого требуется усиление военного потенциала государства за счет возможностей организаций коллективной безопасности, в которых оно состоит.

Впервые в Военной доктрине Казахстана дано определение «гибридным» методам борьбы, которые рассматриваются как способы достижения военно-политических и военно-стратегических целей комплексным применением военной силы (в том числе сил специальных операций, частных военных, охранных компаний на территории противостоящей стороны), невоенных средств, а также использо-

ванием потенциала других государств, террористических, экстремистских организаций и сепаратистских движений для дестабилизации обстановки на территории противоборствующего государства.

В данном случае под невоенными средствами подразумевается *совокупность социальных институтов, организаций, правовых норм, духовных ценностей, информационных и технических систем*, используемых для достижения военно-политических и военно-стратегических целей.

Анализ текущей ситуации

Анализируя текущую ситуацию, разработчики доктрины рассматривают основные условия и факторы, влияющие на военную безопасность и военные угрозы Казахстану, характер современных военных конфликтов, а также текущее состояние в области военной безопасности страны.

Обозначенные Военной доктриной основные условия, которые могут привести к военным угрозам Казахстану, отражены на рисунке 1.

Среди факторов, способных оказать влияние на военную безопасность Казахстана, в документе отмечено усиление активности действий международных террористических и экстремистских организаций в регионе, использование эмиссаров, а также казахстанских граждан, входящих в состав террористических и экстремистских организаций, в целях дестабилизации внутренней обстановки в стране.

Обращает на себя внимание и такой фактор, как *осуществление программно-технического воздействия (кибератак) на информационные системы военной организации государства, системы обеспечения жизнедеятельности страны* в интересах снижения военного и военно-экономического потенциала Казахстана.

По мнению авторов рассматриваемого доктринального документа, военную угрозу Казахстану, среди прочего, могут представлять:

применение или намерение применения государствами, народами, социальными группами против Казахстана военной силы, в том числе *с использованием «гибридных» методов борьбы;*

деятельность государств, народов, социальных групп, направленная на снижение военного и военно-экономического потенциала государства *информационно-психологическим и программно-техническим воздействием (кибератаками).*

При рассмотрении характера современных военных конфликтов к их особенностям отнесены: активность, скоротечность, расширение масштабов, сфер ведения военных действий (в космическое и *информационное пространство*), а также высокое напряжение сил и ресурсов государства в вооруженной борьбе.

Отмечены наблюдаемая *тенденция применения «гибридных» методов борьбы*, целями которых являются создание неблагоприятных внешних условий и дестабилизация внутренней обстановки в противостоящем государстве, а также возможность осуществления демонстрации военной силы для втягивания противостоящего государства или государств региона в «гонку вооружений», истощения их ресурсов и возможностей в вооруженном противоборстве.

В доктрине подчеркивается, что до развязывания военного конфликта и в ходе вооруженной борьбы может осуществляться *программно-техническое воздействие (кибератаки) на информационные системы государственного и военного управления* с целью дестабилизации обстановки

Рисунок 2. – Основные черты современных военных конфликтов

в государстве, снижения его военного и военно-экономического потенциала.

Среди основных черт современных военных конфликтов (рисунок 2) выделяются такие, как:

заблаговременное формирование у общественности уверенности в неизбежности и правоте применения военной силы;

ведение военных действий на всю глубину территории противника с одновременным воздействием на суше, море, в воздушно-космическом и информационном пространствах;

ведение не прямых действий с использованием дипломатического, политического, информационного, правового давления путем демонстрации военной силы и введения экономических санкций;

информационно-психологическое и программно-техническое воздействие в целях нарушения государственного и военного управления, деморализации населения и снижения боевого духа войск противоборствующей стороны.

При анализе текущего состояния в области военной безопасности Казахстана среди реализованных задач по комплексному развитию военной организации государства заявляется *создание в вооруженных силах подразделений по обеспечению информационной (кибер) безопасности, имеющих целью противодействие информационно-психологическому и информационно-техническому (кибер) воздействию.*

Основные положения Военной доктрины

Основные положения новой Военной доктрины рассматривают цель и принципы обеспечения военной безопасности Казахстана, направления деятельности в сферах обеспечения военной безопасности и обороны, а также меры по обеспечению военной безопасности государства.

Целью деятельности в сфере обеспечения военной безопасности, отмеченной в доктрине, является повышение военного потенциала государства для адекватного реагирования на военные угрозы Казахстану. Выделены основные принципы при обеспечении военной безопасности страны (рисунок 3).

Рисунок 3. – Основные принципы обеспечения военной безопасности Казахстана

Подробно рассматриваются направления деятельности Казахстана в различных сферах обеспечения военной безопасности и обороны: военно-политической, военно-стратегической, военно-экономической, а также мобилизационной подготовки страны, развития ее военной организации.

Военная политика Казахстана направлена на создание системы международных отношений, в которой минимизируется значение военной силы, а разрешение противоречий между государствами (народами или социальными группами) преимущественно будет осуществляться с использованием политико-дипломатических, экономи-

ческих, *информационных*, правовых и других невоенных средств, при этом в качестве противника Казахстан не рассматривает ни одно из государств.

Ввиду этого среди основных направлений деятельности в военно-политической сфере отмечается применение политико-дипломатических, экономических, правовых, *информационных и других невоенных средств* для предупреждения военных угроз государству.

В военно-стратегической сфере среди основных направлений деятельности, имеющей целью поддержание готовности военной организации государства к обеспечению военной безопасности и обороне, можно выделить *стратегическое сдерживание от агрессии и применения* военной силы, *«гибридных» методов борьбы* в разрешении межгосударственных и внутригосударственных противоречий.

Отмечается, что при применении противником «гибридных» методов борьбы государственные органы и организации, входящие в состав военной организации государства, должны применять адекватные *меры по противодействию политико-дипломатическим, экономическим, правовым, информационным, идеологическим, а также другим невоенным средствам*, направленным на дестабилизацию обстановки в Казахстане.

Целью деятельности по развитию военной организации государства заявлено обеспечение готовности к адекватному реагированию на военные угрозы, в том числе в составе сил коллективной безопасности организаций, в которых состоит Казахстан.

В качестве основных направлений деятельности Казахстана в развитии военной организации выделены:

поддержание боевой готовности Вооруженных сил, других войск и воинских формирований;
поддержание мобилизационной готовности государства;
расширение участия Казахстана в обеспечении международной безопасности.

В свою очередь, поддержание боевой готовности Вооруженных сил, других войск и воинских формирований предусматривает:

процесс совершенствования военного планирования;
развитие состава, структуры и дислокации Вооруженных сил, других войск и воинских формирований;
совершенствование системы подготовки войск (сил);
развитие системы управления военной организацией государства;
развитие системы предупреждения о ракетном нападении;
развитие системы противодействия информационно-психологическому воздействию;
повышение кибербезопасности;
предупреждение и пресечение диверсий и террористических актов;
обеспечение надежной охраны (защиты) государственной границы;
интеграцию территориальной обороны в общую систему военной безопасности;
техническое оснащение Вооруженных сил, других войск и воинских формирований;
развитие системы материально-технического обеспечения;
развитие военного образования;
развитие военной науки.

Среди основных мер по развитию системы управления военной организацией государства среди прочих значатся: развертывание автоматизированных систем управле-

ния войсками, оружием, ресурсами и *обеспечение интеграции с информационными системами государственных органов и организаций, входящих в состав военной организации государства;*

поддержание эффективной работы информационных ресурсов и систем, инфраструктуры связи, сетей телекоммуникаций специального назначения для «недопущения изоляции Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами и органов государственного управления, а также обеспечение их бесперебойной и устойчивой эксплуатации».

Основные меры по развитию системы противодействия информационно-психологическому воздействию и повышению кибербезопасности приведены на рисунках 4 и 5.

Проводя сравнительный анализ последних редакций Военных доктрин Казахстана, можно сделать вывод о существенном повышении внимания военно-политического руководства Казахстана к информационному фактору в современных военных конфликтах.

К примеру, в тексте Военной доктрины 2011 г. информационные аспекты обеспечения военной безопасности государства сводились прежде всего к констатации использования иностранными государствами или организациями новейших технологий информационно-психологической борьбы и усиления роли информационного противобор-

Основные меры по развитию системы противодействия информационно-психологическому воздействию
Внедрение в идеологическую и воспитательную работу современных методик в интересах повышения морально-психологической устойчивости военнослужащих к действиям в военное время
Поддержание высокого боевого духа в воинских коллективах
Повышение престижа воинской службы, статуса военнослужащего и поднятие имиджа казахстанской армии
Формирование у военнослужащих ценностей, направленных на уважение конституции, законов Казахстана, воспитание в духе преданности своему народу, безусловному выполнению воинского долга по защите Отечества

Рисунок 4. — Основные меры по развитию системы противодействия информационно-психологическому воздействию

Основные меры по повышению кибербезопасности
Совершенствование нормативных правовых актов в области кибербезопасности
Развитие состава и структуры системы кибербезопасности, форм и способов применения киберподразделений
Поэтапное обеспечение киберподразделений специальными средствами и программным обеспечением для ведения киберразведки и киберзащиты
Подготовка кадров для киберподразделений
Организация взаимодействия военной организации государства при обеспечении кибербезопасности

Рисунок 5. — Основные меры по повышению кибербезопасности

ства для дезорганизации системы государственного и военного управления, выделению среди основных черт современных военных конфликтов психологического и информационного давления, а также отнесению к числу мер комплексного развития Вооруженных сил, других войск и воинских формирований создания эффективной системы информационного противоборства [1; 3].

В новой же редакции документа впервые говорится о расширении сфер ведения военных действий и их выходе в космическое и информационное пространство, а также дается определение «гибридным» методам борьбы, к которым отнесено использование не только военных, но и невоенных средств, под которыми, среди прочего,

подразумеваются социальные институты, духовные ценности, информационные и технические системы, используемые для достижения военно-политических и военно-стратегических целей.

Помимо этого, нельзя не отметить не только совершенствование теоретических основ, но и реализацию комплекса практических мер. Немаловажно, что в Военной доктрине 2017 г. как о свершившемся факте заявляется о создании в Вооруженных силах Казахстана подразделений по обеспечению информационной (кибер) безопасности, имеющих целью противодействие информационно-психологическому и информационно-техническому (кибер) воздействию.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Чернобай, А.И.* Информационные аспекты обеспечения военной безопасности в военных доктринах государств – участников СНГ / А.И. Чернобай // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2013. – № 1. – С. 32–35.

2. Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан: Указ президента Республики Казахстан от 29 сентября 2017 г. № 554 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://>

news.ivist.kz/131325369-ukaz-prezidenta-respubliki-kazahstan-ot-29-sentyabrya-2017-goda-554. – Дата доступа: 17.10.2017.

3. Военная доктрина Республики Казахстан: Указ президента Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 161 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mod.gov.kz/mod-ru/index.php?option=com_content&view=article&id=63&Itemid=151. – Дата доступа: 06.10.2013.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.12.2017.

Подполковник А.В. МАКАРОВ,
научный сотрудник Научно-исследовательского института
Вооруженных Сил Республики Беларусь

МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 316.455, 355.4, 323.1

В статье отражены проблемные аспекты практической реализации модели государственного регулирования межэтнических отношений, разработанной с учетом новых тенденций развития систем информационного противоборства в странах Североатлантического альянса (НАТО). Модель выступает теоретическим основанием для применения новых, более эффективных способов нейтрализации негативного воздействия на граждан этнически конфликтогенной информации.

The article reveals the problematic aspects of the practical implementation of the model of state regulation of interethnic relations, developed taking into account new tendencies in the development of information confrontation systems in the countries of the North Atlantic Treaty Organization (NATO). The model is the theoretical basis for the application of new, more effective ways to neutralize the negative impact of ethnically conflict-prone information on citizens.

Анализ функционирования систем информационного противоборства вооруженных сил НАТО в период социально-политических кризисов в Ливии (2011 г.), Сирии (2012 г.), Украине (2014 г.) свидетельствует о наличии следующих тенденций в их развитии:

создание новых структурных элементов (центров, отделов, групп), изменение задач и перераспределение полномочий уже существующих;

маскировка участия подразделений психологических операций в эскалации социально-политических конфликтов, кризисных ситуаций и явлений за рубежом;

расширение практики рефлексивного управления руководителями органов государственного управления, представителями журналистского корпуса и экспертного сообщества;

учет этнического фактора при планировании и проведении информационных акций.

Последняя тенденция актуализирует необходимость поэтапной теоретической экспликации сущности регулирования межэтнических отношений, основу которой составляют «социальные технологии» кризисного реагирования (т.н. *СМ*-технологии), представляющие собой приемы трансформации общественного мнения независимо от позиции граждан и объема ресурсов заинтересованных в этом субъектов информационного противоборства [1–4]. Первый этап решения данной задачи предусматривает социологическую интерпретацию результатов

математического моделирования информационного воздействия на этнические общности, что было сделано автором в ряде работ ГУ «Научно-исследовательский институт Вооруженных Сил Республики Беларусь». Второй этап предполагает разработку модели государственного регулирования межэтнических отношений и выявление проблемных аспектов практической ее реализации. При этом прежде чем представить результаты данного этапа, необходимо четко разграничить сферы употребления понятий «управление» и «регулирование», так как в военной науке приоритет отдается первому, а в современной отечественной социологии — второму, хотя еще в 1989 г. белорусский социолог В.П. Дикселис одной из задач своей диссертации определил «уяснение методологии управления противоречиями развития социалистических национальных отношений в условиях перестройки» [5, с. 9]. Авторский подход заключается в том, что применительно к межэтническим отношениям в политической социологии регулирование следует рассматривать как частный случай управления, сущность и содержание которого отражены в статье, опубликованной в журнале «Проблемы управления» [6].

В результате исследований [6–10] выявлено, что модель государственного регулирования межэтнических отношений в условиях информационного противоборства представляет собой систему взаимосвязанных элементов, функционирование которых обеспечивает нейтрализацию

негативного влияния этнически конфликтотенной информации на граждан (рисунок 1).

В соответствии с рисунком 1 основными элементами модели являются:

субъекты — органы государственного управления, прямо или косвенно вовлеченные в информационное противоборство;

объекты — этнические общности и отдельные их представители, на которые оказывается информационное воздействие;

средства — каналы передачи информации, направленной на консолидацию и единство общества в интересах обеспечения национальной безопасности государства;

предмет — потребности, ценности, интересы, традиции, социальные ожидания этнических общностей;

результат — принятие представителями этнических общностей прогнозируемых субъектами информационного противоборства решений, поддержание высокого уровня толерантности общества.

Необходимо подчеркнуть, что все вышеперечисленные элементы имеют абстрактный характер. Во-первых, действия органов государственного управления не всегда оказываются направленными на сохранение и укрепление политического режима в стране. Причины этого могут быть разными, начиная от некомпетентности их руководителей или неспособности конструктивно взаимодействовать со своими подчиненными до отсутствия организационно-технических ресурсов. Во-вторых, потребности, интересы и социальные ожидания этнических общностей, будучи следствием работы специалистов в области информационного противоборства, могут иметь не реальные, а мнимые основания (если использовать терминологию французского социолога П. Бурдьё, речь идет о т. н. симулякрах).

Представленная на рисунке 1 модель системы государственного регулирования межэтнических отношений в современных условиях информационного противоборства функционирует следующим образом. Предположим, субъекты, заинтересованные в смене или ослаблении политического режима в стране, стремятся увеличить долю иррационального компонента в принятии этнической общностью решений. В зависимости от обстоятельств их характер способен варьироваться в значительных пределах, начиная от участия в акциях протеста или молчаливой поддержки оппонентов власти до массового выезда за пределы страны, а также получения второго гражданства или документа, удостоверяющего наличие культурных и исторических связей с этнической родиной. Например, в Республике Беларусь и Украине подобным документом является т. н. карта поляка. В таком случае субъекты, стремящиеся сохранить или укрепить социально-политическую стабильность в стране, должны добиться оптимального соотношения истинных и ложных сообщений в информационном потоке и, как следствие, увеличить долю рациональной составляющей в принятии решений индивидов. Сделать это возможно лишь в условиях конструирования собственного варианта виртуальной среды с одновременной дискредитацией каналов, транслирующих этнически конфликтотенную информацию. Например, спровоцировав СМИ, контролирующиеся оппонентами власти или

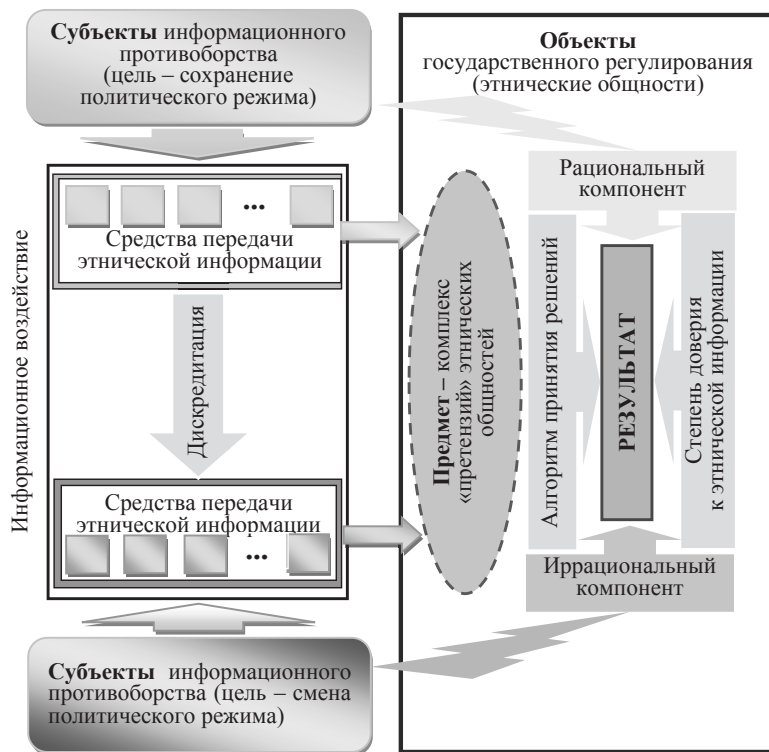

Рисунок 1. — Модель системы государственного регулирования межэтнических отношений в современных условиях информационного противоборства

симпатизирующие их идеям, на передачу «полученных из надежных источников» сведений, которые позже идентифицируются гражданами как ложные.

Реализация на практике предложенной модели представляет определенные трудности как следствие принадлежности органов государственного управления к разным подсистемам системы информационного противоборства, представленным на рисунке 2. Выбор способа нейтрализации этнически конфликтотенной информации, принятие решений и постановка задач элементам исполняющей подсистемы находится в компетенции управляющей подсистемы. Обеспечивающая подсистема включает информационно-аналитические подразделения силовых структур, социологические центры, министерства (ведомства) по делам религий и национальностей (наименования подобных учреждений в разных республиках отличаются). Статус и полномочия управляющей подсистемы информационного противоборства позволяет ей ликвидировать межведомственные барьеры, оперативно получать сведения от обеспечивающей подсистемы в форме результатов исследований и научно обоснованных предложений, оперативно принимать решения.

СМИ различных форм собственности, сетевые ресурсы общественно-политических объединений (движений) и т. д. также являются элементами данной подсистемы. Несмотря на то, что они обладают высокой степенью автономности и независимости, их также возможно использовать в качестве средств нейтрализации негативного влияния этнически конфликтотенной информации на граждан. В этой связи следует активнее работать в социальных сетях, высказывать свое мнение в блогах, на форумах, используя в зависимости от обстановки различные приемы информа-

Рисунок 2. — Основные элементы подсистем системы информационного противоборства (один из вариантов)

ционного воздействия. Необходимо проработать варианты взаимодействия с FM-радиостанциями и изданиями, обладающими некоторыми чертами «желтой прессы», создать систему зеркальных сайтов для освещения межэтнических отношений, этноконфессиональной политики в Республике Беларусь, профилактики экстремизма и расизма, обеспечив их технической и информационной поддержкой. Они должны частично финансироваться из государственного бюджета, иметь дублирующие версии на зарубежных серверах, качественный дизайн, несколько языков интерфейса, удобную поисковую систему, бесплатный архив публикаций, фото- и видеоматериалов. Вышеизложенное обуславливает необходимость формирования полноценно функционирующей системы регулирования межэтнических отношений, учитывающей контекст информационного противоборства.

Первым шагом должно стать создание экспертной (специальной социологической) службы как элемента двух подсистем: обеспечивающей и исполнительной. Соединение в единый комплекс социологической и аналитической составляющих в ее деятельности является

объективным требованием. Как подчеркивает директор ГУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» И. В. Котляров: «Инструментальный характер социологической аналитики способен обеспечить принятие управленческих решений на высоком научном уровне, создание сценариев эффективных действий в сложных социально-политических и экономических условиях, детерминировать превращение социологических знаний в социально-преобразовательную технологию, которая позволит целенаправленно управлять различными сферами [...] жизни, формировать общественное мнение, программировать определенные социальные действия» [11, с. 9].

Важной задачей при реализации модели системы государственного регулирования межэтнических отношений в современных условиях информационного противоборства является решение проблемы преподавания в вузах научных дисциплин, которые являются базисом для подготовки специалистов в области информационного противоборства. В США таковыми выступают кризисное реагирование и связи с общественностью, которые препода-

даются на факультетах журналистики. Этим объясняется привлечение Пентагоном к планированию информационных операций структур, занимающихся продвижением товаров и услуг, а также назначение после терактов 11 сентября 2001 г. Ш. Бирс на должность заместителя госсекретаря США. Предполагалось, что профессиональный имидж-менеджер, а Ш. Бирс являлась вице-президентом J. Walter Thompson, генеральным директором Tatham-Laird & Kudner, председателем правления Ogilvy & Mather Worldwide (крупнейшие рекламные агентства страны), способен организовать работу по изменению негативного образа США у мусульман в мире. Отрицательные результаты деятельности Ш. Бирс, развитие военно-политической ситуации в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии продемонстрировали ошибочность американского подхода. В Украине, где учли отрицательный опыт США, лекции по связям с общественностью читают на социологических факультетах. В Российской Федерации подготовка специалистов в области информационного противоборства осуществляется в Военном университете на факультете зарубежной военной информации, где основное внимание уделяется не коммуникации, а содержанию сообщений (аналитическая составляющая оказывается приоритетнее информационной) [12]. Потребность вооруженных сил в офисах, свободных владеющих иностранными языками, объясняется тем, что объектами информационного воздействия выступают граждане зарубежных государств, а также представители национальных меньшинств в собственной стране. При этом необходимо подчеркнуть, что управленческие решения (по крайней мере, в теории) принимаются с учетом общественного мнения, анализ которого является одним из проблемных полей политической социологии. Взгляды граждан постоянно трансформируются, и если принять во внимание, что информационные операции планиру-

ются не только на основе данных разведки, но и научно обоснованных результатов социологических исследований, то специалисты в области политической социологии и информационного противоборства должны обладать в целом идентичным объемом знаний теоретико-прикладного характера.

Обобщая вышесказанное, следует сделать следующие выводы.

Действующие в странах постсоветского пространства системы государственного регулирования межэтнических отношений способны эффективно решать свои задачи лишь в условиях экономической и социальной стабильности. Между тем их обострение оказывается возможным в любом обществе независимо от характера взаимодействия и уровня благосостояния граждан — как результат виртуализации действительности с помощью этнически конфликтной информации, транслируемой в интересах субъектов информационного противоборства, заинтересованных в смене и (или) ослаблении политического режима. Как следствие, возникает необходимость дискредитации задействованных в деструктивных целях каналов информационного воздействия и создания собственной версии реальности.

Разработанная социологическая модель государственного регулирования межэтнических отношений представляет собой систему взаимосвязанных элементов, функционирование которых обеспечивает нейтрализацию негативного влияния этнически конфликтной информации на граждан. Вместе с тем практическая ее реализация возможна лишь при условии наличия постоянно действующей экспертной (специальной социологической) службы как элемента обеспечивающей и исполнительной подсистем системы информационного противоборства, а также высококвалифицированных специалистов в соответствующей области.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Ионин, Л.Г.* Технология социальная / Л.Г. Ионин // Современная западная социология: словарь. — М.: Политиздат, 1990. — 340 с.
2. Социальные технологии: толковый словарь / отв. ред. В.Н. Иванов. — М., Белгород: Луч-Центр соц. технологий, 1995. — 396 с.
3. *Иванов, В.Н.* Социальные технологии в современном мире / В.Н. Иванов. — М., 1996. — 340 с.
4. *Афанасьев, Г.Л.* Crisis management — секретное оружие Запада в конкурентной борьбе / Г.Л. Афанасьев // Российский рынок рекламы. Стратегия успеха: материалы междунар. конференции, 27 — 28 мая 1997 г. — М., 1997. — С. 45—50.
5. *Дикселис, В.П.* Национальные отношения в СССР: диалектика развития на современном этапе: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01 / В.П. Дикселис; АН БССР, Ин-т философии и права. — Минск, 1989. — 37 с.
6. *Макаров, А.В.* Теоретические аспекты управления межэтническими отношениями / А.В. Макаров // Проблемы управления. — 2015. — № 4 (57). — С. 44—47.
7. *Макаров, А.В.* Левиафан тысячелетия / А.В. Макаров // Белорусская думка. — 2015. — № 11. — С. 88—92.
8. *Макаров, А.В.* Проблемы противодействия конструированию виртуальной конфликтной среды в этниче-

ски толерантных странах / А.В. Макаров // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2015. — № 4 (50). — С. 84—88.

9. *Макаров, А.В.* Управление межэтническими отношениями в контексте информационного противоборства / А.В. Макаров // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: М.А. Можейко [и др.]. — Гродно, 2012. — С. 38—43.

10. *Макаров, А.В.* Процесс управления этническими группами как объект моделирования / А.В. Макаров // Информационная безопасность как составляющая национальной безопасности государства: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11 — 12 июля 2013 г.: в 3 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь; редкол.: С.Н. Князев [и др.]. — Минск, 2013. — Т. 2. — С. 97—100.

11. *Котляров, И.В.* Социология: по ту сторону зеркала / И.В. Котляров // Социологический альманах. — 2015. — Вып. 6. — С. 6—15.

12. *Почепцов, Г.Г.* Подготовка специалистов в сфере информационных войн на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / Г.Г. Почепцов // Проект «Псих-Фактор». — 2015. — Режим доступа: <http://psyfactor.org/psuops/infowar20.htm>. — Дата доступа: 07.04.2015.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.04.2017.

А. С. ПИСАРЧИК,
аспирант кафедры политологии
юридического факультета
Белорусского государственного университета

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СТРАНЫ

УДК 327(476)

Статья посвящена исследованию эволюции международной субъектности Республики Беларусь. Проанализированы конфигурация современного глобального социально-политического пространства и место Республики Беларусь в его структуре. На примере динамики официального дискурса руководства страны выделены и структурированы актуальные внешнеполитические вызовы национальной безопасности, а также возможные перспективы их преодоления.

The article explores the evolution of the international subjectness of the Republic of Belarus. The author analyses the configuration of the modern global socio-political space and the place of the Republic of Belarus in its structure. The current foreign policy challenges to national security and possible prospects for overcoming them are revealed and structured on the example of the dynamics of an official discourse.

Первая четверть XXI в. ознаменовалась распространением диверсификационных процессов в глобальном социально-политическом пространстве, связанных с конкуренцией различных проектов регионального и глобального развития и борьбой за дискурсивный контроль над глобальным коммуникационным пространством. Активные попытки «субъектов-глобализаторов» по формированию мирового единства привели к такому же активному сопротивлению со стороны локальных, национальных и региональных субъектов, не способных вписаться в ограниченные рамки одностороннего развития.

Цель данной статьи – структурировать внешнеполитические вызовы для национальной безопасности Республики Беларусь и возможные пути их преодоления, представленные в официальном дискурсе руководства страны.

Теоретическая база статьи основана на работах отечественных и зарубежных ученых, посвященных трансформациям в глобальном социально-политическом пространстве и сопутствующим вызовам для институциональных субъектов международных отношений. Следует отметить таких белорусских исследователей, занимающихся проблемами международных отношений, как Ю. И. Малевич, А. А. Розанов, А. В. Русакович, А. В. Тихомиров, В. Е. Улахович, А. А. Челядинский, М. Э. Чесновский, В. Г. Шадурский, А. В. Шарапо.

Белорусские аналитики выходят на исследование совре-

менных международных отношений при изучении проблем сохранения суверенитета белорусского государства и формирования национальной идентичности. Анализом возможного негативного воздействия со стороны мирового сообщества, а также поиском путей повышения устойчивости и конкурентоспособности государств в условиях формирующейся глобальности занимались И. И. Антонович, Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, С. А. Кизима, К. Е. Коктыш, Д. С. Полулях, А. В. Свиридов.

Конфигурация современного глобального социально-политического пространства определяется глобальным неравенством. Асимметричность мирового развития стала причиной инициирования попыток переформатирования глобального социально-политического пространства. Разворачивающаяся трансформация характеризуется появлением новых субъектов международных отношений – *транснациональных сетевых субъектов*, к которым относятся международные корпорации, неправительственные организации (созданные, в том числе, и на пространстве сети Интернет), террористические группировки, а также неконтролируемые массовые миграционные потоки людей. Их влияние (прямое и косвенное) на мировую политику сегодня такое же существенное, как и целенаправленные действия национальных субъектов.

Сегодня происходит смена приоритетных вопросов на международной повестке в сторону усиления националь-

ного протекционизма и суверенизма. Данная тенденция представляет собой попытки сопротивления национальных государств (Nation State) совокупному давлению как со стороны неинституциональных сетевых субъектов, так и нарастающей межгосударственной конкуренции. Заново перед мировым сообществом поставлены вопросы международной безопасности и ответственности за ее поддержание. Современные глобальные вызовы не имеют жесткой территориальной привязки, и институализированный субъект не способен отвечать на них адекватным образом. Деятельность транснациональных сетевых субъектов осуществляется преимущественно вне существующих норм международных отношений и нацелена на полное перестроение глобального социально-политического пространства. Так, террористическая группировка «Исламское государство» на подконтрольных территориях (в Сирии, Ираке, Ливии и других государствах) создает подобие собственной квазигосударственной структуры, что свидетельствует о стратегических целях передела существующей региональной геополитической структуры.

На примере ЕС мы также можем видеть сложности противостояния национальных государств современным глобальным процессам в условиях демократически открытого общества, что в конечном итоге приводит к частичной трансформации демократических ценностей. Неспособность ЕС справиться с миграционным кризисом на фоне общей экономической нестабильности и роста террористических нападений стала причиной роста недовольства общесоюзной политикой среди европейских граждан и руководства отдельных европейских стран. Недовольство, начавшееся с роста националистических настроений населения, особенно Центрально-Восточного региона ЕС, в конечном итоге привело к изменению модели реагирования на подобные внесистемные вызовы.

Осмысление тенденций современного мирового развития фиксируется в *кризисной терминологии* как научном направлении. В настоящее время отдельные аналитики говорят о «геополитической рецессии», «турбулентности мировой политики», «общемировом кризисе», «тектонических сдвигах» в архитектуре международных отношений. Исследователи Консалтинговой организации по политическим рискам «Eurasia Group» называют 2017 г. годом «наиболее нестабильной и рискованной политической среды за поствоенный период» [1, с. 2]. По мнению Д. С. Полуляха, состояние «перманентной или периодически повторяющейся нестабильности, амбивалентности и неопределенности» современных глобальных процессов задается «как новейшими тенденциями в политической, социальной, экономической, технологической и других сферах, так и деятельностью акторов мировой политики» [2, с. 18].

Тем не менее, определение современного состояния глобального социально-политического пространства как «кризисного» или «турбулентного» предопределено не только снижением ответственности за мировые процессы и обоснованием проведения автономной политики среди субъектов международных отношений, но и мобилизацией международной активности для преодоления глобальных вызовов и угроз. В настоящее время, как отмечает А. А. Розанов, «глобальная безопасность, как правило, рассматривается в плане нейтрализации новых нетрадиционных, трансграничных вызовов, рисков и угроз» [3, с. 10].

В современных условиях *глобальный вызов* — это воздействие, оказываемое на субъекты глобального социально-политического пространства в процессе развертывания

глобальных интеграционных и дезинтеграционных процессов, имеющее неопределенные последствия для развития и воспроизводства традиционных систем социальных отношений.

С точки зрения масштабов и субъектов воздействия, глобальные вызовы можно подразделить на два типа: первые связаны с воздействием глобальных процессов на все мировое сообщество, включая так называемые глобальные проблемы человечества, вторые — с воздействием на отдельные субъекты международных отношений, в первую очередь на национальные государства и международные организации как выразителей интересов последних. Данные вызовы, с точки зрения института национального государства, можно охарактеризовать как внешнеполитические, и их определение выступает формой борьбы за перераспределение ресурсов и мобилизацию политической поддержки на национальном и глобальном уровнях, что обусловлено оценкой современных процессов через призму идентичностей субъектов международных отношений.

Характер вызовов для национальных государств во многом зависит от степени развитости их собственной *международной субъектности*. Выделяют две парадигмы национального развития во внешнеполитическом контексте: *лимитрофную*, связанную с нахождением на «цивилизационном разломе» и политикой «лабиринта» в этих условиях, и *субъектную*, связанную с международной самореализацией и «наличием пространства для экспансии, которая может принимать форму как непосредственной, так и культурно-экономической экспансии» [4, с. 212].

Субъект международных отношений, обладающий международной правосубъектностью, может находиться в фактической зависимости от более сильных игроков и не иметь реальной международной субъектности. Международная субъектность представляет собой реальное властное наполнение международной правосубъектности в виде *способности оказывать влияние на динамику международных отношений*, то есть конструировать социально-политическое пространство на региональном или глобальном уровне.

Длительное время государства Центрально-Восточной Европы, в том числе и Беларусь, непосредственно ассоциировались с выполнением роли «буферной зоны» в условиях блокового противостояния между СССР и Западом. Политическое и поликультурное наследие Республики Беларусь являлось источником претензий со стороны обоих центров геополитического притяжения, фокусирующихся на «несформированности белорусской нации» и «незавершенности процесса государственного строительства». Эти тезисы использовались для оправдания «неизбежности» включения Беларуси в более крупные цивилизационные проекты и ее приверженности односторонней внешней политике.

Тем не менее современная динамика развития Беларуси во внешнеполитическом контексте заключается в постепенном отказе от лимитрофной модели субъектности во взаимодействии с различными геополитическими центрами силы к реализации собственного субъектного потенциала. Согласно ст. 6 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, наша страна «является состоявшимся, независимым, суверенным европейским государством, которое не относится ни к одному из мировых центров силы, проводит миролюбивую внешнюю политику и стремится к созданию условий для приобретения нейтрального статуса» [5].

В процессе становления национальной независимости шаги по укреплению международной субъектности были предприняты еще в октябре 1990 г., когда Беларусь выступила с инициативой создания в Центральной и Восточной Европе безъядерной зоны. Данная инициатива была заново подхвачена в 1996 – 1998 гг. и обсуждалась на многих международных форумах – Генеральной Ассамблее ООН, ОБСЕ, Конференции по разоружению. Несмотря на то, что предложение не было одобрено международным сообществом, оно представляет собой пример активного продвижения позиции Республики Беларусь по развитию глобального социально-политического пространства.

В дальнейшем Республика Беларусь внесла свой вклад в развитие международной безопасности путем поддержания и внесения инициатив в сфере нераспространения оружия массового уничтожения, разоружения и контроля над вооружениями. Особую роль Беларусь сыграла в противодействии международной преступности и торговле людьми. Начиная с 2005 г. Беларусь неоднократно выносила инициативы в Генеральной Ассамблее ООН по борьбе с трафикингом. 30 июля 2010 г. Генеральной Ассамблеей ООН был принят Глобальный план действий по борьбе с торговлей людьми (A/res/64/293), разработка которого была начата по инициативе Беларуси.

Сегодня Беларусь выдвигает и поддерживает достаточно инициатив в сфере международной и региональной безопасности, сотрудничества в гуманитарной сфере и общеевропейской (в широком смысле) интеграции. В частности, в 2017 г. Республика Беларусь приняла на себя председательство в Центрально-Европейской Инициативе. Тематикой белорусского председательства стало продвижение совместимости в большей Европе («Promoting connectivity in a Wider Europe») [6]. Также в июле 2017 г. в Минске состоялась 26-я ежегодная сессия ПА ОБСЕ.

Огромную роль для обеспечения безопасности региона на Беларусь сыграла в урегулировании украинского конфликта. Встреча в «нормандском формате» на территории страны была осуществлена 29 ноября 2016 г., на ней была обсуждена реализация Минских соглашений. Следует отметить, что подобную роль Беларусь уже выполняла при урегулировании Карабахского конфликта. В рамках Минской группы ОБСЕ с 1992 г. ведутся переговоры по разрешению данного конфликта.

На встрече с делегацией Комитета по политике и безопасности Совета ЕС 21 ноября 2016 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко выступил с идеей обновления Хельсинского процесса для урегулирования отношений между Востоком и Западом – создания своего рода «Минского процесса»: «Необходимо положить начало процессу осмысления новых правил международных отношений, основанных на многополярности и уважении интересов друг друга» [7].

В связи с ролью Республики Беларусь в упрочении международной стабильности и безопасности в официальном и научном дискурсе возникли термины «донора» и «опоры» региональной и международной безопасности. Такая международная субъектность Беларуси неоднократно подчеркивалась руководством страны. В частности, она нормативно закреплена в ст. 9 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: «Основными национальными интересами в политической сфере являются: ...позиционирование Республики Беларусь за рубежом в качестве демократического правового государства, ответственного и предсказуемого партнера, донора междуна-

родной и региональной безопасности» [5].

Следует отметить, что во время выступления руководителя внешнеполитического ведомства Беларуси В. В. Макея на встрече заместителей министров иностранных дел стран-участниц «Восточного партнерства» и Вышеградской группы 15 марта 2017 г. было обращено внимание на то, что реализация стремления к самоопределению и устойчивому развитию Республики Беларусь осуществляется в русле общих тенденций Центрально-Восточной Европы [8].

С другой стороны, несмотря на провозглашение Республики Беларусь суверенным и независимым субъектом международных отношений, в силу геополитической позиции и исторического наследия, давление со стороны сопредельных государств может усиливаться при совершении самостоятельных внешнеполитических действий. Так, вовлеченность Республики Беларусь в китайскую геополитическую стратегию в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути» может вызвать определенные расхождения с российской стратегией в рамках ЕАЭС.

Проследим эволюцию развития международной субъектности Республики Беларусь на примере динамики официального дискурса руководства страны об актуальных внешнеполитических вызовах, а также о возможных перспективах их преодоления. Для этого обратимся к официальным заявлениям главы государства в посланиях белорусскому народу и Национальному собранию, в ходе встреч на высшем уровне, а также заявлений высших должностных лиц Министерства иностранных дел, отвечая на следующие вопросы:

В чем заключаются основные внешние вызовы и угрозы для Республики Беларусь?

Какие существуют перспективы для развития Республики Беларусь в сложившихся международных условиях?

1. Основные внешние вызовы национальной безопасности Республики Беларусь

Внешние вызовы национальной безопасности связаны с деструктивным воздействием на важнейшие атрибуты государства – его независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй. Косвенное или прямое внешнеполитическое давление на государство несет риск не только для перспектив национального развития и осложнения региональных отношений, но также может привести к серьезным структурным изменениям внутри самого общества.

В официальном дискурсе руководства страны выделяются следующие основные внешнеполитические вызовы по отношению к Беларуси.

Первый вызов – это внешнеполитическое давление с целью «ограничения белорусской модели развития». Это давление основано на убежденности со стороны крупнейших стран-соседей в том, что развитие Беларуси как самостоятельного субъекта международных отношений вне рамок более крупного геополитического проекта невозможно, что, в свою очередь, подразумевает отречение Беларуси от собственной социально-политической самобытности и возможности самостоятельно определять направление внешней политики.

Следующий вызов, органически вытекающий из предыдущего, представляет собой «подрывную иностранную деятельность по навязыванию определенной модели развития», которая наносит ущерб национальным интересам и подрывает легитимность национальных социально-политических институтов, что может выражаться в формах

«гибридных войн» и/или «цветных революций». В посланиях Президента белорусскому народу и Национальному собранию не раз подчеркивалась опасность организации внутреннего конфликта при поддержке внешних сил, а также информационное противоборство, объектом которых становится Республика Беларусь. Следует отметить, что информационное противоборство потоков из различных геополитических центров наиболее опасно в условиях поликультурного и полиэтничного пространства, которым является Республика Беларусь.

Третий вызов связан непосредственно с геополитической позицией Беларуси и сосредотачивается на возможной ситуации «критического выбора» между ориентацией на Европу (Европейский союз) или Россию. С точки зрения положения Республики Беларусь в глобальном геополитическом пространстве — на границе между крупнейшими геополитическими игроками Европейского континента, ее внешнеполитические ориентации по-прежнему во многом обусловлены противостоянием между этими ведущими субъектами мировой политики. Тем не менее в посланиях белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь А.Г. Лукашенко неоднократно обращал внимание, что постановка вопроса для Беларуси в формате «или Россия, или ЕС» недопустима. Даже в условиях сотрудничества с Российской Федерацией на союзной основе подчеркивается наличие у Беларуси «единых подходов к развитию отношений со всеми зарубежными партнерами» [9].

Как следствие, четвертый, часто акцентируемый руководством страны возможный вызов для Беларуси как международного субъекта, заключается в создании в Центрально-Восточном регионе Европы *неблагоприятной геополитической ситуации* — отчуждения Европы и России, что в перспективе может стать новым этапом «холодной войны». Любые геополитические напряженности в регионе несут непосредственную опасность для Беларуси, так как она может оказаться в самом эпицентре возможного конфликта.

Последний, пятый, вызов связан с усиливающимся транснациональным воздействием сетевых субъектов, среди которого наиболее опасным представляется *террористическая деятельность*. Даже учитывая тот факт, что Беларусь не входит в «черный список» государств-врагов наиболее активной на данный момент террористической группировки «Исламское государство» [10], в основных программных документах Республики Беларусь непременно указывается на потенциальный риск глобальной волны терроризма для нашей страны. В частности, в ст. 27 Концепции национальной безопасности в качестве одной из потенциальных угроз выделяется «подготовка или осуществление террористических актов на территории либо в воздушном пространстве Республики Беларусь, использование ее территории либо воздушного пространства террористическими организациями и группами против иных государств» [5].

Указанные внешнеполитические вызовы различаются по своим субъект-объектным характеристикам.

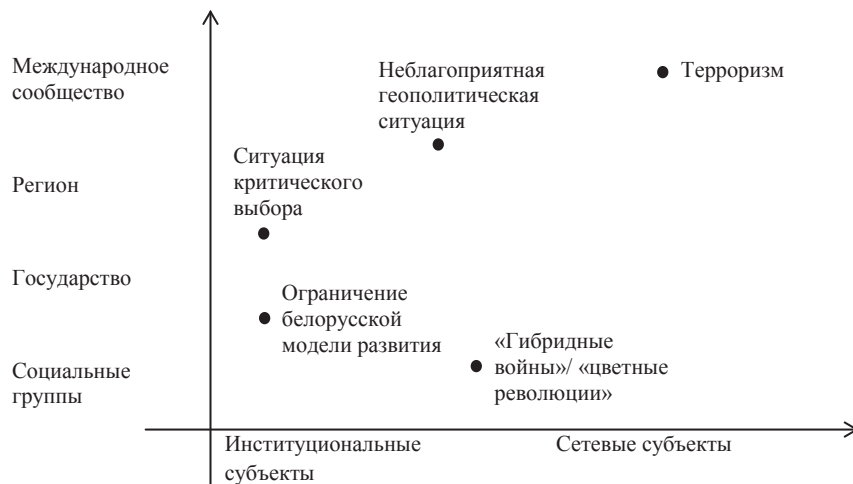

Рисунок. — Распределение внешнеполитических вызовов национальной безопасности Республики Беларусь по субъект-объектным характеристикам

Во-первых, с точки зрения субъектов влияния внешнеполитические вызовы могут исходить от:

институциональных субъектов — государств и международных организаций (например, организаций коллективной безопасности, таких как НАТО);

транснациональных сетевых субъектов, что представляет собой относительно новый тип вызовов для национальной безопасности.

Во-вторых, в зависимости от масштаба и конкретного объекта воздействия следует различать вызовы, которые оказывают влияние на конкретный регион, государство или определенную социальную группу, от вызовов, которые актуальны для развития всего глобального социально-политического пространства. Распределение вышеприведенных внешнеполитических вызовов Беларуси по обоим критериям отображено на рисунке.

Как мы видим, в официальном дискурсе преобладают внешнеполитические вызовы, связанные с геополитическим положением Беларуси и ее внешнеполитическими ориентациями. Такие транснациональные угрозы, как терроризм или глобальные хакерские атаки (например, как кибератака, совершенная 12 мая 2017 г. и охватившая страны по всей Европе и Азии, тем не менее, обошедшая Беларусь) на данный момент не представляют насущной проблемы для Беларуси. С одной стороны, это является подтверждением позиционирования Беларуси как нейтрального и миролюбивого государства. С другой, это также может говорить о некоторой слабости Беларуси как активного участника международной и региональной политики.

2. Перспективы развития Республики Беларусь в сложившихся международных условиях

В Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 2017 г. А.Г. Лукашенко подчеркнул: «Наши активные действия по урегулированию кризисных ситуаций в Европейском регионе, искреннее желание способствовать безопасности и стабильности по достоинству оценены мировым сообществом» [11].

Многоаспектная и миролюбивая внешняя политика Беларуси как источник региональной и международной безопасности признается все большим количеством субъектов международных отношений.

Республика Беларусь выступает за активный диалог между различными центрами силы, в котором она может

принимать непосредственное участие. Следовательно, важнейшей перспективой развития Республики Беларусь как международного субъекта является *укрепление собственной международной субъектности* с целью сохранения и упрочнения стабильности и безопасности в регионе геополитического противостояния.

Как отмечает В.Г. Шадурский, можно выделить три подхода к определению места и роли Беларуси в формировании архитектуры безопасности в Восточно-Европейском регионе: 1) сценарий коллективного Запада, 2) российский сценарий и 3) собственно белорусский сценарий [12]. Два первых сценария связаны с включением Беларуси в сферу влияния более крупного геополитического центра: ЕС или России, и, соответственно, с частичным отказом от возможности создать уникальный прецедент национального развития.

Реализация белорусского сценария возможна за счет *перехода от признания международной субъектности Беларуси к ее активному позиционированию*. В официальном дискурсе страны указаны следующие для этого возможности. Во-первых, это участие в диалоге в рамках Евразийского региона. Оно включает не только сотрудничество в рамках ЕАЭС, но и участие в таких инициативах, как Центрально-Европейская Инициатива, «Восточное партнерство», «Экономический пояс Шелкового пути».

Во-вторых, поддержка Беларуси идеи «интеграции интеграций», направленной на сотрудничество и сближение двух крупнейших интеграционных образований Евразийского региона – ЕАЭС и ЕС.

В-третьих, непосредственное участие Беларуси в миротворческом процессе на континенте, который включает сотрудничество в области национальной и коллективной безопасности, борьбу с терроризмом, предупреждение и преодоление гуманитарных последствий чрезвычайных ситуаций, противодействие торговле людьми и нелегальной миграции. В данную перспективу вписывается инициатива установления постоянного диалога между Советом Безопасности ООН и тремя международными организациями евразийского региона – ОДКБ, Содружества Независимых Государств и Шанхайской организации сотрудничества. Как подчеркнул министр иностранных дел Республики Беларусь В.В. Макей на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ 8 декабря 2016 г., в рамках председательства в ОДКБ в 2017 г. Беларусь «готова способствовать организации обсуждения на площадке ОДКБ ... инициатив, направленных на снижение напряженности и укрепление безопасности в европейском и евразийском регионах» [13].

Следует указать, что в посланиях белорусскому народу и Национальному собранию А.Г. Лукашенко не раз подчеркивал, что современная международная обстановка вынуждает Беларусь повышать свою обороноспособность, в том числе в рамках инициатив по коллективной безопасности.

Тем не менее, нельзя допускать вовлечения Беларуси в подобие гонки вооружений. В большинстве случаев это приводит к усилению напряженности и эскалации кон-

фликтов в районах геополитического противостояния. Как пример, даже в условиях роста военной угрозы на Корейском полуострове новый президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин в своей инаугурационной речи указал на необходимость исключительно дипломатического разрешения вопроса [14]. Более того, он ранее высказывался против размещения в Южной Корее американского противоракетного комплекса. В связи с этим 17 мая 2017 г. лидер парламентской фракции правящей Демократической партии «Тобуро» У Вон Сик заявил о возможности возвращения США уже доставленной в страну ПРО ТНААД, так как при ее размещении не были соблюдены нормы южнокорейского законодательства [15].

В Послании белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2017 г. Президент А.Г. Лукашенко также подчеркнул, что «главный, неизменный принцип внешнеполитических усилий руководства страны – многовекторность и стремление решать любые проблемы дипломатическим путем» [11].

На первый взгляд, современные вызовы вынуждают национальные государства проводить более замкнутую и авторитарную политику во внутренней и внешней политике. Тем не менее, замкнутая система эффективна в краткосрочной перспективе, и тенденции усиления глобальной взаимозависимости и взаимовлияния требуют появления новых методов реагирования.

Сегодня мировое сообщество все чаще указывает на такой глобальный вызов, как *необходимость создания глобальной этики*. Так, «Проект Тысячелетия», созданный под эгидой Университета ООН, включил эту проблему в 15 глобальных вызовов человечества начала XXI в. [16]. Учитывая поликультурную и полиэтничную структуру белорусского общества, исторический опыт вовлеченности в различные государственные проекты, а также использования территории страны в качестве арены военных действий, современная Беларусь обладает необходимым потенциалом для участия в формировании *глобальной этики*, необходимой для объединения мирового сообщества в условиях распространения транснациональных рисков и угроз.

Опыт существования как независимого государства показал, что Беларусь активно участвует в разрешении глобальных вызовов современности. Более того, на Саммите ООН в 2005 г. Беларусь внесла предложение о *необходимости признания многообразия мирового развития как универсальной ценности человеческой цивилизации*. Эта инициатива была закреплена в ряде документов, принятых под эгидой ООН и Движения неприсоединения, и представляет собой стремление по построению более справедливого мирового порядка. С нашей точки зрения, *участие в создании глобальной этики* органически вписывается в уже существующее *позиционирование Республики Беларусь на мировой арене*. Кроме того, данная перспектива – нечто большее, чем имидж страны или ее стратегическая культура: она может позволить Беларуси внести существенный вклад в определение вектора развития глобального социально-политического пространства.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Top Risks 2017 Report [Electronic resource] / Eurasia Group, 2017. — Mode of access: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Top_Risks_2017_Report.pdf. — Date of access: 18.01.2017.
2. *Полулях, Д. С.* Турбулентность в современной мировой политике: дискурсы и практика: автореф. дис. кандидата полит. наук: 23.00.04 / Д. С. Полулях; МГУ. — Москва, 2016. — 30 с.
3. *Розанов, А. А.* НАТО и глобальная безопасность / А. А. Розанов // Развитие евро-атлантических ценностей в регионе Восточной Европы и международной безопасности: материалы «круглого стола», Минск, 13 дек. 2007 г. — Минск, 2008. — С. 10–17.
4. *Коктыш, К. Е.* «Молчаливое знание» белорусов в контексте актуальных вызовов современности / К. Е. Коктыш // Трансфармацыі ментальнасці беларусаў у XXI ст.: Матэр’ялы нав.-практ. канф., Мінск, 24 лістапада 2013 г. / Пад рэдакцыяй А. Я. Тараса. — Рыга: Інстытут беларускай гісторыі і культуры. — 2013. — С. 204–214.
5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь 09.11.2010 № 575, с изм. и доп. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2017. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>. — Дата доступа: 02.03.2017.
6. Председательство Республики Беларусь в Центрально-Европейской Инициативе в 2017 году [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Минск, 2017. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/a4ab9536d34cf74.html>. — Дата доступа: 05.04.2017.
7. Встреча с делегацией Комитета по политике и безопасности Совета ЕС [Электронный ресурс] / Официальный портал Президента Республики Беларусь. — Минск, 2017. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-delegatsiej-komiteta-po-politike-i-bezopasnosti-soveta-es-14896. — Дата доступа: 02.03.2017.
8. Выступление министра иностранных дел Беларуси В. Макея на встрече заместителей министров иностранных дел стран-участниц «Восточного партнерства» и Вышеградской группы (15 марта 2017 г., г. Минск) [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Минск, 2017. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/statements/c88aeaf35bff375a.html>. — Дата доступа: 16.03.2017.
9. Приоритетные направления внешней политики Республ-ки Беларусь [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Минск, 2017. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/a4ab9536d34cf74.html>. — Дата доступа: 02.03.2017.
10. ISIS release chilling new video in English threatening UK for being part of a «coalition of devils» [Electronic resource] / Mirror, MGN Limited 2017. — Mode of access: <http://www.mirror.co.uk/news/world-news/isis-release-chilling-new-video-6896405>. — Date of access: 10.03.2017.
11. Послание белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] / Официальный портал Президента Республики Беларусь. — Минск, 2017. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/ezhegodnoe-poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-16059. — Дата доступа: 22.04.2017.
12. *Шадурский, В. Г.* Европейская безопасность в меняющемся формате: сценарии для Беларуси / В. Г. Шадурский // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XIII Междунар. науч. конф., посвящ. 93-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 октября 2014 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — С. 90–93.
13. Выступление министра иностранных дел Республики Беларусь В. Макея на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ (8 декабря 2016 г., г. Гамбург) [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Минск, 2017. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/statements/d13dce6c07d14945.html>. — Дата доступа: 10.03.2017.
14. Новый президент Южной Кореи намерен добиться мира на Корейском полуострове [Электронный ресурс] / Euronews, 2017. — Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2017/05/10/south-korea-new-president-moon-prepared-to-visit-pyongyang>. — Дата доступа: 10.05.2017.
15. Южная Корея может отправить комплекс ПРО ТНААД обратно в США [Электронный ресурс] / ТАСС Информационное агентство России, 2017. — Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4257482>. — Дата доступа: 17.05.2017.
16. Global Challenges for Humanity [Electronic resource] / The Millennium Project, 2014. — Mode of access: <http://millennium-project.org/millennium/challenges.html>. — Date of access: 26.08.2016.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.06.2017.

Д. С. ЛАВРИНОВИЧ,
первый проректор Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова,
доктор исторических наук, профессор

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЗЕМСКИЙ СОЮЗ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ (ИЮЛЬ 1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 ГГ.)

УДК 329.12(=161.1)(476)«1914/1917»

В статье рассматривается формирование и деятельность Всероссийского земского союза, его комитетов в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, а также на Западном фронте. Автор обращает внимание, что созданные для помощи фронту и тылу организации земского союза в 1915 – 1917 гг. стали активными участниками противостояния царского правительства и либеральной оппозиции. Земцы поддержали требование Прогрессивного блока о необходимости образования кабинета «народного доверия», их лидер Г. Е. Львов возглавил список намечавшихся либералами кандидатов в министры, а затем и в реальности стал председателем Временного правительства в марте 1917 г. Члены комитетов Всероссийского земского союза приняли деятельное участие в формировании новых органов власти на местах.

The article deals with the formation and activities of the All-Russian Zemsky Union, its committees in Vitebsk, Minsk and Mogilev provinces, as well as on the Western Front. The author draws attention to the fact that the organizations of the Zemsky Union, formed to help the front and rear, in 1915 – 1917 became active participants in the confrontation between the tsarist government and the liberal opposition. The Zemtsy supported the demand of the Progressive coalition to form a cabinet of “popular trust”. Their leader G.E. Lvov topped the list of candidates nominated by the liberals on the position of a minister, and then he became the chairman of the Temporary Government in March 1917. Members of the committees of the All-Russian Zemsky Union took an active part in the formation of new local authorities.

События 1917 г. стали переломными для судеб народов Российской империи. Трехсотлетняя монархия Романовых пала под ударами восставших масс. Значительную роль в расшатывании основ государственного строя, подрыве авторитета царской власти сыграла либеральная оппозиция. Одной из главных либеральных общественных организаций, созданной и действовавшей в годы Первой мировой войны, был Всероссийский земский союз (ВЗС). Интерес к данной структуре объясняется еще и тем, что именно ее лидер оказался во главе первого революционного правительства. Деятельность ВЗС распространялась на территорию белорусских губерний, но в историографии она не получила должного рассмотрения.

К созданию союза земства приступили с самого начала войны. Экстренное заседание Московского губернского земского собрания 25 июля 1914 г. приняло предложение управы создать в Москве земский съезд для учреждения «организации помощи пострадавшим от войны». Консервативные руководители московского земства рассчи-

тывали, что именно они по традиции возглавят ВЗС, а его главноуполномоченным станет председатель московской земской управы Ф. В. Шлиппе [1, с. 176, 177] или член Государственного совета от московского земства Ф. А. Уваров [2, с. 646]. Для этого московские земцы попытались отстранить от участия в работе съезда уже существовавшую либерально-интеллигентскую Общеземскую организацию во главе с Г. Е. Львовым. Чтобы принять участие в создании ВЗС, Г. Е. Львов сделал заявление в московскую земскую управу о том, что его организация присоединяется к проектируемому Всероссийскому земскому союзу и вносит все свои наличные денежные средства (около 600 тыс. руб.) в его кассу. Так Львов оказался членом открывшегося 30 июля съезда представителей земств и на нем большинством голосов был избран главноуполномоченным ВЗС. В руководство нового союза попало также много земско-октябристских деятелей.

ВЗС объединил земские учреждения 41 (из 43) губернии, в т. ч. и белорусских [3, с. 222]. Кроме того, ему было пре-

доставлено право создания особых комитетов губернского, уездного и более мелкого уровня. Данные комитеты не подлежали ведению ограниченного земского положения 1890 г. и были более свободны в своих действиях. В конце 1914 – начале 1915 гг. были созданы фронтовые комитеты союза.

Могилевский губернский комитет Всероссийского земского союза был образован на учредительном собрании 16 августа 1914 г., в котором приняли участие председатель губернской земской управы В.А. Судзиловский, М.А. Григорьев, члены комитета, избранные губернским земским собранием, А.В. Королько (октябрист)¹, А.А. Радкевич, А.Ф. Радченко, Л.Ф. Лубенский, Ф.Я. Хоментовский (близок к кадетам), С.И. Казанович (октябрист), И.И. Щемелев, М.М. Коршун-Осмоловский, К.П. Алабышев, С.Ю. Чоловский, Л.Н. Чачков (октябрист), К.В. Банин (кадет). Уездные земские управы представляли: могилевскую – И.М. Мусерский, рогачевскую – В.С. Дрибинцев (октябрист, депутат IV Государственной думы), горецкую – К.Н. Рябынин, городскую думу Могилева – городской голова И.А. Симковский. Собрание избрало председателем губернского комитета ВЗС Ф.Я. Хоментовского, его заместителем – Л.Ф. Лубенского. Членами правления стали К.В. Банин, А.В. Королько, С.И. Казанович, В.С. Дрибинцев, А.А. Радкевич, Л.Н. Чачков. Председателем правления был избран В.А. Судзиловский, его заместителем – К.В. Банин, канцелярщиком – М.А. Григорьев и секретарем – В.К. Гортинский [4, с. 73–76; 5, с. 56]. Таким образом, в руководстве Могилевского губернского комитета ВЗС оказались местные октябристы и кадеты.

В Витебске губернский комитет ВЗС был создан решением чрезвычайного губернского земского собрания 27 июля 1914 г. Его возглавил председатель Витебской губернской земской управы М.Л. Карташев (почетный член Витебского отдела Отечественного патриотического союза). Заместителем стал И.А. Гребницкий. В состав комитета вошли А.А. Бобрик, А.Т. Буйницкий, Б.А. Бялыницкий-Бируля (октябрист), В.Н. Глинский, В.С. Дембинский-Приоро, М.К. Ермолаев (член Союза русского народа), А.Е. Ивашев (октябрист), А.А. Крюденер-Струве (октябрист), В.Е. Литевский, И.П. Никольский, А.Ф. Рожновский, А.Ф. Старикович, И.А. Сушкевич [5, с. 47]. Можно заметить, что состав Витебского комитета ВЗС был более широк по сравнению с могилевской организацией.

Минский губернский комитет ВЗС образовался 12 августа 1914 г. Спустя два дня его председателем был избран Б.Н. Самойленко (член Всероссийского национально-русского союза), заместителем председателя – С.Б. Хржанстовский [6, с. 5]. Членами комитета стали А.М. Аврамов, М.С. Антипович, И.Д. Арский, М.Н. Бурнашев, Д.К. Вошинин (кадет), К.М. Демидецкий-Демидович, И.Э. Друцкий-Любецкий (кадет), И.М. Ивануша, С.Ф. Корзон, С.А. фон Мореншильд, Ю.Н. Потехин (кадет), А.Г. Радзивилл, С.М. Свежинский, И.И. Свенцицкий, П.А. Смородский, Е.М. Трушинский (кадет), И.М. Шемигонов. От Минской городской думы в комитет были делегированы А.И. Лопатин, К.О. Фалькович (кадет) и В.О. Янчевский (кадет)

1. Партийная принадлежность членов местных комитетов дана по материалам монографии: Лавринович, Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905 – 1918 гг.) / Д.С. Лавринович. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2015. – 328 с.: ил.

[5, с. 55, 56]. Присутствие конституционных демократов в руководстве местного комитета ВЗС сказалось впоследствии в более активном участии земцев в революционных событиях 1917 г.

В Минске располагался также Комитет Земского союза Западного фронта. Его возглавлял В.В. Вырубков. Заместителями председателя были Т.И. Полнер и Н.Н. Ковалевский (кадет). В руководство также входили М.Н. Бакунин и А.С. Хрипунов. Членами комитета являлись С.А. Балавинский (кадет), Г.М. Бек, Н.Н. Васильков, И.К. Велевейский, Н.Б. Глазберг, А.В. Давыдов, В.С. Елпатьевский, А.Е. Ельницкий, В.Л. Жуковский, И.В. Ильинский, Д.Н. Кладищев, Н.В. Колокольцев, М.В. Корелин, П.Г. Корибут-Кубитович, К.В. Костецкий, Г.И. Кугушев, Д.В. Кузьмин-Караваяев, В.М. Куткин, В.И. Лихарев, Л.Ф. Лубенский, А.В. Мазурин, Н.Я. Межин, А.Ф. Модржевский, В.В. Морковин, И.И. Папчинский (октябрист), К.А. Петрусевиц, М.А. Петрусевиц, В.В. Полузадов, В.А. Розов, Я.М. Савченко, А.Л. Толстая [5, с. 42].

Первоначальная цель ВЗС состояла, главным образом, в организации помощи раненым воинам. Именно этой сферой деятельности министр внутренних дел попытался ограничить его активность. Союзу предоставлялось право «приобретать на свое имя, отчуждать и закладывать всякое движимое и недвижимое имущество, вступать в договоры и обязательства с частными лицами, общественными и казенными учреждениями, искать и отвечать на суде, руководствуясь законами гражданскими и торговыми» [7, л. 1]. Земский союз имел свой центральный печатный орган – «Известия», а отделы и местные комитеты издавали информационные листки, бюллетени и т. п. Высочайшим повелением ВЗС было разрешено пользоваться в своей деятельности эмблемой Международного Красного Креста.

К середине 1916 г. земским союзом было создано 146 различных видов фронтовых учреждений: медицинских, санитарных, питательных, транспортных, торговых, ветеринарных и других [1, с. 185]. На территории Беларуси Минским губернным комитетом ВЗС к началу 1916 г. было открыто 6 больниц, 3 заразных барака, 6 врачебно-наблюдательных пунктов, 1 врачебно-питательный пункт, 4 эпидемиологических отряда, 2 дезинфекционных отряда, 3 приюта для детей беженцев, 1 патронат для хронических больных [8, л. 15–25 об.]. В Минске были созданы продовольственные склады, которые по емкости занимали второе место после московских и должны были служить для снабжения Западного фронта [9, с. 70]. Общее количество учреждений ВЗС во всей империи достигло 7 728 [1, с. 185].

Финансирование мероприятий земского союза сначала происходило за счет специальных ассигнований земств. Однако включенность союза в структуру Красного Креста позволяла ему требовать возмещения своих расходов от казны. В результате к 1 января 1916 г. ВЗС получил от Совета Министров около 195 млн. руб. [10, л. 64].

Крупномасштабное финансирование со стороны государства укрепило позиции союза руководящей верхушки. До этого она зависела от рядовых земств, которые выделяли деньги на заранее определенные цели. Поэтому направление деятельности ВЗС во многом определялось съездами земских представителей. Положение изменилось, когда руководители союза получили в свои руки огромные казенные средства и сами стали финансировать отдельные органы местного самоуправления. Уполномоченный от Тверского земства, бывший товарищ министра внутренних

дел В. И. Гурко свидетельствовал: «Не было на Руси от века такого учреждения, где бы безумные траты... приняли такие размеры, как в общеземской организации» [2, с. 646, 647]. Главный комитет стал самостоятельно решать важнейшие вопросы, т. к. больше не зависел от земств и городских дум.

До весны 1915 г. ВЗС накапливал силы, боролся за расширение своих прав и не делал резких политических заявлений. В дальнейшем ситуация изменилась, о чем свидетельствует состоявшийся 5 июня 1915 г. съезд уполномоченных Всероссийского земского союза и совещание городских голов. Земцы признали: «...великое народное дело ведется не на тех началах, которые обеспечат ему успех» [1, с. 209, 210]. Они констатировали, что правительство не справляется со снабжением армии и признали необходимым совместно с Всероссийским союзом городов (ВСГ) принять в нем участие. Аналогичное постановление вынесло и совещание городских голов. В результате решения обоих совещаний 10 июля 1915 г. был создан Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор). Он брал заказы на вооружение и обмундирование у правительственных учреждений и распределял их для выполнения между комитетами ВЗС и ВСГ, а также своими собственными предприятиями. На территории Беларуси земско-городские комитеты были созданы на базе местных комитетов ВЗС и ВСГ летом 1915 г. [11, л. 15, 16]. К началу 1916 г. Земгор распределил заказов на сумму свыше 70 млн. руб. среди более чем 90 местных организаций. Его общий денежный бюджет достиг 110 млн. руб. [12, с. 192–194].

Осенью 1915 г. ВЗС переходит к открытой оппозиции правительству. Роспуск Государственной думы 3 сентября 1915 г. вызвал волну протестов со стороны земств. Так, резолюция Московского губернского земского собрания от 5 сентября содержала требование немедленного возобновления занятий нижней законодательной палаты. В ней указывалось, что «такая работа необходима для нужд армии, установления контроля над властями, устройства общего порядка и спокойствия в стране» [13, с. 42]. 7 сентября очередной съезд Всероссийского земского союза открылся зажигательной речью Г. Е. Львова. Он осудил роспуск Государственной думы, отметив, что «столь желанное всей страной мощное сочетание правительственной деятельности с общественной — не состоялось». Обращаясь к правительству, Львов заявил: «Отечество наше жаждет не только восстановления мирной жизни, но и реорганизации ее» [1, с. 210]. После его речи собрание, минуя рассмотрение рабочих вопросов, сразу обратилось к обсуждению политического положения в стране. В. И. Гурко, обосновывая необходимость смены кабинета влиянием на назначение министров близкого окружения царя, сказал, что правительство, «находясь под хлыстом (*имелся в виду Г. Е. Распутин, которого обвиняли в принадлежности к секте хлыстов. — Д. Л.*), не может вести твердый курс политики, направленной к победе над врагом» [1, с. 51]. Но нашлись делегаты, которые воспротивились основному ходу дискуссии и потребовали прекращения обсуждения политических вопросов. Однако их голоса вызвали такой отпор со стороны оппозиционного большинства, что Г. Е. Львову, по сведениям полицейских осведомителей, едва удалось восстановить порядок [1, с. 52].

Одновременно со съездом земского союза открылся съезд Всероссийского союза городов. Главные комитеты ВЗС и ВСГ совместно выработывали политическую резолюцию, которая была предложена делегатам 9 сентября, в

последний день работы съездов. В резолюции выражалась уверенность в победе российской армии и говорилось о готовности продолжать работу на оборону, но, вместе с тем, в ней указывалось, что восстановление внутреннего мира возможно только через обновление власти «при условии доверия страны и единения с законным ее представительством» [14, л. 24, 25]. На съездах была избрана депутация к Николаю II, но на прошение об аудиенции Николай II наложил резолюцию: «Этих самозванных уполномоченных я, конечно, не приму» [14, л. 8].

В начале 1916 г. Всероссийский земский союз занял по отношению к царскому правительству еще более критическую линию. 3 февраля Г. Е. Львов обратился с письмом к Николаю II. В нем главноуполномоченный ВЗС писал о полном расстройстве экономики России и, в связи с этим, угрозе снабжению армии. Он отмечал, что правительство заподозрено в измене. «Россия в великой тревоге», — заявлял Львов. Письмо заканчивалось требованием немедленного обновления Совета министров [13, с. 60]. В марте данное требование вошло в официальную резолюцию, принятую на очередном съезде ВЗС [15, л. 21, 22].

Совет министров ответил репрессиями. 7 апреля 1916 г. на его заседании было решено впредь не допускать созыва каких-либо неправительственных форумов. Николай II поддержал министров. Департамент полиции подготовил специальный «Обзор политической деятельности общественных организаций с 1 марта по 16 апреля 1916 г.», который был разослан всем членам правительства, губернаторам, начальникам губернских жандармских управлений, прокурорам судебных палат и командующим войсками военных округов [16, с. 29]. Показав истинные цели земского союза и других оппозиционных общественных организаций, власти хотели обвинить их в разжигании внутренних беспорядков во время войны и скомпрометировать в обществе, лишив политического значения.

Осенью 1916 г. Г. Е. Львов совместно с главой ВСГ М. В. Челноковым отправили письмо на имя председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко. Лидеры общественных организаций настаивали на усилении деятельности думской оппозиции. Г. Е. Львов писал: «В стране вполне созрело сознание, что стоящее у власти правительство не в силах закончить войну». Он обвинял царский кабинет в измене и стремлении заключить сепаратный мирный договор со странами Четверного союза. В частности, в его письме говорилось: «Стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной» [13, с. 145].

На 9 декабря 1916 г. намечался съезд Всероссийского земского союза. Накануне Главному комитету стало известно, что власти решили его не допустить. Тогда земские деятели, чтобы не подводить под удар своего руководителя Г. Е. Львова, договорились поручить председательствование на совещании его заместителю [1, с. 215]. Был выработан также план обмана полиции, приготовившей сорвать первое заседание съезда. Первоначально предполагалось, что уполномоченные губернских земств соберутся в помещении счетно-контрольного отдела Земгора. Однако полиции удалось занять его раньше. Князь Львов для отвлечения внимания полицейских чиновников настоял на составлении протокола. В это время делегаты смогли начать заседание под председательством его заместителя С. Н. Маслова в помещении Главного комитета. В нем приняли участие представители 22 губерний, двух областей всех фронтовых комитетов ВЗС [13, с. 155].

Съезд единогласно принял подготовленную Главным комитетом резолюцию об отношении земств к политической ситуации в России. В ней повторялась мысль, выраженная в письме Г. Е. Львова председателю Государственной думы в октябре 1916 г., о том, что «когда власть становится преградой на пути победы», ответственность за судьбу родины должно принять на себя общество и, прежде всего, «народное представительство». Земцы призывали думу к бескомпромиссной борьбе с царским правительством. Намекая на возросшую опасность революционного взрыва, авторы резолюции предупреждали: «Время не терпит, истекли все сроки и отсрочки, данные нам историей» [17, л. 1–1 об.]. Под текстом документа поставили подписи все присутствовавшие на совещании земские уполномоченные. Еще более радикальной по тону была написанная накануне, но так и не произнесенная вступительная речь Г. Е. Львова. Руководитель ВЗС, эксплуатируя слухи о сепаратном мире, собирался выдвинуть лозунг «Отечество в опасности!» и прямо заявить о готовности общества принять власть [1, с. 212–214]. В конце заседания земцы по предложению прогрессиста В. Д. Кузьмина-Караваева успели также высказать приветствие армии, рассчитывая противопоставить ее полиции.

Между тем, по согласованию с группой лидеров Прогрессивного блока Государственной думы, Г. Е. Львов готовился к роли будущего премьера. К концу ноября 1916 г. он имел в своих руках постановление, подписанное 29 председателями губернских земских управ и городскими головами, с требованием образования правительства во главе с ним [1, с. 228]. Львов находился в курсе многих секретных переговоров общественных деятелей, депутатов Государственной думы и военных, у него были связи в придворных кругах. Он знал о подготовке дворцового переворота. В декабре Львов выступил на секретном совещании земских и городских деятелей на квартире М. В. Челнокова, на котором сообщил о существовании заговора. Земский лидер, по словам члена Главного комитета ВЗС, кадеты Н. И. Астрова, не приглашал участвовать в действиях, а лишь предупреждал, что нужно готовиться к последствиям. «Мнение всех было, что кн. Львову не миновать стать во главе правительства», — вспоминал Астров. С другой

стороны, он опровергал версию, выдвинутую уже после революции, о том, что Львов стоял во главе одной из групп заговорщиков. «...Никакого проекта дворцового переворота у земских и городских деятелей не было», — писал Астров [1, с. 222, 223]. С ним соглашался и первый биограф Львова, его близкий друг Т. И. Полнер, который утверждал, что нет никаких данных, позволяющих приписать главноуполномоченному земского союза роль активного заговорщика [1, с. 223].

Либеральные земцы приняли активное участие и в формировании новых органов власти на местах. Так, в Минске инициатива создания новых органов власти принадлежала либеральным деятелям городской думы и земства. Уже 2 марта 1917 г. уполномоченный земского союза на Западном фронте В. В. Вырубов и заместитель уполномоченного городского союза Г. Ю. Динесман опубликовали сообщение к служащим о победе революции в Петрограде. 3 марта сведения о революции и воззвание Временного комитета Государственной думы появились в минских газетах. Вечером того же дня состоялось совещание представителей земства, городской думы, кооперативов, комитетов Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. Был образован комитет общественной безопасности. 4 марта временный общественный городской комитет начал свою работу [18, с. 25–27]. Деятели ВЗС участвовали в создании новых органов власти и в других населенных пунктах на территории белорусских губерний.

Таким образом, комитеты Всероссийского земского союза были созданы с целью оказания помощи раненым летом 1914 г., но спустя год ВЗС оказался втянутым в оппозицию исполнительной власти. Политическая активность земцев вызвала репрессии со стороны правительства, которые, однако, не смогли полностью парализовать их деятельность. В сентябре — октябре 1916 г. политическая деятельность ВЗС оживляется. Его руководство было втянуто в процесс формирования лидерами Прогрессивного блока «теневого кабинета», в результате чего в марте 1917 г. Г. Е. Львов оказался во главе Временного правительства, а комитеты ВЗС приняли активное участие в конструировании местных органов власти.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полнер, Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности / Т. И. Полнер. — Париж: Impr. de Navarre, 1932. — 311(2) с.
2. Гурко, В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко / Вступ. статья Н. П. Соколова и А. Д. Степанского, публ. и коммент. Н. П. Соколова. — М.: Новое лит. обозрение, 2000. — 810 с. — (Россия в мемуарах).
3. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. — М.: Высшая школа, 1983. — 352 с.
4. Журнал заседания Могилевского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам — 16 августа 1914 г. // Вестник могилевского земства. — 1914. — № 15. — С. 73–79.
5. Всероссийский земский союз. Личный состав учреждений Всероссийского земского союза (на 1 ноября 1916 г.). — М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1916. — 120 с.
6. Организация помощи семьям, призванным на военную службу и больным и раненым воинам // Вестник Минского губернского земства. — 1914. — № 10. — С. 3–12.
7. Законопроект о Всероссийском земском союзе (1916) // Российский государственный исторический архив (РГИА). — Фонд 1278. — Оп. 5. — Д. 832.
8. Списки учреждений Всероссийского земского союза (Минского губернского комитета) (1916) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Фонд 700. — Оп. 1. — Д. 52.
9. Слобожанин, В. П. Земское самоуправление в Белоруссии (1905 — 1917 гг.) / В. П. Слобожанин. — Мн.: Гавриленко В. Г., 1994. — 85 с.
10. Дело Двинского комитета Всероссийского союза городов. Журналы заседаний Центрального и областных комитетов Всероссийского союза городов (1914 — 1915) // НИАБ. — Фонд 2708. — Оп. 1. — Д. 8.
11. Дело об организации Земско-городского областного комитета по снабжению армии // НИАБ. — Фонд 2708. — Оп. 1. — Д. 39.
12. Очерк деятельности Всероссийского союза горо-

дов. 1914 – 1915 г. – М.: Тип. Тов-ва Рябушинских, 1916. – 239 с.

13. Буржуазия накануне Февральской революции / Подг. Б. Б. Граве. – М.–Л.: Госиздат, 1927. – 204 с.

14. Переписка председателя Совета министров с министрами внутренних дел и императорского двора (1915 – 1916) // РГИА. – Фонд 1276. – Оп. 11. – Д. 1454.

15. Дело о запрещении созыва съезда Всероссийского союза городов (1917) // РГИА. – Фонд 1282. – Оп. 1. – Д. 1013.

16. Общее положение к июлю 1916 г. Записка департамента полиции // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. – 1918. – № 3. – С. 24–30.

17. Резолюция-воззвание собрания уполномоченных губернских земств к населению «О спасении России» (1916) // РГИА. – Фонд 32. – Оп. 1. – Д. 203.

18. Первые дни свободы в Минске // Известия Комитета Западного фронта Всероссийского союза городов. – 1917. – 15 марта. – С. 25–30.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.04.2017.

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ С МОСКВОЙ В XIV – XV ВЕКАХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. М. КАРАМЗИНА

УДК 930.1

В настоящей статье автор ставит целью, рассматривая известную историософскую концепцию русской исторической науки первой половины XIX века – Н. М. Карамзина, показать в ней оценки польско-русского противостояния в XIV – XV веках в интерпретации ученого. В контексте исторической полонистики и роли Польши в истории России творчество Н. М. Карамзина исследовалось только выборочно.

Considering the well-known historiosophical concept of Russian historical science of the first half of the 19th century – by N. M. Karamzin, the author sets the goal to show in it the assessments of the Polish-Russian confrontation in the 14th-15th centuries in the interpretation of the scientist. In the context of historical polonistics and the role of Poland in the history of Russia, the work of Karamzin was investigated only selectively.

Огромное историческое значение для развития русской исторической науки XIX века концепции истории России Н. М. Карамзина в настоящее время признается в современной российской и польской историографии [1–6]. При этом, конечно, следует учитывать порой совершенно противоположные критерии такой оценки. История Польши и ее место в истории России в исторической концепции Н. М. Карамзина в концептуальном плане в русской историографии XIX – начала XX века, а также ряд проблем его исторической полонистики исследовались рядом историков, в том числе и автором данной статьи [7–22].

Первоначальную историю ВКЛ, до ее соединения с Польшей, в ее связи с русскими землями, Н. М. Карамзин оценивает как историю преимущественно русскую. Данный подход Карамзина к начальной истории ВКЛ во многом как российского государства и его возможности на основании этого слиться с Москвой, впоследствии скорректированный Н. Г. Устряловым, был принят в русской историографии исследуемого периода. Особое развитие данная точка зрения получила в русской консервативной историографии в трудах, посвященных истории России, ВКЛ, Западной России (Д. И. Иловайский, П. Д. Брянцев, М. О. Коялович). При этом Карамзин даже не пытался объяснить, как это произошло: Литва до этого платила, как он писал, дань россиянам и подвергалась периодическим

походам киевских князей. Карамзин во втором томе, главе седьмой сам отмечал весьма однозначно отношение Литвы к россиянам и характер их отношений: «Сей народ ненавидел россиян как утеснителей, отрекался платить дань и сопротивлением отягчал свою долю». Данное положение историка звучит весьма странно на фоне его последующего тезиса о ВКЛ как российском государстве.

Первый значительный князь Литвы XIV века – Гедимин оценивается историком как князь литовско-русский, уважающий русские традиции и православие: «Властвуя над Литвою и завоеванною частию России, он именовал себя великим князем Литовским и Российским; жил в Вильне, им основанной; правил новыми подданными благоразумно, уважая их древние гражданские обыкновения, покровительствуя веру греческую и не мешая народу зависеть в церковных делах от митрополита московского» [23, с. 107]. Отдавая должное Гедимину как государственному деятелю, историк подчеркивал, что «хитрый Гедимин умел снискать дружбу моголов; по крайней мере, никогда не воевал с ними и не платил им дани» [23, с. 138]. Подобно высокой была у Карамзина также оценка Ольгерда, несмотря на то, что, ведя завоевательные войны с Москвой, «Ольгерд, как лев, свирепствовал в российских владениях: не уступая моголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег города» [23, с. 163].

Более того, Карамзин считал, что в этот период Польша была общим врагом для ВКЛ и Московии. Польша уже в XIV веке в его интерпретации выступает не только как политический соперник, но и угнетатель русских традиций и православия. Историк, описывая территориальный спор ВКЛ и Польши, утверждал: «Сие происшествие заставило Ольгерда и братьев его искать дружбы Симеоновой, тем естественнее, что король польский, ободренный успехами, вздумал быть гонителем церкви греческой, теснил духовенство в Польше и православные церкви обращал в латинские» [23, с. 138]. В этих условиях, по Карамзину, русские в ВКЛ, а также православная церковь Литвы вместе с Москвою поддержали литовских князей: «Граждане стенили: утратив государственную независимость, они еще умели крепко стоять за веру отцов и, гнушаясь насилием папистов, славили терпимость литовского правления; а глас народа единокровного громко отзывался в Москве. Нет сомнения, что и митрополит ревностно ходатайствовал за князей литовских — которые не мешали ему повелевать духовенством в Польше — особенно же за Любарта, усердного сына нашей церкви» [23, с. 138].

Одной из фундаментальных позиций исторической концепции Н. М. Карамзина было положение о Московской Руси как наследнице Киевской Руси. Согласно его мнению, территориально Россия периода Киевской Руси и Руси Московской не отличались, занимая пространство от берегов Оки до Сана [23, с. 9]. Это положение совершенно игнорировало наследие ВКЛ и Речи Посполитой на их православных территориях. Исходя из этого данное положение было подвергнуто критике еще И. Лелевелем, приводящим историческую аргументацию и ставящим под сомнение право Москвы на наследие Киевской Руси [27, с. 23].

Таким образом, данная концепция Карамзина была продолжением не только исторической схемы предшествующей историографии, но и московской политической литературы XVI века. На основании данного положения Н. М. Карамзин рассматривал отпадение Литовской Руси и Новгорода от единого русского центра, которым он считал исключительно Москву. ВКЛ, согласно такой интерпретации, до унии с Польшей рассматривалась историком как преимущественно русское государство, а, например, Гедимин — как незаконный правитель, захвативший русские земли. Пользуясь невзгодой России, писал историк, Литва завладела их странами [23, с. 107–108]. По существу, этот взгляд ничем не отличается от точки зрения Татищева, по которому литовские князья некогда повиновались русским, и независимость Литвы явилась следствием отпадения ее от власти России во время княжеских междоусобиц [1, с. 176].

Положение кардинально изменилось в представлении Карамзина после принятия Ягелло польской короны и католичества. Принятие католичества Литвой и политическое соединение унией с Польшей оценивается Карамзиным исключительно с точки зрения интересов Москвы как претендента на объединение русских земель: «Ягайло (в 1386 году) с согласия вельмож польских женился на Ядвиге, дочери и единственной наследнице их умершего короля Людовика, принял веру латинскую в Кракове вместе с достоинством государя польского и крестил свой народ волею и неволею. Происшествие, столь благословенное для Рима, продолжал он, имело весьма огорчительные следствия для россиян: Ягайло, дотоле покровитель греческой веры, сделался ее гонителем; стеснял их права

гражданские, запретил брачные союзы между ими и католиками и даже мучительно казнил двух вельмож своих, не хотевших изменить православию в угодность королю» [23, с. 203]. Вместе с тем историк оставляет совершенно без рассмотрения вопрос о внутривнутриполитических и внешнеполитических причинах заключения Кривской унии между Польшей и Литвой, если последняя, по его мнению, была в значительной мере русским православным государством.

Карамзин весьма благоприятно смотрел на то обстоятельство, что ряд литовских князей сохранили православие — «к счастью, многие князья литовские — Владимир Ольгердович Киевский, братья его Скиригайло и Дмитрий, Федор Вольтинский, сын умершего Любарта, и другие — остались еще христианами нашей церкви и заступниками единоверных». Однако одновременно он с сожалением отмечает сохранение ими верности польскому королю: «Впрочем, несмотря на разномыслие в духовном законе, Ягайловы родственники служили королю усердно, кроме одного Андрея Ольгердовича Полоцкого, друга Дмитриева и москвитян» [23, с. 203]. При этом, как видим у Карамзина, вполне нормальным выглядит положение, что подданные польского короля, хотя и православные по вере, могли быть также лояльно настроены или даже быть друзьями иностранного государя и нести ему воинскую службу. Далее в ходе нашего исследования, сравнивая московское и польское общественно-государственное устройство, убедимся, что в отношении подданных московских царей Карамзин о таких вольностях не только не говорит, но и осуждает их как государственное предательство. Данный двойной стандарт оценки поведения православных в рамках ВКЛ станет общим положением в русской консервативной историографии [28].

В этих новых условиях вполне логично для Карамзина выглядит его положение о католических государствах — Литве и Польше как главным врагам России и их объединении с Ордой в попытке не допустить возвышения Москвы при короле Ягелло: «Желая еще более обнадешить себя в успехе, Мамай вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским, который условился действовать с ним заодно. К сим двум главным утеснителям и врагам нашего отечества присоединился внутренний изменник, менее опасный могуществом, но зловреднейший коварством: Олег Рязанский, воспитанный в ненависти к московским князьям» [23, с. 185]. В другом месте своей «Истории» ученый уже называет ВКЛ «нашим врагом естественным» [23, с. 479].

История отношений Москвы и Польши как постоянное противоборство сначала с ВКЛ, а потом с Речью Посполитой рассматривалась Н. М. Карамзиным как первостепенная, наряду с отношениями с Ордой, а затем ее наследниками и Турцией. ВКЛ после унии с Польшей Карамзин рассматривает как враждебное России государство «имея в виду Литву, нашего врага естественного» [23, с. 479] и находящееся под польским владычеством. Следует также заметить, что ВКЛ считалось Карамзиным в этот период наряду с Крымским ханством основным военно-политическим соперником Москвы: «Орда с Литвою, как две ужасные тени, заслоняли от нас мир и были единственным политическим горизонтом России» [23, с. 537]. Особенно отмечал историк периоды войн Москвы и ВКЛ, когда наступали периоды отдельного избрания властителей Польши и Литвы, считая их удобными для возвращения русских земель, подчеркивал, что в противоположном случае великие князья «сделавшись королями польскими, могли располагать силами двух держав» [23, с. 517]. Общий итог войн ВКЛ с

Москвой, которая смогла отобрать у Литвы ряд территорий, рисовался русским историком следующим образом: «Литва истощалась, слабела: Польша неохотно участвовала в сей войне разорительной» [23, с. 525].

Политику Ягелло в отношении Москвы, несмотря на их взаимную вражду, утверждал Карамзин, продолжал и Витовт. При этом историк, вслед за русской и литовской летописной традицией, считал Витовта настоящим великим воителем, политиком, готовым на любые действия ради достижения собственных целей, в отличие от слабого Ягелло. Карамзин называл его «героем Литовским»: «Одаренный от природы умом хитрым, Витовт пылал властолюбием и, приняв от немцев веру христианскую, сохранил в душе всю жестокость язычника; не только, подобно другим завоевателям, равнодушно жертвовал в битвах бесчисленным множеством людей для приобретения новых земель, но смело нарушал и все святые уставы нравственности: играл клятвами, изменял; безжалостно лил кровь своих ближних. <...> Слабый король польский не дерзал ни в чем противиться мужественному, решительному сыну Кестутиеву» [23, с. 231].

Экспансионистская политика Витовта, который «кроме Литвы, господствуя в лучших областях древней России, хотел похитить и самый остаток ее достояния» [23, с. 232], в отношении России, согласно утверждению Карамзина, противоречила основным целям внешней политики Москвы: «Три предмета должны были быть главными для политики государя московского: надлежало прервать или облегчить цепи, возложенные ханами на Россию, — удержать стремление Литвы на ее владения, усилить великое княжение присоединением к оному уделов независимых» [23, с. 218]. При этом Карамзин, подчеркивая дипломатические достоинства осторожной политики московского князя Василия, вынужденного лавировать между сильными врагами, описывал поддержку Москвой несчастного похода Витовта вместе с поляками и немцами против татар: «Ничто не могло быть для России благоприятнее войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевесу того или другого?» [23, с. 237]. Историк отмечал, что Витовт разгадал эту хитрую московскую политику и стремился к полному подчинению Москвы: «государь литовский, не менее хитрый, видел в зяте тайного, опасного врага, который только до случая оставлял его спокойно владеть наследием Ярослава потомства» [23, с. 237–238].

При этом Карамзин выдвигал уже в отношении того периода положение об отношениях Москвы и ВКЛ как борьбе за право на существование: «Безопасность литовских приобретений в России требовала гибели княжества Московского, уже сильного» [23, с. 238]. Смертельную опасность для поднимающейся Москвы со стороны Литвы историк видел в обширности русских владений ВКЛ: «сын Кестутиев был монархом всей южной России, оставляя Василию бедный Север» [23, с. 233]. А также, с точки зрения Карамзина (что вкладывалось в его представления о роли великой личности и монарха в истории государства), опасность исходила и от личности самого Витовта: «Сей князь, тогда славнейший из государей северной Европы, был для нашего отечества ужаснее Гедимины и Ольгерда, своими завоеваниями стеснив пределы России на юге и западе» [23, с. 280]. С ним, ссылаясь на польских историков, продолжал он, «воссияла и затмилась слава народа литовского, к счастью России, которая без сомнения погибла бы навеки, если бы

Витовтовы преемники имели его ум и славолюбие» [23, с. 280]. Такую высокую оценку властителей ВКЛ и Речи Посполитой, сопряженную с положением о возможности проигрыша Москвы в этом противостоянии, получит у Карамзина только Стефан Баторий, называемый им Стефаном Великим.

Карамзин считал, как видим, возможным падение Москвы в соперничестве с ВКЛ, чего не будут допускать другие русские историки, его приемники. По утверждению историографа, причины неудач ВКЛ и Польши в противостоянии с Москвой кроются как в личностных качествах приемников Витовта, так и во внутренней борьбе в ВКЛ, а также ВКЛ и Польши: «Изнауряли только ее силы междоусобием, войнами с Польшею, тиранством и грабительством» [23, с. 280]. Вместе с тем автор утверждал, что население Литовской Руси в силу культурного и конфессионального родства тяготело не к литовскому политическому центру, а к Москве как центру формировавшегося единого Русского государства и борьбы против иноземных захватчиков.

Проблема исторического соперничества Москвы и Литвы за господство над западно-русскими землями, отмеченная и решенная Карамзиным как литовская экспансия, с одной стороны, и собирание русских земель Москвой — с другой стороны, стала одной из основных в русской историографии XIX — начала XX века. Решалась она преимущественно в ключе, предложенном Карамзиным (М. П. Погодин, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский и др.) или, если даже ВКЛ признавалась вторым центром собирания русских земель, то в контексте ее как русского государства (М. О. Коялович, П. Д. Брянцев, Д. И. Иловайский и др.) [28].

Восстановленное новое российское государство как Великое Московское княжество в представлении Н. М. Карамзина выступало, прежде всего, как великая региональная держава с активной внешней политикой, с которой начинают считаться не только традиционные враги — Польша, ВКЛ и Орда, но далекие европейские державы. Уже при Иване III, пишет ученый, «образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической <...> посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: император, папа, короли, республики, цари азиатские приветствуют монарха Российского, славного победами и завоеваниями, от пределов Литвы и Ногагорода до Сибири» [23, с. 361]. Уже тогда, считал историк, в Западной Европе появляется союзник Москвы против Польши — немецкие государства. В той конкретно исторической обстановке это был император Максимилиан, который «вспомнил о России и выгодах ее союза против сыновей Казимировых: он жалел о Венгрии, неохотно им уступленной Владиславу. <...> Иоанн отвечал Максимилиану, что Россию воевали король польский и магистр ордена, были наказаны и примирились с нею на время; что если император, в случае новых неприятельских действий с их стороны, поможет россиянам, то и россияне, исполняя договор, помогут Австрии овладеть Венгрией» [23, с. 531].

При этом Москва, по его мнению, вписывается в Европу не только своим военно-политическим весом, но и европейским культурным наследием: «Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия: Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств» [23, с. 361].

И эта московская держава со времен Ивана III, в представлении Карамзина, имея законное право на все

части разделенной Руси, восстанавливает традиционные направления внешней политики еще Киевской Руси. Ученый считал, что эти устремления Ивана III отражались в его титуле государя «всея Руси», доставшегося ему от предшественников, а он сам «исчисляя в титуле своем все особенные владения государства Московского, Иоанн наименовал оное Белою Россиею, то есть великою или древнею, по смыслу сего слова в языках восточных» [23, с. 541]. Таким образом, по Карамзину принятие названия Белой Руси и титула ее царя, присвоенное Москвой, означали начало официальных претензий на объединение всех православных земель бывшей Руси киевского периода ее истории.

Н. М. Карамзин, рассказывая о постоянном споре московских князей с Литвой о государственном титуле, утверждал, что «пользуясь невзгодою России, Литва завладела их странами: теперь иные времена. Великий князь не пишет в грамотах своих ничего высокого, а называется властителем земель, данных ему богом» [23, с. 487]. Данное положение ученого нашло своих сторонников и в современной российской науке: уже в начальный период складывания Русского централизованного государства «стал проглядывать возврат к прежним геополитическим восточнославянским ценностям, носителем которых все более определенно становилась Москва» [29, с. 105].

Весьма близкую позицию к точке зрения Карамзина о разделении Руси на несколько частей, но с качественно иным обоснованием, исходя из специфики развития этих частей, выдвигал его современник — И. Лелевель. Согласно концепции И. Лелевеля, Русь эпохи средневековья после распада Киевской Руси распалась на три части: гражданская стихия русского народа со сосредоточением на Севере; царизм отодвинулся на восток за леса к Азии; земское (или славянское) население и боярство расположилось на равнине, у Карпат в соседстве с ляхами. Эти три части, продолжал польский историк, ждало различное будущее, так как царистское начало получило поддержку татарского азиатского начала в его деспотизме и невольничестве. И после ослабления татар, продолжал он, московское самодержавие вышло с триумфом, взяв на себя его черты. Вторая часть (гражданская) с опорой на инородный польский элемент, писал Лелевель, развилась в ВКЛ, а также частично в Новгороде Великом [27]. Подобная точка зрения была принята в последующей польской историографии — Ф. Конечны [30]. Весьма показательно, что близкую точку зрения о подобных альтернативах Москве еще на исходе советской историографии высказал известный историк А. А. Зимин [31].

Описывая объединение русских земель вокруг Москвы во второй половине XV — первой половине XVI веков, Н. М. Карамзин связывал с историей ВКЛ и Польши проблематику присоединения Новгорода и земель Литовской Руси. При этом в первом случае он считал, что Москва смогла добиться поставленных целей, а во втором — только частично, а во второй половине XVI века положение даже радикально изменилось, и существовала реальная угроза гибели самого Московского царства.

Следует обратить внимание, что, описывая историю Новгорода и его достижения, Карамзин отзывался о них с большой симпатией, даже когда говорил о его борьбе с Москвой: «Ударил последний час новгородской вольности!» [23, с. 409]. Совершенно иной становится не только его оценка, но и тон повествования, когда новгородцы, пытаясь защитить свою независимость, обращаются к

польскому королю Казимиру Ягеллончику. При этом историк признавал ужасы кровопролития и насилия московских войск, действовавших на новгородских землях, как на чужой территории: «...истребляли все огнем и мечом. Дым, пламя, кровавые реки, стон и вопль от востока и запада неслись к берегам Ильменя. Москвитяне изъявляли остервенение неопишанное: новгородцы-изменники казались им хуже татар. Не было пощады ни бедным земледельцам, ни женщинам» [23, с. 378].

Характеризуя исторический путь Новгорода как русской земли («История Новгорода составляет любопытнейшую часть древней российской»), ученый обращал внимание на несколько позиций. Общественно-государственное устройство, отличное от Москвы: «...более шести веков сльв в России и в Европе державою народною, или республикою, и действительно имел образ демократии: ибо вече гражданское присваивало себе не только законодательную, но и высшую исполнительную власть; избирало, сменяло не только посадников, тысячеких, но и князей» [23, с. 426], считая, что «надлежит искать образцов новгородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народов не в правлении вольных городов немецких, а в Афинах и Спарте»; отмечал предпринимательские способности новгородцев, также сравнивает деятельность Новгорода с европейской колонизацией: «...сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири и, горстию людей покорив обширные земли между Ладогою, морями Белым и Карским, рекою Обию и нынешнею Уфою, насадил там первые семена гражданственности и веры христианской» [23, с. 429].

Причины падения новгородской республики Карамзин видел в утрате преимуществ республики: «Падение Новгорода ознаменовалось утратою воинского мужества, которое уменьшается в державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к наслаждению мирным. Сей народ считался некогда самым воинственным в России и где сражался, там побеждал, в войнах междуособных и внешних: так было до XIV столетия. <...> Республика держится добродетелию и без нее упадет» [23, с. 429] и необходимости политического выбора (совсем не трудно догадаться, каким был рецепт выбора в данной ситуации по Карамзину. — Т. К.): «Новгород мог только избирать одного из двух государей, литовского или московского: к счастью, наследники Витовтовы не наследовали его души, и бог даровал России Иоанна» [23, с. 429].

Весьма интересно отметить, что Карамзин описывает возможность даже добровольного выбора Новгородом Польши, а не Москвы как действие беззаконное и считал это действие предательством Руси и православия: «Совершилось, чего издавна желали завоеватели литовские и чем Новгород страшал иногда государей московских: он поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Действие беззаконное: хотя сия область имела особенные уставы и вольности, данные ей, как известно, Ярославом Великим; однако же, составляла всегда часть России и не могла перейти к иноплеменникам без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на естественном праве» [23, с. 374]. При этом дается такая оценка историком, несмотря на принятие польским королем условий Новгорода, описанных также и Карамзиным, условий добровольного вхождения Новгорода в состав польско-литовского государства: сохранение всех территориальных владений Новгорода и их защита, сохранение торговых привилегий города: «Купцы литовские торгуют с

немцами единственно чрез новгородских. Двор немецкий тебе не подвластен: не можешь затворить его»; не только сохранения православной веры, но и недопущение распространения католичества: «Ты, честный король, не должен касаться нашей православной веры <...> а римских церквей не ставить нигде в земле Новгородской» [23, с. 375]. И после описания этих условий соглашения Карамзин делает вывод: «И так сей народ легкомысленный еще желал мира с Москвою, думая, что Иоанн устрашится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего княжества российского» [23, с. 376], «Новгород изменял России, пристав к Литве» [23, с. 409].

На примере уничтожения новгородской вольницы историк показывает хитроумный и последовательный механизм уничтожения московским самодержавием (и это относится еще к XV веку. — Т. К.) представительных органов власти на подчиняемых территориях в сочетании с долгосрочной перспективой внешней политики: «Войско его было рассеяно, гражданство в ужасе: великий князь мог бы тогда покорить сию область; но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи развлекли бы силы государства Московского, нужные для внешней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия, слишком дорого платили за остатки свободы и наконец, утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие неограниченной государевой власти» [23, с. 409].

Данная модель, как показывает историк, распространяется на всю Московскую область, подчиняя самодержавной власти всех и вся, без права какого-либо иного выбора: «...когда Москва начала усиливаться, присоединяя к себе города и земли; когда число владетельных князей уменьшилось, а власть государева сделалась неограниченнее в отношении к народу: тогда и достоинство боярское утратило свою древнюю важность. <...> Надлежало или повиноваться государю, или быть изменником, бунтовщиком: не оставалось середины и никакого законного способа противиться князю. Одним словом, рождалось самодержавие» [23, с. 341]. При этом Карамзин однозначно оказывается сторонником именно таких преобразований русской жизни: «Сия перемена, без сомнения неприятная для тогдашних граждан и бояр, оказалась величайшим благодеянием Судьбы для России» [23, с. 341]. Таким образом, историк однозначно определяется в выборе, утверждая, что для идеи будущего великодержавного величия Российской империи стоило пожертвовать личной свободой граждан и ликвидировать демократические устройства даже с использованием самых жестоких средств.

Временным исключением из данной московской системы, исходя из политических расчетов, как отмечал историограф, были как раз решившие уйти из Литвы с ее иными политическими обычаями князья, которые одновременно хотели сохранить свои права по польско-литовскому образцу: «...до времени оставив права князей владетельных одним украинским или бывшим литовским, чтобы сдержать слово и не дать им повода к измене» [23, с. 538]. Продолжалось такое положение недолго, так как «первый, истинный самодержец России, заставив благоговеть пред собою вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием венценосца» [23, с. 538]. В отношении рус-

ских земель ВКЛ в конце XV века, особенно после присоединения к Москве Новгорода, когда обещавший ему помощь польский король Казимир не осмелился на войну с Москвой, ситуация поначалу также была весьма благоприятной, по утверждению Карамзина, для московской политики.

Как видим, даже такой сторонник монархической самодержавной России, как Карамзин, признавал гражданские свободы в Новгороде, видел все ужасы введения московской власти, однако при этом одобрял политику Москвы, исходя из идеи строительства Москвой великой России, в которой новгородской свободе не было места. Тем более неудивительно, что, рассматривая вопрос о добровольном желании Новгорода присоединиться к ВКЛ, историк ни словом не обмолвился о близости общественного устройства Новгорода и польско-литовского государства, хотя и привел весьма приемлемые для новгородской свободы условия их сосуществования.

Данные положения историк выводил также из своего тезиса об исключительной роли монархов в политике государств. Так, отмечая, что «несмотря на взаимную ненависть между сими двумя державами, ни одна сторона не хотела явной войны», историк, тем не менее, считал, что «Казимир, уже старый и всегда малодушный, боялся твердого, хитрого, деятельного и счастливого Иоанна, увенчанного славою побед; а великий князь отлагал войну по внушению государственной мудрости: чем более медлил, тем более усиливался и вернее мог обещать себе успехи; неусыпно стараясь вредить Литве» [23, с. 481]. Подобным образом он описывал и отношение приемника Казимира — Александра: «...новый государь литовский, Александр, все-го более желал мира с Россиею, от юных лет слышав непрестанно о величии и победах ее самодержавца» [23, с. 482].

Рассматривая историю взаимоотношений Москвы и польско-литовского государства в конце XV — первой половине XVI века, до начала царствования Ивана IV Грозного, Карамзин выделял ряд русско-польско-литовских войн этого периода, дипломатические отношения между ними, наиболее яркие, по его мнению, эпизоды этих отношений. Данное повествование ведется на фоне основного рассказа об истории России и прежде всего западной политики Москвы, направленной на присоединение всеми возможными способами западнорусских земель: прежде всего военными, но и дипломатическими (используя против Польши и ВКЛ как германские христианские государства, так и «бусурманские» Турцию и Крым), конфессионально-этнических, брачно-династических и т. д. При этом историк признавал, что Москва сама, используя в Литве в своей политике конфессиональный фактор, активно использовала против Польши и ВКЛ также и «врагов веры Христовой» [23].

Положение Литвы относительно ее соперничества с Москвой, утверждал историк, осложнилось после смерти Казимира в 1492 году: «Сей случай казался благоприятным для России: Литва, избрав себе иного властителя, уже не могла располагать силами Польши» [23, с. 482]. Москва, как признавал Карамзин, сразу же решила воспользоваться ситуацией: Иван послал своих послов к Менгли-Гирею, убедить его, чтобы он воспользовался смертью короля и шел на литовскую землю, а также с аналогичным предложением к Стефану Молдавскому [23, с. 483].

Важным моментом в рассуждениях Карамзина о русско-польско-литовских отношениях данного периода становится конфессиональный вопрос. При этом весьма

знаменательно, что историк, признавая в этой борьбе важность религиозного фактора и часто его отмечая как причину войн, особенно в борьбе за земли Литовской Руси, не всегда ставил его на первый план, как это будет впоследствии в русской консервативной историографии XIX – начала XX веков. Так, если при описании войн России и польско-литовского государства историограф считал религиозный вопрос определяющим, то уже тематика разделов Речи Посполитой и польский вопрос в его интерпретации избавлены от этой доминирующей проблематики. Вместе с тем Карамзин на страницах своей «Истории» не смог удержаться, следуя за русской публицистикой XVI века, от интерпретации конфликта с Польшей как пролития невинной христианской крови, но только с одной стороны, конечно, российской. Трактовка польско-московского противостояния как цивилизационно-конфессионально-противостояния была характерной чертой московской политической литературы XVI – XVII веков. Исходя из ее интерпретации православное войско, защищающее истинную Христову веру, последовательно противопоставляется именно по признаку наличия или отсутствия этой веры католикам-полякам, которые нередко ставятся русским историком на одну доску то с мусульманами, то с язычниками [23–26].

Описывая войны Ивана III, историк даже утверждал, рисуя величайшее миролюбие московского князя в отношении Александра, что именно религиозный вопрос и вызвал войну между Москвою и ВКЛ: «...война едва ли могла бы открыться между ими, если бы в распрю их не замешалась вера. <...> Иоанн долго сносил грубости зятя; но терпение его исчезло, когда надлежало защитить православие от латинских фанатиков» [23, с. 510]. Описывая существующее, по его мнению, преследование православия, историк употребляет весьма эмоциональные и красочные определения, действующие на сознание и воображение читателя: «В Литве открылось гонение на восточную церковь», «между тем гонение на греческую веру в Литве продолжалось» и т. д. [23, с. 510–511]. При этом сам Карамзин по ходу своего повествования не один раз признавал на конкретных фактах религиозную веротерпимость в ВКЛ и чрезмерность московских требований, однако это не мешало ему делать подобного рода общие выводы о массовых преследованиях православия в польско-литовском государстве.

Следует отметить, что историк, говоря о гонениях православия в Литве, не приводит конкретных примеров, а пишет только о католической и униатской пропаганде (решений Флорентийского собора) среди православных. Ответом на такие «гонения», по Карамзину, стала негативная реакция православного населения ВКЛ: «...ревностные в православии христиане гнушались латинским соблазном и многие выехали в Россию» [23, с. 511]. Далее историк признает, что «принимая к себе литовских князей с их поместьями, Иоанн нарушал мирный договор; но оправдывался необходимостью быть покровителем единоверцев, у коих отнимают мир совести и душевное спасение» [23, с. 511]. Следует также отметить, что историк не называет источников информации Ивана III, которым он поверил: «...уведомили великого князя, что в Литве открылось гонение на восточную церковь» [23, с. 510], в то время как дочь Ивана III, великая княгиня литовская Елена, которая «сохранила чистоту веры своей <...> уверяла родителя, что она любима мужем, свободна в исполнении обрядов греческой веры и всем довольна» [23, с. 510].

Весьма показательно, что Карамзин, говоря о религиозной политике Александра и показывая преследующий православия в принципе, считал ее соответствующей государственным интересам ВКЛ: «Может быть, он хотел и государственного блага, думая, что единоверие поданных утверждает основание державы: сие неоспоримо» [23, с. 510]. Однако он подчеркивал, что такая политика весьма опасна и должна проводиться умело и осторожно: «...но предприятие опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и действовать более хитростию, нежели явною силою, или вместо желаемого добра произведешь бедствия: для того язычник Гедимин, католик Витовт и отец Александров, впрочем суевренный, никогда не касались совести людей в делах Закона» [23, с. 510].

В отношении России в данном томе и в последующих томах своей «Истории» Карамзин неоднократно с одобрением описывал успешные, умелые и последовательные действия Москвы по христианизации завоеванных мусульманских регионов на востоке. Так, историк неоднократно отмечал, что российские завоевания на востоке способствовали возрождению христианства на землях между Черным и Каспийским морями, некогда принадлежавших Византии. Карамзин с одобрением описывал случаи, когда языческие или мусульманские князьки крестили своих детей или принимали христианство сами. Среди таких случаев историограф описывал и обращение в православие и в русскую службу вчерашних врагов: «Сын Кучюмов Абдул-Хаир, взятый в плен еще в 1591 году, принял тогда христианскую веру и был назван Андреем» [26, с. 13]. При этом Карамзин, как отмечается в польской историографии, явно считал, что распространение христианства на этих землях Россией проводилось «поистине евангелистскими методами», так как нигде историк не говорил о насильственном введении православия или о преследованиях за веру [8, с. 89].

Интересным моментом описываемого ученым русско-польского соперничества и попыток Ивана III подчинить ВКЛ как свое законное наследственное владение были конфессионально-политические обстоятельства женитьбы короля Александра на Елене, дочери Ивана III. При этом историк открыто признавал, что литовский князь этим способом и литовская магнатерия надеялись обеспечить мир с Москвой, а Иван III хотел использовать его для влияния на Литву и использовался конфессиональный фактор: московские владыки, которые не допускали себе неправославных жен (эта традиция сохранится и в императорской России. – Т. К.) настаивали и настояли на сохранении Еленой православной веры. Карамзин так описывает эти обстоятельства: «Государь изъявил согласие выдать дочь свою, Елену, за Александра, взяв слово, что он не будет нудить ее к перемене веры» [23, с. 488]. Карамзин, вполне соглашаясь со стандартами поведения московских владык, подробно описывает инструкции поведения, данные Елене уже как жене иностранного государя ее отцом Иваном III: «Память великой княжне Елене. В божицу латинскую не ходить, а ходить в греческую церковь: из любопытства можешь видеть первую или монастырь латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и прикажет тебе идти с собою в божицу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь. <...> В тайном наказе велено было требовать, чтобы Елена венчалась в греческой церкви, в русской одежде. <...> Иоанн

не забыл ничего, — добавляет историк, — в своих записках» [23, с. 489–490].

Несмотря на то, что Елена осталась в православии («сохранила чистоту веры своей»), для нее специально была построена церковь; «однако же, Иоанн, — отмечает Карамзин, — не престаивал беспокоиться, посылал ей душеспасительные книги, твердил о Законе» [23, с. 510]. Положение о сохранении Еленой православия, несмотря на сложность своей ситуации («ни ласки, ни гнев мужа, ни хитрые убеждения коварного отступника, смоленского владыки, не могли поколебать ее твердости в Законе»), Карамзин подтверждает, ссылаясь также на польские источники: «...она всегда гнушалась латинским, как пишут историки польские» [23, с. 511].

Как видим, несмотря на этот брачный союз, Карамзин признает, что Иван III постоянно нарушал его условия, проводя прежнюю враждебную политику в отношении Литвы. Так, описывая эпизод вторжения турок в земли Польши и Литвы, он отмечал: «В 1497 году войско султанское перешло Дунай, угрожая Литве и Польше: Иоанн велел сказать зятю, что россияне в силу мирного договора готовы помогать ему, когда турки действительно вступят в Литву. Но сие обещание не было искренним: султан успел бы взять Вильну прежде, нежели россияне тронулись бы с места» [23, с. 509]. Отмечает историк также продолжающееся подстрекательство Москвой нападения крымского хана на русские земли ВКЛ, приводя отрывок из письма Александра Ивану III, апеллирующего к их родству и одной вере христианской: «К изумлению и прискорбию моему сведая, что ты, вопреки клятвенному обету искреннего доброжелательства, умышляешь против меня зло в своих тайных сношениях о Менгли-Гиреем. <...> Брат и тесть! вспомни душу и веру!» [23, с. 509].

Во времена Ивана III, отмечал Карамзин, произошли весьма важные изменения в структуре отношений территориальных русских княжеств и центральной власти в Вильно и Москве. «Со времен Витовта, — писал историк, — удельные князья древней земли черниговской были подданными Литвы; видя наконец возрастающую силу Иоанна, склоняемые к нему единоверием и любезным их сердцу именем русским, они начали переходить к нам с своими отчинами и для успокоения совести давали только знать Казимиру (следует обратить внимание на трактовку ухода в иное государство его территорий, а в отношении Москвы эти же действия историком назывались предательством. — Т. К.), и что слагают с себя обязанность его присяжников» [23, с. 481]. Противоречили такие действия и договору Ивана III и Александра, который декларировал традиционно дружественные отношения, свободу торговли и вместе с тем запрет приема иностранных подданных. Этот договор приводит ученый на страницах своей «Истории России»: «1) Жить обоим государям и детям их в вечной любви и помогать друг другу во всяком случае; 2) владеть каждому своими землями по древним рубежам; 3) Александру не принимать к себе князей вяземских, новосильских, одоевских, воротынских, перемышльских, белевских, мешерских, говдыревских, ни великих князей рязанских, остающихся на стороне государя московского, коему и решить их спорные дела с Литвою; <...> 7) послам и купцам ездить свободно из земли в землю» и проч. [23, с. 488].

Таким образом, рассмотрев многочисленные аспекты польско-литовско-русских отношений и как главную проблему западнорусские земли, Карамзин приходит к выводу, противоречащему его общей теории: «Заметим, нако-

нец, что время уже приучило северную Россию смотреть на литовскую как на чуждую землю; в обычаях и нравах сделалась перемена, и связь единородства ослабела» [23, с. 488]. Как невольное доказательство этому ученый приводит пример многочисленной и добровольной мобилизации шляхты ВКЛ, в том числе и православной, вместе с католической Польшей на войну с единоверной Москвой, причем героем с литовской стороны этой проигранной Россией войны стал, как отмечается, православный предок галицких князей — Острожский: «В самом деле, никто не служил Литве и Польше усерднее Острожского, брата россиян в церкви, но страшного врага их в поле» [23, с. 513].

«Иоанн, отняв у Литвы некоторые области, — продолжал историк, — был доволен сим знаком превосходства сил и лучше хотел миром утвердить приобретенное, нежели войною искать новых приобретений» [23, с. 488]. Возможно, такое признание отражало частичное понимание им уже начавшегося иного исторического пути западнорусских земель в составе польско-литовской государственности. А возможно, должно было оправдать, хотя бы в какой-то степени, направление Москвой разорительных набегов крымских татар на русские земли ВКЛ. Вместе с тем историк придерживался мнения, несмотря на уже видимые отличия в развитии восточнославянских народов, о существовании единого русского народа и единой России, о чем свидетельствует также и его оценка политических задач западной политики России XV — XVII веков. Было это следствием его исторических взглядов, отражающих понимание народа (нации) в гердеровской интерпретации — единства традиций, веры, языка, территории, а также концепции «большой русской нации», начавшейся формироваться во времена Екатерины II и сложившейся при С. С. Уварове на основе исторической традиции в тесной связи с потребностями внешней и внутренней политики. Данное положение отмечалось В. А. Францевым, который писал, что М. П. Погодин первым открыл образованному обществу глаза на западную границу русского народа [32]. Как отмечается в современной российской историографии, «концепция общерусской нации» была не просто популярна, а фактически принята большинством русских ученых XIX — начала XX веков самых разных политических ориентаций [33, с. 6]. Советская историческая наука придерживалась теории древнерусской народности; исходя из этого этнокультурное взаимодействие восточного славянства в XVII — XIX веках в концептуальном отношении привлекало к себе значительно меньшее внимание.

Положение о различиях в развитии восточных славян признается в настоящее время и в современной российской историографии. Так, по мнению Б. Н. Флори, с конца XIV века пути исторического развития двух частей восточных славян разошлись. Те из них, которые оказались в составе ВКЛ и Польши, пошли по одному пути, а путь восточных славян, объединившихся в рамках Русского государства, был иным. Хотя сохранялось много общего в исторических традициях, верованиях, обычаях, вместе с тем одновременно на протяжении XV — XVI веков постепенно нарастала большая сумма сначала социальных, а затем и культурных отличий. Как представляется, объективным итогом этого стало то, что где-то к XVII веку по обе стороны границы стали воспринимать другую часть восточных славян как близкий, родственный, но все-таки иной, особенный народ. Соответственно, в Речи Посполитой сложилось представление о том, что и русский народ живет на ее территории, а за границей живет род-

ственный ему московский народ (москвиты). У «москвитов», также отождествлявших себя с русским народом, появляется наименование всего восточнославянского православного населения Речи Посполитой «белорусцами» [33, с. 8–9].

Общий результат польско-литовской политики Ивана III в оценке Н.И. Карамзина был не вполне удовлетворенным, так как он не смог выполнить поставленных здесь внешнеполитических задач. И все это притом, что Карамзин, напоминая его путь возвышения Москвы, его прозвище среди современников – Иван Грозный, считал его истинным основателем величия Москвы и российского самодержавия: «Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды, подобной нынешним киргизским, сделался одним из знаменитейших государей в Европе. <...> Силою и хитростию восстанавливая свободу и целостность России, губя царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая уделы, расширяя владения московские до пустынь сибирских и норвежской Лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства» [23, с. 537].

Историк, рассказывая о величии наследия Ивана III и его методах во внешней политике, в целом весьма одобрительно о них отзывался, хотя и не всегда это были славные подвиги: «Он казался иногда боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия осторожность есть вообще благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность». Карамзин ставил, однако, на практическую почву результаты его деяний и великого героя прошлого: «Что оставил миру Александр Македонский? – славу. Иоанн оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, еще сильнейшее духом правления, то, которое ныне с любовью и гордостью именуем нашим любезным отечеством. Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла в нашествии моголов: Россия нынешняя образована Иоанном» [23, с. 540]. Он сравнивал Ивана III по его роли в истории России с Петром I и даже высказывался в пользу первого: «Оба, без сомнения, велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных» [23, с. 540].

Объясняет Карамзин причины неудачи польско-литовской политики Ивана III рядом объективных и субъективных обстоятельств, во многом исходящих из его общей концепции истории России. На первый взгляд, считал он, довольно трудно объяснить неудачу Ивана III в литовском направлении, как он выразился, «не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбие Иоанна»,

при его столь великолепной оценке, при наличии благоприятной международной ситуации, внутренней слабости Литвы, решительного перевеса русского этнического элемента над собственно литовским в княжестве, а главное – огромного перевеса в военном потенциале России над ВКЛ.

Все обстоятельства в данный период, считал историк, складывались в пользу России для решения вопроса русских земель ВКЛ: «Все ему благоприятствовало: он имел сильное, опытное войско, друзей в Литве и счастье, важное в делах человеческих; видел ее боязнь и слабость; мог обещать себе редкую славу и даже христианскую заслугу, то есть возратить отечеству лучшую его половину, а церкви шесть или семь знаменитых епархий, насилем латинским отторженных от ее истинного, общего пастырства» [23, с. 486].

Историк выделяет две основные личностные причины, по его мнению, приведшие к данной ситуации: были это черты характера монарха и его возраст: «Но мы знаем характер Иоаннов, для коего умеренность была законом в самом счастье; знаем ум его, который не любил отважности, кроме необходимой. Властвовав уже более тридцати лет в непрестанной и часто беспокойной деятельности, он хотел тишины, согласной с достоинством великого монарха и благом державы. <...> Вообще люди на шестом десятилетии жизни редко предпринимают трудное и менее обольщаются успехами отдаленными» [23, с. 486]. Таким образом, в данном случае в отношении Польши и Литвы, Карамзин осуждает чрезвычайную осторожность Ивана III, хотя в целом ее одобрял.

Далее по тексту историк отмечает как одно из главных препятствий для Москвы в овладении землями русской Литвы – это также помощь Польши, обладающей значительным потенциалом, литовскому княжеству: «Покушение завоевать всю древнюю южную Россию возбудило бы против нас не только Польшу, но и Венгрию, и Богемию, где царствовал брат Александров, Владислав; надлежало бы воевать долго и не распускать полков: что казалось тогда невозможностию. <...> Союз хана крымского и Стефана Великого, полезный для усмирения Литвы, не мог быть весьма надежен в усильном борении с сими тремя государствами» [23, с. 486].

Вместе с тем, с другой стороны, Карамзин утверждал, что также Польша и Литва соединенными силами не смогли одержать победы над Россией: «Король польский не имел надежды одолеть Россию, сильною многочисленностию войска и великим умом ее государя. <...> Литва истощалась, слабела: Польша неохотно участвовала в сей войне разорительной» [23, с. 525]. Однако данное положение находится в противоречии с признанием Карамзиным того, что Литва не имела в этот период завоевательных намерений в отношении России: «Но князь литовский в самом деле не мыслил о завоеваниях: изведав опытом могущество Иоанново, утратив и войско, и знатную часть своей державы» [23, с. 517].

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Миллюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Миллюков. – М., 1913. – 342 с.
2. Гулыга, А. В. Великий памятник культуры / А. В. Гулыга / Карамзин Н. М. История государства Российского. – М., 1989. – Т. 1. – С. 460–480.
3. Шмидт, С. О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России / С. О. Шмидт // Исто-

рия государства Российского / Н. М. Карамзин. – М., 1988. – Т. 1. – С. 28–43.

4. Эйдельман, Н. Последний летописец / Н. Эйдельман. – М.: Книга, 1983. – 176 с.

5. Сахаров, А. Н. Николай Михайлович Карамзин / А. Н. Сахаров / Историки России XVIII – XX веков. – М., 1996. – С. 78–123.

6. Володина, Т. А. «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. / Т. А. Володина // Вопросы истории. – М., 2002. – № 4. – С. 147–161.
7. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. – Warszawa, 1970. – 518 s.
8. Blachowska, K. Narodziny imperium. Rozwoj teritorialny państwa carow w ujeciu historykow rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Blachowska. – Warszawa, 2001. – 310 s.
9. Filatowa, N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej / N. Filatowa // Polacy i Rosjanie. – Warszawa, 2002. – S. 21–34.
10. Казаков, П. Б. Фрагменты о России и Польше в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина / П. Б. Казаков / Карамзинский сборник: Национальные традиции и европеизм в русской культуре. – Ульяновск, 1999. – С. 8–15.
11. Лелевель, И. Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина / И. Лелевель // Северный архив. – 1822. – Ч. 4. – С. 402–434, 486–506; 1823. – Ч. 5. – С. 91–100; Ч. 8. – С. 52–80, 147–160, 287–297; Ч. 9. – С. 41–57, 91–103, 163–172; Ч. 11. – С. 132–143, 187–195; Ч. 12. – С. 47–53; 1825. – Ч. 13. – С. 60–84, 182–201, 271–278; Ч. 14. – С. 176–197, 362–372.
12. Nowak, A. Radzieckie biografie Karamzina (w związku z książkami: Natan Ejdelman, Poslednij lietopisiec, Moskwa 1983, s. 174; Jewgienij Osietrow, Tri żizni Karamzina, Moskwa 1985, s. 302) / A. Nowak // Przegląd Historyczny. – Т. XXVII. – 1986. – Zesz. 4. – S. 745–751.
13. Аржакова, Л. М. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. / Л. М. Аржакова, В. А. Якубский // Albo dies notanda lapillo. Коллеги и ученики Г. Е. Лебедевой. – СПб., 2005. – С. 173–193.
14. Аржакова, Л. М. Тема русско-польских отношений в трудах Н. М. Карамзина / Л. М. Аржакова // Страницы Российской истории. Проблемы, события, люди. – СПб., 2008. – С. 23–32.
15. Аржакова, Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. – 343 с.
16. Аржакова, Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века / Л. М. Аржакова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. – 543 с.
17. Кручковский, Т. Т. Польская проблема в русской исторической мысли XIX – начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. – Гродна, 2000. – № 3. – С. 9–20.
18. Кручковский, Т. Т. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII – начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. – 2006. – № 3(39). – С. 24–31.
19. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции Н. М. Карамзина / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. – 2008. – № 3. – С. 3–11.
20. Кручковский, Т. Т. Российско-польские отношения в первой половине XIX века и их влияние на развитие исторической полонистики в России / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. – 2009. – № 1. – С. 72–79.
21. Кручковский, Т. Т. Общественно-политические условия развития исторической полонистики в России второй половины XIX века / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. – 2009. – № 3. – С. 73–82.
22. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос / Т. Т. Кручковский. – Гродно. – 2011. – 418 с.
23. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1842. – Кн. II. – Т. IV.
24. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1842. – Кн. 2. – Т. V.
25. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М., 1908. – Т. XI.
26. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М., 1908. – Т. IX.
27. Lowniański, H. Lelewel jako historyk Litwy i Rusi / H. Lowniański // Lelewel, J. Działa. – Warszawa, 1964. – Т. I. – S. 3–48.
28. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т. Т. Кручковский // Наш радавод. – Гродна, 1994. – Кн. 6. – Ч. II. – С. 218–417.
29. История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). – М.: Международные отношения, 1999. – 447 с.
30. Koneczny, F. Dzieje polszczenia się Litwy / F. Koneczny. – Wilno, 1929.
31. Зимин, А. А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. / А. А. Зимин. М.: Мысль, 1991. – 288 с.
32. Павленко, Н. И. Михаил Погодин. / Павленко Н. И. – М.: Памятники исторической мысли. – М., 2003. – 360 с.
33. Восточные славяне в XVII – XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие. Материалы «круглого стола» // Славяноведение. – М., 2002. – № 3. – С. 3–35.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.07.2017.

Л. А. ГАЩЕНКО,
кандидат философских наук, доцент
О. В. ВАЛЬКО,
старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта
Витебской государственной академии ветеринарной медицины

ФИЗИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

УДК 378.172:37035.4–057.87

В статье соотносятся и определяются понятия «физическая социализация», «физическое образование», «физическое обучение», «физическое воспитание», «физическая культура», «гражданско-патриотическая социализация»; исследуются состояние и динамика физического воспитания старшеклассников и студентов; анализируются упущения в физической социализации учащейся молодежи; рассматривается актуализация гражданско-патриотических ценностей в сознании современного поколения в процессе физического обучения и воспитания.

The article correlates and defines the concepts “physical socialization”, “physical education”, “physical training”, “physical upbringing”, “physical culture” and “civil-patriotic socialization”. The article explores the state and dynamics of physical education of senior pupils and students, analyzes gaps in the physical socialization of young students and considers the actualization of civil-patriotic values in the consciousness of the current generation in the process of physical education and upbringing.

С обретением Республикой Беларусь подлинной независимости гражданско-патриотическая социализация учащейся молодежи стала очень важным направлением в ее становлении и развитии. В своих программных выступлениях глава государства говорит об этом постоянно [1]. Гражданско-патриотическая социализация личности представляет собой синкретичный процесс, направленный на выработку у нее целостной системы политических, правовых и нравственно-созидательных ценностей [2]. Это ключевая составляющая социализации личности. Она призвана пронизывать все содержание отечественного социально-гуманитарного образования, важной компонентой которого является и физическое воспитание.

Сущность физического воспитания заключается в гармонизации телесной структуры индивида, выступающей в качестве материальной основы его духовного субстрата — потребностей, интересов, целей, идеалов, мировоззрения в целом. Человек просто не может существовать и полноценно развиваться вне своего материального основания, которое, как и вся объективная реальность, обладает природной действительностью: существует независимо от человеческого сознания. Для того чтобы все элементы телесной структуры индивида находились в оптимальном состоянии и обеспечивали его духовное развитие, необходимо совершенствовать и сам процесс физического воспитания.

К слову, в настоящее время значимость физического воспитания, обязывающего усиливать единство природных и духовных факторов в жизнедеятельности личности, постепенно снижается, незаметно ослабевает. Хотя в официальных постановлениях — научной и публицистической литературе о его актуальности говорится постоянно. Недостаточную оценку этого важного процесса в социализации личности можно обнаружить в самом определении обозначенного понятия.

В качестве примера сошлемся на некоторые признанные постсоветские учебники «Теория и методика физического воспитания и спорта». В частности, российские авторы Ж. К. Холодов и В. С. Кузнецов под физическим воспитанием понимают определенный вид воспитания, специфическим содержанием которого являются обучение движениям, воспитание физических качеств, овладение специальными физкультурными знаниями и формирование осознанной потребности в физкультурных занятиях [3, с. 7].

В другом российском источнике понятие «физическое воспитание» определяется как «системное освоение человеком рациональных способов управления своими движениями, приобретения необходимого фонда двигательных умений, навыков и связанных с ними знаний» [4]. Такая же редуцированная, упрощенная дефиниция указанного понятия дается в отечественном фундаментальном издании — «Спортивная энциклопедия Беларуси» [5].

Вместе с тем в советской научной литературе гражданско-патриотические ценности включались в содержание понятия «физическое воспитание» в качестве одного из важных его компонентов. Так, в учебнике «Теория и методика физического воспитания» (в то время был ведущим), автором которого является российский ученый Л. П. Матвеев, подчеркивается, что в «системе физического воспитания, составляющей неотъемлемую часть социалистического воспитания, преследуется цель на основе полноценного использования факторов физической культуры реализовать возможности оптимального физического развития людей, всестороннего совершенствования свойственных им способностей в единстве с воспитанием духовных и нравственных качеств, характеризующих общественно активную личность» [6, с. 12].

Конспективный обзор отечественных и зарубежных постсоветских авторов, определяющих понятие «физическое воспитание», говорит о том, что в его содержании существенно ослаблена гражданско-патриотическая составляющая. Занятия физическими упражнениями в основном ориентированы на выработку у обучаемых двигательных навыков и физических качеств.

Более тщательное знакомство с научной литературой по обозначенной проблеме свидетельствует еще и о том, что в ней отсутствует определение понятия «физическая социализация», которая чрезвычайно важна в повседневной жизнедеятельности людей. Безусловно, не разработанность этого термина значительно затрудняет процесс формирования у молодежи ее физических, социально-психологических и гражданско-патриотических качеств.

Актуальность понятия «физическая социализация» обусловлена самой телесной природой обучающихся (и не только их), которые просто обязаны следить за состоянием своего здоровья. Ведь физическое и социально-психологическое недомогание населения вызывает негативные общественные последствия: оно приносит огромный материальный и духовный ущерб народному хозяйству; граждане со слабым здоровьем не способны эффективно и действенно защищать родное государство, что существенно снижает его национальную безопасность.

Каждый человек обязан обладать чувством ответственности перед обществом за сохранение своего здоровья и здоровья своих близких. Формирование этого чувства детерминировано стихийными и сознательными процессами физического, социально-психологического и духовного развития личности. Эти процессы определяют содержание понятия «физическая социализация». По своему объему оно значительно шире понятия «физическое воспитание». Научно-методологическое обоснование термина «физическая социализация» позволяет, на наш взгляд, откорректировать очень важные педагогические понятия: «физическое воспитание», «физическое образование», «физическое совершенство» и др.

В частности, упомянутые выше российские авторы Ж. К. Холодов и В. С. Кузнецов, определяя теорию физического воспитания, выделяют в ней следующие основные составляющие: 1. физическое воспитание, 2. физическую подготовку, 3. физическое развитие, 4. физическое совершенство, 5. спорт [3, с. 6–7].

При определении, скажем, понятия «физическое воспитание» возникают некоторые логические затруднения: как содержание этого термина соотнести с самой теорией физического воспитания? Ведь, согласно философской дефиниции, теория, в широком смысле слова, понимается

как комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение каких-либо явлений; в узком и специальном смысле — она рассматривается в качестве высшей, самой развитой формы организации научного знания, дающей целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории [7, с. 676]. Из определения понятия «теория физического воспитания» трудно уяснить, в каком смысле оно трактуется — в узком или широком; чем оно отличается от дефиниции самого термина «физическое воспитание»?

Более того, ограничивая определение физического воспитания только двигательными навыками и физическими качествами личности, авторы упускают из поля зрения стихийные процессы, которые также играют немаловажную роль в ее физическом развитии. Другими словами, не только физическое воспитание способствует формированию здорового образа жизни обучаемых, но и стихийные факторы (двор, улица, родные, близкие, друзья, товарищи по учебе и др.) также оказывают значимое влияние на их физкультурно-оздоровительную деятельность. Поэтому субъекты физического воспитания призваны строить свою работу так, чтобы сознательная составляющая — целенаправленное воздействие социальной среды на личность (в нашем случае учебные заведения) — постепенно превращались в доминирующую компоненту в физическом развитии учащейся молодежи.

К тому же редуцированное (упрощенное) понимание физического воспитания, как уже указывалось, не способствует выработке у обучаемых должных гражданско-патриотических приоритетов. Несомненно, основой этих приоритетов является семья. Именно в ней закладываются базовые ценности личности. Тем не менее образовательные социальные институты выступают в качестве очень важного звена в социализационном процессе учащейся молодежи, в котором терминальные приоритеты, сформированные в семье, корректируются и развиваются на более высоком, общественно значимом уровне.

В целом же под социализацией принято понимать «процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе. Социализация охватывает все процессы приобщения к культуре, коммуникации и научения, с помощью которых человек приобретает социальную природу и способность участвовать в социальной жизни» [8].

В современной отечественной и зарубежной научной литературе выделяют политическую, правовую, нравственную, экологическую, педагогическую и другие разновидности социализации. Одним из авторов настоящей статьи (Л. А. Гашенко) в научный оборот введено понятие «физическая социализация», под которой понимаются стихийные и сознательные процессы приобщения и присвоения личностью определенной системы физических, спортивных, социально-психологических и культурно-оздоровительных знаний, ценностей, норм и традиций, необходимых ей для оптимизации своего анатомо-физиологического состояния, сохранения и укрепления здоровья, активной деятельности на благо Отечества [9].

Как мы уже отмечали выше, понятие «физическое» подразумевает природные морфо-функциональные свойства организма, генезис которого, по словам упомянутого выше российского автора Л. П. Матвеева, происходит по его естественным закономерностям, которые никто не волен

упразднить (закономерности возрастной последовательности неравномерности развития, взаимодействия генетических и средовых факторов и др.). Развертываясь по естественным законам, процесс физического развития человека одновременно во многом обусловлен конкретными общественными условиями жизни, деятельностью и особенно физическим воспитанием [6, с. 8].

Физическая социализация личности осуществляется перманентно, в процессе своего становления и развития личность постоянно испытывает воздействие трех социализационных уровней: микросреды (семьи и ближайшего окружения), мезосреды (трудовых коллективов) и макросреды (общества в целом). Физическая социализация охватывает различные слои населения, каждый из которых, находясь на определенной ступени социальной лестницы, имеет собственное представление о ценностях физической культуры, физической красоты, физического здоровья.

Стихийными процессами не так легко управлять. Их актуальность заключается в том, что они во многом определяют развитие личности. Ведь повседневность больших масс людей ограничивается в основном их обыденным сознанием. Это сознание в процессе воспитания граждан постепенно наполняется научным содержанием, вытесняя из него спонтанные, во многом несистематизированные и поверхностные, представления о здоровье, здоровом образе жизни. Физическое воспитание, подчеркнем это еще раз, является сознательной составляющей физической социализации личности. Оно осуществляется учреждениями образования, специально подготовленными для этой деятельности субъектами воспитательного процесса: преподавателями физической культуры, учителями допризывной подготовки, спортивными тренерами, инструкторами, врачами и т.д. Физическое воспитание выступает в качестве ключевой компоненты в системе физической социализации населения Республики Беларусь.

Целью физического воспитания является физическое совершенство граждан молодого белорусского государства, под которым в советское время понимали «такой уровень развития человека, как:

крепкое здоровье, основанное на активной деятельности всех систем человеческого организма;

всестороннее, гармоничное развитие всех физических качеств в единстве с морально-волевыми качествами, создание большого запаса двигательных навыков. Повышение на этой основе функциональных возможностей организма; приобретение высокой общей и специальной работоспособности организма, обеспечивающей возможность длительной высокопроизводительной деятельности;

гармоничное развитие фигуры, достижение четкой координации движений» [10].

Мы специально сослались на определение понятия «физическое совершенство», которое в советской научной литературе было доминирующим. Дело в том, что в современных учебниках по теории и методике физического воспитания и спорта это понятие, как и понятие «физическое воспитание», зачастую трактуется упрощенно и однобоко: в нем весьма слабо прослеживается гуманистический потенциал, который в то время присутствовал и в физической социализации в целом, и в физическом воспитании в частности. Ведь результатом этих, чрезвычайно важных, составляющих социализационного процесса учащейся молодежи была и продолжает оставаться

физическая культура. Она представляет собой систему физических, социально-психологических и духовно-оздоровительных ценностей, которую личность осваивает в процессе физической социализации.

Между тем в постсоветских отечественных и зарубежных источниках нередко можно обнаружить расплывчатые и некорректные определения понятия «физическая культура». Оно зачастую трактуется то «как одна из сфер социальной деятельности, направленная на укрепление здоровья, развитие физических способностей человека и применение их в соответствии с запросами общества», то «как рациональное использование человеком двигательной деятельности в качестве фактора оптимизации своего состояния и развития, физической подготовки к жизненной практике. Таких «научных» трактовок понятия «физическая культура» в соответствующих учебниках можно встретить немало.

На наш взгляд, основной методологический недостаток этих определений заключается в том, что понятие «физическая культура» многими авторами рассматривается не как результат физического обучения и воспитания, а как их процесс, средствами которого являются анатомо-физиологические, морфологические, валеологические, психологические, культурологические и другие знания, умения, навыки, занятия физическими упражнениями и различными видами спорта. Поэтому не удивительно, что в научных публикациях часто встречается некорректное выражение «заниматься физической культурой».

В целом культура представляет собой «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к самим себе» [7, с. 292].

Проще говоря, в культуре фиксируются ценности, идеалы, нормы и т.д. больших масс людей, которые осваиваются личностью в процессе ее социализации. Опираясь на философское определение понятия «культуры», под физической культурой мы будем понимать систему физических, социально-гуманистических и духовно-оздоровительных ценностей индивида.

Если же их конкретизировать, то к ним следует отнести здоровье сберегающие и культурно-гуманистические приоритеты, такие как: развитые физические качества индивида (сила, быстрота, гибкость, ловкость, выносливость), улучшенное физическое состояние, повышенное настроение, здоровый образ жизни, оптимизм и др.

Эти ценности целенаправленно вырабатываются средствами физического образования, включающего в себя два важнейших взаимосвязанных компонента: физическое обучение и физическое воспитание. И средства физического образования, и его цель — физическая культура — находятся в определенной диалектической сопряженности: они друг друга предполагают и взаимобулавливают, но содержание их объемов не совпадает, а поэтому — не тождественно. Первое понятие — «физическое образование» — выражает процесс, второе — «физическая культура» — результат физической социализации личности. Иными словами, физическое обучение и физическое воспитание не следует трактовать расширительно: в качестве процесса и результата. Физической культурой — готовыми ценностями — не занимаются, их формируют. Они являются предметом выработки физического образования.

Мы не случайно заострили внимание на подробном анализе методологических проблем физической социализации учащейся молодежи. Ведь без их научного обоснования невозможно эффективно и действенно исследовать взаимосвязь стихийных и сознательных факторов физической социализации, как эти факторы способствуют формированию у обучающихся гражданско-патриотических приоритетов.

Опираясь на сделанные нами научно-методологические разработки, мы на протяжении последнего десятилетия провели социологические замеры по теме «Гражданско-патриотические составляющие физического воспитания учащейся молодежи». Общая цель исследования была конкретизирована в следующих задачах:

в анализе приоритетности здоровья в системе ценностных ориентаций молодых людей;

в определении роли физического воспитания и в выработке их социально-психологических и гражданско-патриотических качеств;

в исследовании сопряженности стихийных и сознательных факторов в физической социализации обучающихся;

в изучении мотивации респондентов, занимающихся физическими упражнениями и спортом во внеурочное время.

Гипотеза социологических замеров была сформулирована следующим образом: в физическом воспитании учащейся молодежи ослаблена его гражданско-патриотическая компонента.

Динамика проведенных социологических исследований была такой: в 2006 – 2007 гг. опрашивались старшеклассники сельских и городских школ Витебской, Гомельской, Минской и Могилевской областей. Всего было проанкетировано 1276 респондента 10-х и 11-х классов. Гендерная составляющая оказалась следующей: девушки — 61 % (784), юноши — 39 % (492) [11]. В 2008 – 2009 гг. анкетировались студенты 1 – 4 курсов Витебской государственной академии ветеринарной медицины (ВГАВМ). Из них девушки составили 84%; юноши — 16%. Было опрошено 302 респондента. В 2016 г. так же анкетировались студенты ВГАВМ (304 респондента). Из них девушек — 90%, юношей — 10%.

Для транспарентного — прозрачного — анализа духовных ценностей учащейся молодежи результаты опроса зафиксированы в таблицах. В отличие от нагроможденного цифрового материала, заполняющего две трети странично-

Таблица 1. — Мнения опрошенных об уверенности в нерушимости своего здоровья

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Учащаяся молодежь						
Варианты ответов:						
Да	37	25	22	20	22	27
Нет	42	53	49	54	50	68
Затрудняюсь ответить	21	22	29	26	28	15

Таблица 2. — Распределение ответов на вопрос «Кто помогает вам глубже оценить значимость своего здоровья?»

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Учащаяся молодежь						
Варианты ответов:						
Телевизионные передачи, пропагандирующие здоровый образ жизни	19	50	9	15	0,7	16
Физкультурно-спортивные передачи	31	18	8	7	14	19
Пресса, радио, интернет	35	37	11	11	14	30
Родители, близкие	48	62	33	36	35	43
Друзья, товарищи	33	33	16	13	21	29
Спортивный тренер	18	10	11	7	50	46
Преподаватель физической культуры	18	16	11	4	21	34
Кто еще, укажите	0,2	0,2	1	7	10	8

Таблица 3. — Распределение ответов на вопрос «Насколько глубоко вы осознаете далекие последствия пагубных удовольствий (курение, употребление спиртных напитков, наркотиков, беспорядочных половых связей и др.)?»

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Учащаяся молодежь						
Варианты ответов:						
Достаточно глубоко	42	46	55	74	57	70
Приблизительно	32	34	22	14	36	20
Никогда не задумывался	17	11	9	2	7	8
Затрудняюсь ответить	9	9	14	10	14	2

Таблица 4. — Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли вы проведением занятий по физической культуре?»

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Учащаяся молодежь						
Варианты ответов:						
Да	42	40	67	55	83	55
Нет	44	40	27	30	17	24
Затрудняюсь ответить	16	20	6	15	–	21

Таблица 5. — Распределение ответов на вопрос «Если вы не удовлетворены проведением занятий по физической культуре, то почему?»

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Учащаяся молодежь						
Варианты ответов:						
Учебные занятия по физкультуре проводятся схематично, неинтересно	56	93	39	30	–	0,9
Много времени уходит на построения, строевые упражнения, команды	44	48	46	12	–	21
В зале нет современных спортивных тренажеров	67	95	75	40	15	42
Недостаточно спортивного инвентаря	42	45	–	6	–	31
Слабо учитываются желания и интересы самих учащихся, их анатомо-физиологические задатки	37	61	7,5	9	–	38
Что еще, укажите	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1

го пространства некоторых научных статей и в силу этого значительно затрудняющего исследования современных социальных проблем, фиксированные таблицы позволяют выявить те или иные тенденции в чистом виде — в отрыве от сплошных цифр.

Среди множества проблем, существующих в отечественной системе социально-гуманитарного образования, выделяется одна из ключевых — сохранение и укрепление здоровья обучающихся. В этой связи респондентам задавался исходный вопрос: «Вы уверены в нерушимости своего здоровья?». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 1.

Динамика ответов опрошенных достаточно прозрачна: абсолютное большинство респондентов не уверенно в своем здоровье. Оно не способно его адекватно оценить (см. индикаторы 2 и 3). А ведь только правильная оценка каждым индивидом своего здоровья является необходимым условием развития его физического и духовного потенциала. Более того, человек может иметь все необходимые возможности для занятий физическими упражнениями и спортом, но если он сам не будет их осознавать и прикладывать максимум усилий, то вряд ли его образ жизни будет здоровым.

В этой связи респондентам задавался уточняющий вопрос «Кто помогает вам глубже оценить значимость своего здоровья? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 2.

Цифровой материал обозначенной таблицы свидетельствует о том, что преподаватели физической культуры, спортивные тренеры, врачи не прилагают должных усилий по разъяснению значимости здорового образа жизни. Ответы респондентов говорят о том, что сознательная составляющая физического воспитания учащейся молодежи не увеличивается. Напротив, статистика этой таблицы высвечивает определенную тенденцию: как только молодые люди покидают родной очаг, степень влияния на них ближайшего окружения неуклонно снижается. Существенно ослабевает и духовное воздействие родителей на своих детей. Ведь здоровье — это не только анатомо-физиологическая ценность, но и эмоционально-психологическая значимость, морально-волевая устойчивость.

Попадая в новую социальную среду, молодые люди далеко не всегда могут к ней успешно адаптироваться. Они порой в ней теряются. Им приходится самостоятельно организовывать свой быт, режим питания, следить за своим здоровьем. Думается, указанные выше субъекты воспитательного процесса призваны помочь учащейся молодежи приспособиться к новым бытовым условиям, расписанию учебных занятий, режиму проживания и питания в общежитиях, словом, освоить обновленное социальное и духовное пространство.

В свою очередь, упущения в разъяснительной и профилактической работе существенно сказываются на оценке молодежью нездоровых форм досуга. Об этом убедительно говорят ответы респондентов на такой постоянно актуальный вопрос, как «Насколько глубоко вы осознаете далекие последствия пагубных удовольствий (курение, употребление спиртных напитков, наркотиков, беспорядочных половых связей и др.)?». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 3.

Данные этой таблицы отчетливо обнажают конкретную тенденцию: по мере взросления респондентов увеличивается количество обучающихся, глубоко оценивающих пагубность нездоровых форм досуга. Особенно высок этот показатель у девушек, что совершенно закономерно. С возрастом они более острее, чем юноши, ощущают актуальность своего здоровья, которое им необходимо для рождения крепких и полноценных детей.

Но ответы опрошенных говорят и о том, что довольно значительная часть учащейся молодежи не имеет отчетливого представления о вредных для здоровья факторах (см. индикаторы 2, 3, 4). Следовательно, те, кто постоянно работает с молодежью, обязаны регулярно разъяснять ей значимость здорового образа жизни, его духовную ценность.

Поскольку сохранение и укрепление здоровья как очень

важного приоритета человеческого бытия непосредственно связано с физическим образованием, то респондентам задавался и соответствующий вопрос: «Удовлетворены ли вы проведением занятий по физической культуре?». Мнения опрошенных (в %) предоставлены в таблице 4.

Сравнив мнения респондентов, опрошенных в разные годы, в их ответах можно заметить существенные различия. Среди старшеклассников и студентов немало таких, которые либо не довольны проведением занятий по физической культуре, либо не могли дать на поставленный вопрос внятный ответ (см. индикаторы 2 и 3).

В этой связи респондентам задавался конкретизирующий вопрос: «Если вы не удовлетворены проведением занятий по физической культуре, то почему? (возможны несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) предоставлены в таблице 5.

Значимость ответов респондентов заключается в том, что они позволяют более отчетливо отследить состояние и динамику физического воспитания учащейся молодежи. Эта динамика негативна. По характеру причин, снижающих интерес респондентов к занятиям физическими упражнениями, их условно классифицируем на три группы: методические, организационные, личностные. К методическим причинам следует отнести схематизм в проведении занятий, которым особенно не довольны респонденты 10-х и 11-х классов. Причем у девушек этот показатель достигает 93 % (см. индикатор 1). В графе «Что еще, укажите» они указали на нагрузки, не соответствующие их физическим возможностям. Эти причины свидетельствуют об определенных методических упущениях в физическом воспитании учащейся молодежи.

К организационным причинам необходимо отнести неоправданную трату времени на построения, строевые упражнения (см. индикатор 2), отсутствие спортивных тренажеров (см. индикатор 3). В ответах респондентов — это самый высокий показатель. Старшеклассники отметили еще то, что им не хватает спортивного инвентаря (см. индикатор 4). По сути дела, и школа, и вуз испытывают в нем острую потребность.

Личностным фактором, снижающим интерес респондентов к занятиям физическими упражнениями, является индифферентное отношение некоторых преподавателей физической культуры к их анатомо-физиологическим способностям (см. индикатор 5). Можно предположить, что определенная часть физкультурно-преподавательского состава недостаточно учитывает возрастные и анатомо-морфологические характеристики обучаемых.

В целом динамика социологических исследований позволила выявить конкретные объективные и субъективные факторы, негативно влияющие на физическое обучение и воспитание учащейся молодежи. Но если для устранения первых необходимы определенные материальные средства, то действенность и эффективность вторых во многом (если не во всем) зависит от профессионализма преподавателей физической культуры, от владения ими инновационными методами и приемами физического воспитания.

Обнаруженные недостатки в проведении занятий по физической культуре существенно ослабляют гражданско-патриотическую составляющую физического воспитания [12]. Об этом говорят ответы респондентов на весьма важный вопрос «Способствуют ли учебные занятия физическими упражнениями выработке у вас социально-психологических и духовно-идеологических качеств, которые перечислены ниже? Если да, то каких? (возможны несколько

вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 6.

Нет смысла подробно комментировать всю цифровую статистику этой таблицы. Она довольно прозрачна и достаточно отчетливо обнаруживает определенные промахи и упущения физкультурно-преподавательского корпуса в физическом развитии учащейся молодежи. Если же говорить о гражданско-патриотической составляющей физического воспитания обучающихся, то в целом она совершенно выпала из его поля зрения (см. индикаторы 5 и 6). Для подавляющего большинства респондентов укрепление здоровья для своей будущей профессии и готовности защищать свое Отечество являются актуальными ценностями. Мы несколько не сомневаемся в объективности ответов обучаемых, поскольку они коррелируются с нашими предыдущими социологическими исследованиями, в которых эти приоритеты также занимали невысокие позиции в системе ценностных ориентаций учащейся молодежи и субъектов воспитательного процесса [13; 14].

К тому же в 2016 году студентам ветеринарной академии вновь задавался вопрос «Считаете ли вы себя патриотом своей страны?». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 7.

Таблица 7. — Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы себя патриотом своей страны?»

Динамика социологических исследований	2016 г.	
	Студенты	
Учащаяся молодежь	Юноши	Девушки
Варианты ответов:		
Определенно, да	50	17
Скорее да, чем нет	29	46
Скорее нет, чем да	12	23
Не считаю себя таковым	9	4
Затрудняюсь ответить	—	16

Как видно из ответов студентов, у большинства из них нет четкой определенности в признании себя патриотом своей страны. Не стоит доказывать очевидную истину: любовь к Отечеству формируется прежде всего в семье. Именно в ней закладываются базовые ценности личности. Тем не менее учебные заведения выступают очень важным звеном в социализационном процессе учащейся молодежи, в котором терминальные приоритеты, выработанные в семье, должны развиваться на более высоком, социально значимом уровне. И советская социально-гуманитарная образовательная система долгое время занимала передовые позиции в физической социализации подрастающего поколения.

В недалеком прошлом гражданско-патриотическая составляющая пронизывала все содержание физического образования. Ее основой был Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО). Он способствовал укреплению здоровья, всестороннему развитию граждан, успешной их подготовке к трудовой деятельности, защите социалистической Родины. К сожалению, с распадом СССР гражданско-патриотическая составляющая

Таблица 6. — Распределение ответов на вопрос «Способствуют ли учебные занятия физическими упражнениями выработке у вас социально-психологических и духовно-идеологических качеств, которые перечислены ниже? Если да, то каких?»

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Варианты ответов:						
Дисциплинированности	30	34	23	15	50	13
Организованности	41	40	15	19	21	13
Силы воли	54	58	20	25	14	7
Ответственности	27	23	13	13	43	45
Укрепление здоровья для своей будущей профессии	25	20	16	20	43	31
Готовности к защите своего Отечества	21	0,2	13	8	0,9	0,5
Гибкости, подвижности, ловкости	—	—	—	—	43	56

была «изъята» (сознательно или нет) из указанного социализационного процесса и стала трактоваться и по сей день трактуется, подчеркнем еще раз, как выработка двигательных навыков и физических качеств личности. Об этом мы говорили неоднократно [15 и др.].

Однако аксеоматичен следующий факт: без духовных оснований индивида у него невозможно сформировать подлинную силу, выносливость, гибкость и другие физические качества, которые так необходимы будущим защитникам Отечества. В этой связи специально подготовленные субъекты воспитательного процесса — преподаватель физической культуры, спортивные тренеры, врачи, учителя допризывной подготовки и др. — обязаны неуклонно разъяснять современному поколению, что сохранение и укрепление здоровья — это не только (и не столько) самоцель и самоценность, но очень важный фактор национальной безопасности и процветания Республики Беларусь.

Анализом таблицы 7 мы закончили рассмотрение сознательных факторов физической социализации учащейся молодежи. Вместе с тем представление о динамике обозначенных социологических замеров будет неполным, незавершенным, если не исследовать стихийные факторы физической социализации обучающихся — физическую активность и старшеклассником, и студентов во внеурочное время.

Исходя из указанной проблемы респондентам задавались следующие вопросы: «Занимаетесь ли вы во внеурочное время физическими упражнениями и спортом?» (Блок А); «Если занимаетесь, то как часто?» (Блок Б). Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 8.

Актуальность этой таблицы заключается в том, что она позволяет выявить определенную позитивную тенденцию: спонтанное возрастание физической активности учащейся

Таблица 8. — Распределение ответов на вопросы «Занимаетесь ли вы во внеурочное время физическими упражнениями и спортом?» (Блок А); «Если занимаетесь, то как часто?» (Блок Б)

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Учащаяся молодежь						
Варианты ответов						
Да	75	64	69	57	80	77
Нет	25	36	31	43	20	23

Блок Б

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Варианты ответов:						
Занимаюсь практически ежедневно	27	15	9	26	55	21
Занимаюсь 3-4 раза в неделю	29	22	47	21	8	25
Занимаюсь 1-2 раза в неделю	35	43	38	34	37	35
Занимаюсь 1-2 раза в месяц	9	20	6	19	—	19

Таблица 9. — Распределение ответов на вопрос «Где вы занимаетесь физическими упражнениями и спортом?»

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Учащаяся молодежь						
Варианты ответов:						
В общежитии (в фойе, в комнате)	–	–	14	20	31	50
На стадионе	48	38	9	4	–	–
В парковой зоне	13	13	14	14	26	31
В спортивных секциях	49	30	15	11	50	10
В физкультурно-оздоровительном комплексе	13	16	1,5	4	45	21
В фитнес клубе	15	31	1,5	2	0,1	22
В ледовом дворце	0,7	0,8	3	6	–	–
В школьных спортивных залах, спортивных залах ветеринарной академии	1	1	30	20	30	20
Где еще, укажите	0,2	0,6	0,1	0,2	0,1	0,2

Таблица 10. — Распределение ответов на вопрос «Если вы не занимаетесь физическими упражнениями и спортом, то почему?»

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Учащаяся молодежь						
Варианты ответов:						
Не занимаюсь, потому что нет времени (оно все уходит на учебу)	16	38	53	61	33	50
Нет средств для оплаты физкультурно-спортивных услуг	15	12	7	7	22	25
Отсутствие подходящей компании	17	23	26	8	33	16
Мне это не интересно	28	20	7	8	7	1
Просто лень	51	47	7	12	11	0,5

Таблица 11. — Распределение ответов на вопрос «Что побуждает вас заниматься физическими упражнениями и спортом?»

Динамика социологических исследований	2006 – 2007 гг.		2008 – 2009 гг.		2016 г.	
	Старшеклассники		Студенты		Студенты	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Учащаяся молодежь						
Варианты ответов:						
Усовершенствование телосложения, приобретение оптимального веса	53	75	20	28	18	72
Укрепление здоровья, улучшение физического состояния	70	65	27	27	72	60
Получение эмоциональной разрядки	37	42	16	16	27	35
Развитие физической привлекательности	36	41	15	10	0,1	26
Желание расширить круг общения, быть в компании друзей	24	20	8	7	0,1	0,3
Научиться давать отпор тем, кто посягает на мою неприкосновенность	23	15	11	4	0,1	0,7
Занимаюсь, чтобы участвовать в различных физкультурно-массовых мероприятиях, спортивных соревнованиях	24	11	2	3	27	0,1
Занимаюсь для достижения высоких спортивных результатов	18	5	1	1	0,1	0,7
Что еще, укажите	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1

молодежи во внеурочное время. На наш взгляд, эта стихийность обучающихся во многом объясняется их неудовлетворенностью проведением занятий по физической культуре. И далеко не случайно значительная часть опрошенных самостоятельно занимается своим физическим развитием, причем практически ежедневно (см. блок Б, индикатор 1).

По сути, ежедневная активность респондентов есть не что иное, как регулярное занятие физической зарядкой. Она значима тем, что позволяет уже с утра взбодриться, «встряхнуть» с себя сон и активно включиться в учебный процесс. К сожалению, в качестве потребности физическая зарядка актуальна лишь для небольшого числа старшеклассников и студентов. А, как известно, потребность — есть источник активности личности, важный побудительный мотив ее деятельности.

Думается, физкультурно-преподавательскому составу следует более целенаправленно разъяснять и пропагандировать эту значимую составляющую социализации обучающихся, стараться превратить физзарядку в сознательную компоненту их физического развития. Пропаганда тогда будет эффективной и действенной, когда заурядная физическая зарядка — комплекс упражнений — превратится в ежедневную необходимость учащейся молодежи, в сознательный элемент ее здорового образа жизни.

По ходу своих рассуждений отметим, что частота занятий физическими упражнениями 1–2 раза в месяц неэффективна и пользы для здоровья не принесет (см. блок Б, индикатор 4). Об этом также следует говорить преподавателям физической культуры. Предыдущие ответы респондентов обусловили постановку следующего вопроса: «Где вы занимаетесь физическими упражнениями и спортом? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 9.

Из ответов респондентов видно, что старшеклассники физическими упражнениями и спортом занимаются преимущественно на стадионе и в спортивных секциях (см. индикаторы 2 и 3). Студенты же свою физическую активность проявляют в основном в общежитиях, в спортивных залах и секциях, в фитнес клубе (см. индикатор 1, 3, 4, 8).

Между тем динамика указанного десятилетнего мониторинга свидетельствует о том, что спортивные залы средних школ и ветеринарной академии недостаточно загружены. Они не должны пустовать в свободное от учебы время, в частности в выходные и праздничные дни. В этой связи выскажем общеизвестную истину: под руководством специалиста занятия физическими упражнениями будут более эффективными, чем их спонтанное выполнение во дворе, парковой зоне или на стадионе. Безусловно, его труд должен быть дополнительно оплачен. То, что указанная проблема существует, говорит и депутат

Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, председатель Белорусской федерации легкой атлетики В. Девятковский: «Что касается крытых физкультурных сооружений, то они не для всех категорий граждан доступны по цене. Решением этой задачи должны стать гибкая ценовая политика и обеспечение шаговой доступности объектов для занятий физической культурой и спортом, в том числе активного использования потенциала учебных заведений» [16].

Одновременно респонденты отвечали на такой вопрос: «Если вы не занимаетесь физическими упражнениями и спортом, то почему? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 10.

В целом показатели этой таблицы совершенно понятны и не требуют подробных комментариев. Но первый индикатор не столь убедителен, и вот почему. Ссылка респондентов на нехватку времени сомнительна, поскольку, отметим это еще раз, регулярные занятия физическими упражнениями можно приравнять к заурядной физзарядке, на выполнение которой необходимо от силы 20 – 30 минут. И это время всегда можно найти, было бы желание и потребность в ней. Анкетирование было подытожено таким вопросом: «Что побуждает вас заниматься физическими упражнениями и спортом? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 11.

Цифровая статистика обозначенной таблицы достаточно определяет позитивную тенденцию: социально значимую мотивацию респондентов, которые во внеурочное время занимаются физическими упражнениями и спортом. И эту позитивную тенденцию обязаны знать представители физкультурно-преподавательского корпуса. На наш взгляд, знание позитивных мотивов обучающихся, которые проявляют физическую активность во внеурочное время, поможет преподавателям разнообразить методику проведения занятий по физической культуре, эффективно вовлекать обучаемых в различные спортивные секции и спортивно-массовые мероприятия.

В целом ответы респондентов вынуждают нас сделать такое утверждение: поскольку отечественная система физкультурного образования не в состоянии в полной мере выработать у старшеклассников и студентов их физические и духовно-психологические качества, то они самостоятельно, можно сказать, стихийно стремятся реализовать свой анатомо-физиологический потенциал, приобщиться к ценностям физической культуры. В этом, как нам думается, заключается определенное противоречие между личными интересами обучающихся и отечественной системой физического образования.

Свои размышления закончим следующими выводами. Физическая активность человека — главный и решающий фактор сохранения и развития его здоровья, ничем не заменимое универсальное средство профилактики недугов, замедления процессов старения. Следовательно, физическая социализация, ядром которой является физическое образование, призвана формировать целостную личность, гармонизировать ее духовные и физические возможности.

Учебные заведения как важные промежуточные заведения физической социализации учащейся молодежи недостаточно эффективно пропагандируют и формируют у нее ценность здоровья, которая является важнейшей ценностью человеческого бытия. В самом процессе физической

социализации и старшеклассников, и студентов ее стихийная компонента начинает доминировать. Школьная и вузовская системы воспитания не способствуют выработке у современной молодежи приоритетов физической культуры. Многие из них стремятся самостоятельно удовлетворять свои физические и духовные потребности и интересы. Это — во-первых.

Во-вторых, физическое образование учащейся молодежи необходимо рассматривать как систему, в которой тесно переплетаются две ключевые ее составляющие: физическое обучение и воспитание. Проведенные нами социологические исследования позволили выявить определенную негативную тенденцию: физические и социально-психологические качества старшеклассников и студентов формируются, по сути дела, в отрыве от гражданско-патриотических ценностей, что значительно ослабляет гражданско-патриотическую социализацию учащейся молодежи.

В-третьих, несмотря на то, что подавляющее большинство обучающихся занимаются во внеурочное время физическими упражнениями и спортом, тем не менее, для многих они не стали потребностью. Субъекты воспитательного процесса — преподаватели физической культуры, спортивные тренеры, учителя допризывной подготовки и др. — недостаточно пропагандируют такой важный компонент физического воспитания, как физзарядку, не требующую больших временных затрат.

В-четвертых, администрациям учебных заведений следует более действенно использовать во внеурочное время стадионы и спортивные залы для проведения физкультурных и спортивных вечеров, спортландий, дней здоровья, спортивно-массовых мероприятий и т. д.

И последнее. Только применяя инновационные методы и формы физического обучения и воспитания можно выработать у современного поколения здоровый образ жизни, укрепить его здоровье, являющееся одним из ключевых факторов национальной безопасности Республики Беларусь.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Советская Белоруссия. — 2015. — 30 апреля. — С. 6.
2. *Гащенко, Л. А.* Методологические основания гражданско-патриотической социализации учащейся молодежи / Л. А. Гащенко // *Вестник ВДУ*. — 2008. — № 4. — С. 9.
3. *Холодов, Ж. К.* Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учебн. завед. / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 480 с.
4. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов. Т. 35 / Сост. Ф. П. Сулов, Д. А. Тышлер. — М.: СпортАкадемия Пресс, 2001. — С. 443.
5. Спортивная энциклопедия Беларуси / редкол.: Ю. Л. Сиваков / пред. [и др.]. — Мн.: Бел. эн., 2005. — 504 с.
6. *Матвеев, Л. П.* Теория и методика физического воспитания; теоретико-методологические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры: учебн. для ин-тов физ. культ. / Л. П. Матвеев. — М.: Физкультура и спорт, 1991. — 543 с.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
8. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. — М., 1998. — С. 478.
9. *Гащенко, Л. А.* Концептуализация понятия «физическая социализация» / Л. А. Гащенко // *Вестник ВДУ*. — 2009. — № 2. — С. 16 — 21.
10. *Михайлов, В.* Физическая культура в период строительства коммунизма / В. Михайлов. — М., 1964. — С. 56.
11. *Гащенко, Л. А.* Здоровье как ресурс нации /

Л. А. Гащенко, П. С. Васильков // *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова: сборник научных статей*. — Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2008. — С. 38 — 48.

12. *Гащенко, Л. А.* Гражданско-патриотическая составляющая физического воспитания старшеклассников и студентов / Л. А. Гащенко, П. С. Васильков // *Проблемы человека в современном социально-гуманитарном знании: материалы международного научно-практического семинара*, Витебск, 14 мая 2010 г. Ч. 1 / УО «ВГТУ», под общ. ред. О. И. Чесноковой. — Витебск, 2010. — С. 174 — 179.

13. *Русецкий, А. В.* Изучение Великой Отечественной войны — важная составляющая гражданско-патриотической социализации учащейся молодежи / А. В. Русецкий, Л. А. Гащенко // *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных статей*. — Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2008. — С. 3 — 24;

14. *Русецкий, А. В.* Гражданско-патриотическое мировоззрение воспитателей, учителей и медицинских работников Республики Беларусь: состояние и динамика / А. В. Русецкий, Л. А. Гащенко // *Идеологические аспекты военной безопасности*. — 2014. — № 1. — С. 24 — 32.

15. *Васильков, П. С.* Физическое воспитание — важная составляющая военно-патриотического воспитания учащейся молодежи Республики Беларусь / П. С. Васильков, Л. А. Гащенко, О. Л. Гащенко // *Идеологические аспекты военной безопасности*. — 2009. — № 2. — С. 42 — 47.

16. Не хватает физкультуры // *Советская Белоруссия*. — 2016. — 6 июля. — С. 2.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.12.2016.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «АРМИЯ»